

НИНА ИЩЕНКО

Борьба цивилизаций в
«Отблесках Этерны»

НИНА
ИЩЕНКО

Нина Ищенко

Я рада, что Луганску это нужно. Даже если мнение критика не совпадает с мнением автора.

Вера Камша, автор цикла "Отблески Этерны", Москва

С тех пор как Хорхе Луис Борхес убил автора, а Милорад Павич превратил текст в гипертекст, чем можно удивить искушённого читателя? Игра мысли, хороший слог и нестандартный взгляд на привычные вещи по-прежнему в цене, но не только этим ценна книга Нины Ищенко «Борьба цивилизаций в «Отблесках Этерны»!»! Она интересна как попытка взглянуть на такой легкий и увлекательный жанр как фэнтези с помощью научной оптики. Эта книга представляет собой плоды чтения и научного поиска, в ходе которого и автор, и читатель найдут ответы на вопросы, касающиеся столкновения и борьбы двух цивилизаций: и в вымышленном мире Веры Камши, и в нашем современном мире.

Так что смело отправляемся в путь, намеченный для нас двумя яркими авторами: Верой Камшой и Ниной Ищенко.

Нас ждут увлекательные открытия!

Елена Заславская, поэт, Луганск

Борьба цивилизаций в
«Отблесках Этерны»

Нина Ищенко

**БОРЬБА ЦИВИЛИЗАЦИЙ
В «ОТБЛЕСКАХ ЭТЕРНЫ»**

**культурологический анализ
литературного сериала**

Луганск
2021

УДК 140.8+130.2
ББК 87.5+71.04
И98

Ищенко Н. С.

И 98 Борьба цивилизаций в «Отблесках Этерны»: культурологический анализ литературного сериала / Н. С. Ищенко. – Луганск, 2021. – 159 с.

Книга литературной и философской критики цикла фэнтезийных романов Веры Камши «Отблески Этерны» посвящена поиску ответа на вопрос, как культурные конфликты русской и протестантской цивилизаций проявляются в мышлении, характерах, поступках вымышленных персонажей и событиях, развернувшихся в фэнтезийном мире романов.

Книга будет интересна читателям фэнтези и поклонникам творчества В. Камши, культурологам, интересующимся феноменами современной культуры, а также широкому читателю, желающему познакомиться с современным русским фэнтези и современной культурологией.

УДК 140.8+130.2
ББК 87.5+71.04

© Ищенко Н. С., 2021

ПУТЕШЕСТВИЕ С ВЕРОЙ КАМШОЙ И НИНОЙ ИЩЕНКО

Дорогой читатель, какая непростая задача стоит передо мной: без спойлеров рассказать об удивительном путешествии, которое ждет тебя на страницах этой книги!

Впрочем, если я буду недостаточно искусна, ты вправе пропустить предисловие и отправиться в путь без напутствия и ориентиров.

С тех пор как Хорхе Луис Борхес убил автора, а Милорад Павич превратил текст в гипертекст, чем можно удивить искушенного читателя? Но я уверена, что игра мысли, хороший слог и нестандартный взгляд на привычные вещи по-прежнему в цене. И не только этим ценна эта книга! Она интересна как попытка взглянуть на такой легкий и увлекательный жанр как фэнтези с помощью научной оптики.

Но прежде чем ты приступишь к чтению, мне бы хотелось сказать несколько слов об авторе, его книгах, и о тебе, дорогой читатель.

Автор этой книги луганский философ, культуролог и публицист Нина Ищенко предстает перед нами в трех ипостасях — как внимательный читатель, как оригинальный мыслитель-ученый и как писатель, который постарался облечь свои мысли в форму эссе.

Немецкий писатель, нобелевский лауреат Германа Гессе в своем сочинении «О чтении книг» выделяет три вида читателей:

– наивный читатель («Этот читатель поглощает книгу, как еду, он только потребитель, он наедается и напивается, как мальчик – книгами об индейцах, как горничная – романами о графинях или студент – Шопенгауэром. Такой читатель ведет себя по отношению к книгам не как личность по отношению к личности, а как лошадь по отношению к яслям или как та же лошадь по отношению к кучеру: книга ведет, читатель за нею следует»);

– хороший читатель («Этот читатель знает, как знают все дети, что смысл каждой вещи может заключать и десять, и сто значений. Этот читатель может, например, наблюдать, как писатель или философ стараются внушить себе и читателям свое толкование и оценку вещей, наблюдать, посмеиваясь и усматривая в кажущемся произволе и свободе писателя лишь вынужденность и зависимость. Этот читатель очень осведомлен: он знает истину, обычно совершенно неизвестную профессорам литературы и литературным критикам, – что свободный выбор содержания и формы есть чистая фикция... этот читатель идет за писателем не как лошадь за конюхом, а как охотник – по следу»);

– играющий читатель («Такой читатель не желает ни образовываться, ни развлекаться, а пользуется книгой как любым предметом на свете, она для него – всего лишь исходная точка и генератор идей. Ему, в сущности, безразлично, что читать. Философа он читает не для того, чтобы ему верить, усваивать его учение и не для того, чтобы это учение атаковать и критиковать; писателя он читает не для того, чтобы с его помощью понять мир. Он все понимает сам. Он, если угодно, совершенное дитя. Он всем играет, и с определенной точки зрения нет ничего плодотворней и полезней, чем игра со всем и вся... В момент, когда наша фантазия и ассоциативная способность переживают кульминацию, мы читаем уже совсем не то, что видим перед собой на бумаге, а плывем в потоке стимулов и идей, почерпнутых нами из прочитанного. Они могут быть почерпнуты из текста, но могут быть внушены и только шрифтом»).

К третьему виду читателей относится Нина Ищенко. Прочитав цикл романов Веры Камши «Отблески Этерны», она поведет нас далеко за пределы Ожерелья миров! Мы отправимся в путешествие из мира магии в мир науки.

Сфера научных интересов Нины Ищенко складывалась на моих глазах: это русская культура, идеи платонизма, культурная идентичность и процессы культурного взаимодействия русской цивилизации с другими цивилизациями. Многие идеи, описанные в книге, были озвучены Ниной на заседаниях Философского монтеневского общества. Нина Ищенко стала редактором-составителем сборников Философского монтеневского общества Луганска – «На грани мира и войны» (2015) и «Четверть века с философией» (2016), «Дон-

басс в огне» (2018), «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019), «Монтень в Луганске» (2020), «Донбасс: философия фронта» (2021).

В 2020 году вышла первая книга Нины Ищенко «Локусы и фокусы современной литературы», а следом «Книжная полка Татьяны Лариной» и книга-дневник, посвященная событиям военного 2014 года, «Луганск на передовой». Все они есть в открытом доступе в интернете.

Новая книга Нины Ищенко «Борьба цивилизаций в "Отблесках Этерны"» представляет собой плоды чтения и научного поиска, в ходе которого и автор, и читатель найдут ответы на вопросы, касающиеся столкновения и борьбы двух цивилизаций и в вымышленном мире Веры Камши, и в нашем современном мире.

В своих заметках о книге уже упомянутого выше Германа Гессе «Паломничество в страну Востока», Нина писала: «Гессе описывает на первый взгляд реальное физическое путешествие некоего братства. Однако второй слой этого образа – метафорическое изображение чтения. Во всяком случае, я читаю именно так... все развлечения и отвлечения, повороты на окольные пути оказываются строго необходимыми, могут и должны использоваться в работе, так что паломничество становится еще и метафорой творчества, написания текста». Так что смело отправляемся в путь, намеченный для нас двумя яркими авторами: Верой Камшой и Ниной Ищенко.

Нас ждут увлекательные открытия!

*Елена Заславская,
поэт, детский писатель,
член Союза писателей ЛНР,
Союза писателей РФ*

КАК ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ, ИЛИ НЕМНОГО ОБ ИМПЕРАТОРАХ, САМОЗВАНЦАХ, МАГИИ И КОН- ФЛИКТЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Цикл романов «Отблески Этерны» Веры Камши я читаю с 2011 года, когда моя подруга москвичка Ольга Валькова познакомила меня с этой эпопеей. Книги пишутся с 2004 года, новые части выходят постепенно, никто не знает, чем закончится сюжет. Я вместе с другими читателями переживала длинный перерыв в несколько лет, вызванный войной в Донбассе, когда автору казалось, что в такой ситуации невозможно писать фэнтезийные книги. Однако в 2017 году цикл возобновился, и в 2021 году планируется его экранизация.

Сериал, снятый по этим книгам, обещает стать русской «Игрой Престолов». Экранизация послужила для меня поводом написать книгу о литературных особенностях эпопеи, о сути и принципах работы фандома, а также о поступках и мотивах персонажей, за которыми стоит специфическая культурная реальность, отражающая не столько условную европейскую монархию фэнтезийного романа, сколько современную Россию и ее принципы существования.

Цикл об Этерне я начинала читать для развлечения и отдыха. Я из советских детей, воспитанных на Александре Дюма, и у меня привычно вызывает позитивные эмоции роман плаща и шпаги, бросающий читателя в мир интриг, дуэлей, погонь и военных схваток. Однако по мере чтения романа, который развивался, разрастался и дробился на части, я стала находить в нем и другой интерес. Цикл оказался близок мне как ученому, специалисту по межкультурной коммуникации и философии культуры, а также человеку, который живет и работает в Донбассе, на рубеже России, где вопросы о культурной границе и принципах творчества в кризисной ситуации решаются в реальной жизни в обстановке предельного выбора. Для меня важно, что мой любимый литературный сериал оказался созвучен происходящему на моей малой родине в Луганске, на фронтире, на границе Русского мира. Кто знает, может, моя книга станет вкладом в осмысление

настоящего и будущего России и республик Донбасса, которые прямо сейчас в условиях военного времени интегрируются в русское культурное пространство.

В книге «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» после краткого вступления о самой эпопее, ее литературных особенностях и основных персонажах помещен большой блок, посвященный историко-философскому анализу и обоснованию применения культурологических категорий для рассмотрения цикла. Это три главы, где нет ничего фэнтезийного, магического и приключенческого, они научны по своему характеру, и хотя не снабжены ссылками на источники как научные статьи, в них излагаются рабочие модели и известные философские концепции. Во второй части показано применение описанных принципов, моделей и терминов к анализу произведения.

В книге читатель найдет мысленные эксперименты, лирические отступления, новый взгляд на классических авторов, обсуждение культурного архетипа Невидимой Церкви и его связь с Городом на Холме, старыми деньгами и старой властью в современном мире. Здесь также описана русская модель управления в двух режимах, показано ее действие в русской истории, современном Донбассе и цикле Веры Камши. В книге есть очерк о технологической магии, большое внимание уделяется ненадежным рассказчикам, фандомной литературе и способам включения читателя в текст.

После прочтения этой книги читатель по-новому посмотрит на произведения Борхеса, Конан Дойля, Толкина, Шекспира, Фолкнера, Марк Твена, Гете, Вальтер Скотта, Загоскина, Льва Толстого, Пушкина и Лермонтова. Я обсуждаю также концепцию истории Прокопия Кесарийского, философию Фридриха Ницше и морфологию истории Освальда Шпенглера, рассказываю о Римской республике, Римской империи, втором и третьем Риме, о России накануне конца света в XV веке и Длинном Шестнадцатом веке, породившем протестантскую цивилизацию-Чужого, и о цивилизационном конфликте этой цивилизации с Русским миром. В книге также говорится о том, чем император отличается от короля, любая европейская страна от России, а также империя от колониального государства.

Как показал опыт, мои размышления по поводу персонажей книги могут быть поняты и без научной оптики. Частично они были записаны в моем блоге и обсуждались с читателями из фандома «Отблесков Этерны». В 2013 году я провела много

времени в сетевом общении на темы эпопеи, и именно эта ситуация заставила меня задуматься о том, что же такое фандом, как он функционирует и по каким законам развивается.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Ольгу Валькову за мое знакомство с циклом и неизменную готовность обсуждать все темы, связанные с эпопеей, а также софандомников, которые в далеком довоенном 2013 году тратили свое время на дискуссии, потому что «в интернете кто-то не прав». Не могу не отметить фандомного автора под ником «Альва с мозгами», создавшего альтернативу первым трем томам канона, максимально используя всю данную в цикле информацию. Эта реконструкция во многом созвучна моим размышлениям, и вольно или невольно использовалась в моей книге. Также мне были интересны версии событий авторов с дайри с никами Волкодав Котик и Tia-T@i\$a. Персонажей и сюжет цикла я обсуждала с Elarique, Arme, Ин-Йин. Вопросы об империи и колониальном государстве обсуждались с Николаем Ласточкиным и Константином Тулиновым в жж, с Вуком Задунайским в дайри.

Я старалась давать ссылки на тех блогеров, авторов идей и концепций, с которыми я общалась в сети. Поскольку внутренняя работа идет постоянно, это не всегда возможно – какие-то вещи сплелись в единое целое с ощущением «я так думала всегда». Я понимаю, что это неверно, но уже не помню источников. Поэтому здесь я благодарю всех, кого не упомянула, за их участие в формировании моего мировоззрения, за создание интеллектуальной среды, сделавшей возможным обсуждение серьезных тем на высоком научном уровне. Результаты этого общения использованы в книге.

Я уверена, что моя книга не станет последним словом в восприятии литературного сериала «Отблески Этерны», дискуссии и обсуждения продолжатся, герои обретут новых сторонников и противников. Я рассматриваю свою книгу как одну из возможных версий сюжета и вклад в создание информационного пространства, в котором по интересным книгам ставятся хорошие фильмы и пишется адекватная критика.

Я надеюсь, что читателям будет так же интересно читать эту книгу, как мне было интересно ее писать.

*Нина Ищенко,
кандидат философских наук,
член Союза писателей ЛНР
Луганск, 2021*

ВСТУПЛЕНИЕ
МИР ЭТЕРНЫ

МИР ЭТЕРНЫ

Что такое Этерна и почему она блестит?

«Отблески Этерны» – цикл фэнтезийных романов современной российской писательницы Веры Камши. Цикл был начат в 2004-м и заявлен как трилогия, однако на данный момент, к 2021-му году, он уже содержит шестнадцать томов и еще не дописан. Экранизация романов планируется в 2021 году компанией «Блэк Принц Продакшнс» во главе с продюсером Евгением Барановым, о чем было сообщено на сайте «Fitzroy» 25 сентября 2020 года.

Действие романов разворачивается в государстве Талиг на планете Кэртиана, входящей в великое Ожерелье миров. Ожерелье окружено мистической сущностью, называемой в романах Чужим или скверной. Скверна стремится поглотить миры, разрушая связи между их элементами, начиная с человеческих эмоций и заканчивая физическим уровнем бытия. Скверну сдерживают на Рубеже Стражи Заката, известные также как Одинокие. Базой Одиноких долгое время служила космическая цитадель Этерна.

В настоящее время Этерна разрушена, и происходящее в Кэртиане – последние отблески ее существования, борьбы Стражей со скверной. Эту борьбу теперь должны вести люди без помощи сверхкосмических существ, поскольку с уничтожением Этерны Стражи потеряли большинство своих сил, включая возможность создавать себе подобных. Люди, обитающие в мирах Ожерелья, способны бороться со скверной, но они не знают об угрозе и ничего не делают.

Кэртиана – один из миров, который скоро будет уничтожен скверной. Действие цикла романов разворачивается в финале истории, начатой тысячи лет назад на другом конце Вселенной. Сюжет, в развязке которого жители Кэртианы должны участвовать, разыгрывался так давно, что уже почти никому неизвестен. Кэртиана несет в себе остатки древней магии Этерны, но этих отблесков не хватит, чтобы победить в космической битве со скверной.

Не думая о забытых древних легендах, жители Кэртианы живут полной жизнью на кромке готового взорваться вулкана: влюбляются, рожают детей, пишут притчи, пьют вино, дерутся на дуэлях, плетут интриги, участвуют в государственных переворотах, побеждают в битвах, выстраивают стратегии или наслаждаются *dolce far niente*, не отличаясь в этом плане от жителей Земли, устраивающих свои дела в разгар экономических, политических и эпидемиологических кризисов накануне Апокалипсиса.

Возвращение Короля

Центральным сюжетом эпопеи, объединяющим материал всех книг цикла, является возвращение Короля. В роли короля, который должен вернуться и восстановить справедливость, в цикле «Отблески Этерны» выступает Альдо Ракан, наследный принц свергнутой Франциском Олларом четырёхста лет назад династии Раканов. Альдо Ракан с помощью наемников возвращает трон предков, однако ожидания читателя, воспитанного на классической приключенческой литературе, не оправдываются: воцарение Короля оказывается не счастливым финалом, а началом катастрофы.

Почему это происходит? Разрушая счастливый финал, автор действует произвольно или опирается на некую традицию?

В западноевропейской литературе возвращение Короля – это типичный счастливый сюжет, решение всех проблем, восстановление справедливости и мира, победа всего хорошего над всем плохим. Сюжет о возвращении короля восходит к легендам о короле Артуре, который не умер, но уснул на острове Авалон, и в конце концов обязательно вернется в свое королевство, неся ему мир и процветание.

Мифологический аспект сюжета структурирует многие реальные и вымышленные миры. Так, сюжет о возвращении короля неоднократно использовал классик английской литературы Уильям Шекспир. Сыновья Дункана уничтожили Макбета и воцарились в Шотландии с помощью английского войска. Генрих Седьмой победил кровавого узурпатора Ричарда Третьего, короля Англии, с помощью французской армии. В фэнтези этот сюжет разрабатывает Толкин, описывающий возвращение и воцарение настоящего короля Арагорна, представителя уничтоженной орками династии. У Шекспира и Толкина это однозначно счастливый финал.

Воцарение Самозванца

Напротив, в византийской и русской истории этот сюжет инвертирован: возвращение Короля реализуется как воцарение Самозванца, начало полномасштабной катастрофы. Именно так реализуется в истории воцарение в Константинополе царевича Алексея с помощью армии крестоносцев в 1204 году, и воцарение Лжедмитрия в 1605 году в захваченной с помощью польского войска Москве.

Начнем с византийского сюжета. В 1204 году крестоносцы взяли Константинополь. Это был самый яркий конец света в православном мире, особенно если смотреть из Руси: 1204 год – падение Константинополя, 1223 год – битва на Калке, 1239 год – Батыево нашествие. Но и с точки зрения греков картина была достаточно апокалиптическая. Значимой частью событий оказалось возвращение царевича Алексея.

Царевич Алексей – законный наследник византийского царя, отца его сверг узурпатор и захватил трон. Алексей ищет помощи для восстановления справедливости и обращается к крестоносной армии. Крестоносцы просят с него за помощь сумму, в несколько раз превышающую годовой бюджет Ромейской империи. Царевич все подписывает и на все соглашается. После захвата столицы крестоносцы считают, что невыплата им этих денег обусловлена коварством византийцев и что они имеют законное право пограбить стольный град Константинополь. Воцарение законного наследника кончается катастрофой, в результате которой наследник гибнет, иноземцы захватывают страну, центр государственности перемещается на восток, где формируется греческое правительство, которое шестьдесят лет спустя все-таки возвращается в столицу и восстанавливают империю.

Интересно, что аналогичная история повторяется в России четыре века спустя – это история царевича Димитрия. Сын Иоаннов, законный наследник (некоторые историки считают, что Гришка Отрепьев определенно верил в свое царское происхождение) приводит иноземные войска, чтобы свергнуть узурпатора. Счастливое воцарение законного правителя оборачивается катастрофой с убийством царя, захватом столицы поляками, концентрацией здоровых сил страны на севере с последующим возвращением в столицу под руководством Минина и Пожарского.

Король или Самозванец?

Итак, центральный сюжет цикла – история о катастрофе, которой заканчивается воцарение долгожданного и законного принца с помощью чужеземного войска. Этот сюжет при формальном совпадении содержательно противоположен сюжету о возвращении Короля в западноевропейской литературе, однако был реализован в византийской и русской истории.

Сюжет о воцарении Самозванца конкретизируется в разных частях цикла «Отблески Этерны». Кризис в столице вызывает обострение военной ситуации на границах, а также провоцирует ряд внутренних проблем. Кроме того, все это происходит в год Излома, когда Кэртиана беззащитна против скверны. Политические и магические неурядицы в рамках центрального сюжета о воцарении Самозванца дают автору возможность показать поведение разных персонажей в период исторической турбулентности, их ценности и иерархию приоритетов. Отношение к принцу сталкивается с отношением к Родине, которой принц принес войну, и каждый персонаж для себя решает вопрос, насколько важен династический принцип и что нужно делать, когда Самозванец сидит в столице.

Оруженосец хочет как лучше

В этот главный сюжет о воцарении Самозванца интегрирована история Ричарда Окделла, оруженосца кэналлийского герцога Рокэ Алвы, первого маршала Талига. События в Талиге в первой книге подаются с точки зрения Ричарда Окделла, и данные Ричардом первоначальные характеристики персонажей читатель воспринимает как правильные по умолчанию. Поскольку именно с этого второстепенного сюжета начинается цикл, он привлекает внимание читателей и воспринимается как основной. Именно в истории Окделла проявляется главный конфликт сюжета.

Окделл является репортером, то есть читатель имеет доступ к его внутреннему миру. Читатель знает, что все свои поступки он совершает не из эгоистических мотивов, а по возвышенным побуждениям. Им движет любовь и рыцарский долг. Ричард не манипулятор, в ряде ситуаций он действует

ответственно, рискует ради Альдо Ракана и своей возлюбленной, готов отвечать жизнью за свои решения, способен переступить через эгоизм и личные чувства. Как раз в этом ярко проявляется конфликт: практически никогда не действуя из эгоистических мотивов, Окделл совершает ряд преступлений и оказывается в жестком противостоянии с другими персонажами цикла.

Идентификация Окделла как ненадежного рассказчика придает повествованию глубину, усложняя сюжет и композицию. Появление новых рассказчиков, оспаривающих точку зрения Окделла и дающих читателю новую информацию и другие версии событий, ломает структуру всего цикла после третьего тома. Кроме того, именно по фигуре Окделла раскололся фандом «Отблесков Этерны». Об этих двух явлениях мы сейчас и поговорим.

Две части эпопеи: слом структуры

Цикл романов «Отблески Этерны» имеет сложную структуру: первые три тома являются традиционной трилогией: каждая книга – один роман. Четвертый и пятый тома раздробились на тринадцать частей. Именно художественная необходимость показать оборотную сторону западноевропейского сюжета о возвращении Короля привела к слому структуры эпопеи.

Вот как выглядит цикл романов в настоящее время:

- I. Красное на красном (2004).
- II. От войны до войны (2005).
- III. Лик победы (2005).
- IV. Зимний излом:
 1. Из глубин (2006).
 2. Яд минувшего. Часть I (2007).
 3. Яд минувшего. Часть II (2007).
- V. Сердце зверя:
 4. Правда стали, ложь зеркал (2008).
 5. Шар судеб (2009).
 6. Синий взгляд смерти:
 - I. Закат (2011).
 - II. Полночь (2012).
 - III. Рассвет (2017 – 2019):
 - 1) Часть I
 - 2) Часть II

- 3) Часть III
- 4) Часть IV
- 5) Часть V

IV. Весенний излом (2021).

Итак, всю эпопею условно можно разделить на две большие части: первые три романа имеют общие признаки и могут быть объединены в одну часть цикла, а книги, начиная с четвертой и вплоть до последней, являются второй большой частью эпопеи. Характерно, что и читатели чувствуют эту разницу: поклонники цикла уверенно делятся на тех, кто любит начало и не воспринимает продолжение, и на тех, кто считает, что с четвертой части только и начинается самое интересное.

От приключенческого романа к реалистическому

Разделение цикла на две части выражается в литературных характеристиках произведения. После третьего тома происходит смена жанровой принадлежности текста.

«Отблески Этерны» начинаются как исторический роман в стиле Дюма, действие которого разворачивается в государстве Талиг. В первой части используются основные персонажи и сюжетные коллизии «Трех мушкетеров» Дюма: слабый король, коварный кардинал, прекрасная королева, интриги, дуэли, отравления, сражения и прочие общие места приключенческого и авантюрного романа.

Если первые три тома можно считать приключенческим романом, то дальше начинается трансформация текста в роман реалистический. При сравнении любой из книг первой и второй части заметно резкое обеднение фабулы и смена главного героя.

Резкое обеднение фабулы сразу бросается в глаза. Например, в первой книге цикла «Красное на красном» описывается учеба главного героя Ричарда Окделла в военной школе Лаик, служба его оруженосцем Рокэ Алвы, дружба, любовь, дуэль, карты, дворцовые церемонии, военная кампания, первобытные ритуалы, и все это происходит на протяжении нескольких месяцев. В книге «Яд миновавшего» из второй части цикла примерно такой же объем текста посвящен одной-единственной ночи спасения Алвы и возвращения его в Ноху.

Обеднение фабулы объясняется сменой цели повествования и жанра произведения. В авантюрно-приключенческом романе автор проводит одного или немногих героев через множество разнообразных ситуаций (яркий пример – «Приключения Жиль Блаза» Лесажа). В реалистическом романе даются типичные образы и показаны типичные реакции. В центре приключенческого романа – отдельная личность, в центре реалистического – общность, коллектив. Показать общность можно разными способами – выявить типичное в единичном примере, создав типаж, или изобразить как можно больше вариантов поведения разных персонажей в одной и той же ситуации. Именно общность встает за перебором всех возможных типажей и вариантов. Только когда основные характеры прошли один сложный этап, автор переходит к следующему. Интрига тут не в смене событий, а в полном по возможности обзоре типичных реакций, из которых должна сложиться целостная картина.

Трансформация главного героя: Ричард Окделл и поколение Излома

Смена жанра произведения приводит и к трансформации главного героя: во второй части место Ричарда Окделла занимает целый ряд персонажей (Валентин Придд, Марсель Валме, Луиза Арамона, Лионель Савиньяк и другие), представляющие поколение Излома.

Главный герой первой части эпопеи, Ричард Окделл, является так называемым модульным героем: он более-менее обоснованно собирается автором из нескольких разнородных частей, а меняется не по причине внутреннего развития, а по причине смены автором используемого шаблона. Прототипами Ричарда Окделла послужили несколько узнаваемых типажей европейской приключенческой литературы XIX века: д'Артарньян Александра Дюма, барон Сигоньяк Теофиля Готье, Дик Шелдон из «Черной стрелы» Стивенсона и менее известный Перегрин Тэвернер из романа «Опасное богатство» Джорджет Хейер, писательницы начала XX века. В первых трех книгах цикла основная сюжетная линия связана с этим персонажем, чьи приключения формируют сюжетную канву историко-приключенческого романа.

При переходе от первой части эпопеи ко второй меняется главный герой цикла: если в начале это был яркий персонаж

Ричард Окделл и его антагонист кэналлийский герцог Алва, во второй части в центре внимания автора оказывается все поколение Излома: обычные люди без синего взгляда, непобедимого клинка и кэналлийских песен, их не хранит магия, они не гениальные полководцы, они могут падать и ошибаться, но именно они все вместе в разных концах страны, часто не зная друг о друге, в тяжелое время встают в строй, подставляют плечо, делают что должно на том месте, на которое поставила их судьба, и общими усилиями вытягивают страну из катастрофы. Именно появление этого героя так качественно меняет серию. Из романа плаща и шпаги цикл превращается в типичное произведение холистической литературы, где прослеживается становление не отдельной личности, а целой общности поколения Излома – всех жителей Та-лига и окрестных земель, которые должны пережить смену магического покровителя Кэртианы, самый опасный год за четыреста лет.

Ненадежные рассказчики детективных сюжетов

Метод подачи материала, используемый автором в романе, облегчает переход ко второй части, где действуют многие герои. В самом тексте никогда не слышен авторский голос, а о событиях читатель узнает от разных персонажей, так называемых репортеров или ненадежных рассказчиков.

Рассказчик является ненадежным, потому что не обладает всеведением автора и достоверно знает лишь о событиях, в которых участвовал лично, и то только о своих собственных мыслях и поступках. «Авторская позиция не озвучивалась, – определяет свое намерение писательница. – Все должно было идти через репортеров, которые могли ошибаться, всего не знать, быть предвзятыми и так далее. Делать выводы должен был читатель. Так из числа репортеров автоматически выпали основные игроки. На первый план выходили герои, которые в другое время и в другом месте никогда бы не вышли в ферзи. ...Я довольно быстро сообразила, что один должен быть эмигрант из числа разбитых мятежников, а второй – из опальной семьи, но проживающий на родине».

Прием описания событий не от имени автора, а с точки зрения разных репортеров широко используется в современной литературе. В фэнтези этим методом пользуются многие

авторы, включая американского писателя Джорджа Мартина. Первые попытки такой подачи материала известны в литературе XIX века, в частности, у Достоевского. Очень виртуозно этот прием использует американский писатель XX века Уильям Фолкнер.

В течение всей своей творческой деятельности Фолкнер писал цикл романов и рассказов о вымышленном округе Йокнапатофа на Юге США. От названия округа весь цикл получил название Йокнапатофской саги. От имени основных персонажей саги автор не говорит никогда – что думают Флем Сноупс, Юла Варнер и майор де Спейн, для нас остается тайной. Главные рассказчики его саги – Гэвин Стивенс и В. К. Рэтлиф – для сюжета герои второстепенные.

Квинтэссенцией такого подхода является ранний роман Фолкнера «Когда я умирала», где события даются как поток сознания разных персонажей, большого фермерского семейства и тех, кто встречается им по пути в столицу округа. В небольшой по объему книге 59 глав и 17 репортеров.

Конструктивно так же написан и «Особняк» Фолкнера, но там рассказчиков всего четверо, и трое из них – люди, владеющие словом, которые именно рассказывают историю, связывают факты, объясняют значение событий. В повести «Когда я умирала» большинство персонажей – фермеры, которые говорят мало и редко, приближаясь в этом смысле к Герасиму, когда бурные страсти внутри внешне почти никак не выражаются. Их впечатления и размышления Фолкнер реконструирует максимально достоверно, то есть дает настоящий поток сознания, где местоимение «он», три раза встречаясь в одном предложении, означает трех разных человек, отображая присущую нам всем нечеткость мысли, если мы не стараемся выразаться ясно.

Для читателя Фолкнера такой стиль крайне затрудняет восприятие, заставляя буквально разгадывать шифр, и в то же время показывает, каким на самом деле хаотичным является мир, на который человек не набросил еще сеть понятий и категорий культуры.

В цикле «Отблески Этерны» прием подачи информации от имени разных репортеров используется не для того, чтобы проникнуть в тайны человеческого сознания, а для более конкретных целей: благодаря этому приему конструируются детективные сюжеты в эпопее, а также выстраиваются разные версии всех ключевых событий.

Читатель попадает в текст

Читатель в процессе чтения литературы постмодерна постепенно осознает, что он не находится на одном уровне с персонажами: у каждого из персонажей только часть информации, только кусочек общей картины, а полностью сложить головоломку может лишь человек, стоящий вне сюжета, то есть читатель.

Такой эффект впервые описал аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес в рассказе «Анализ творчества Герберта Куэйна», опубликованном в 1941 году:

«После объяснения загадки следует длинный ретроспективный абзац, содержащий такую фразу: “Все полагали, что встреча двух шахматистов была случайной”. Эта фраза дает понять, что решение загадки ошибочно. Встревоженный читатель перечитывает соответственные главы и обнаруживает другое решение, правильное. Читатель этой необычной книги оказывается более проникательным, чем детектив».

Парадоксальным образом читатель, стоящий над событиями, сам становится персонажем, когда разгадывает загадку вместо героев. Писатель, создавший текст в расчете на что, что детективная история получит завершение, включил в свой план и проникательного читателя. Сопоставляя разные версии, читатель включается в игру и входит в текст наряду с вымышленными героями.

Читатель формирует текст: фандомы в сетях

Оценка разных версий событий и разных точек зрения на происходящее в сюжете является основой работы неформального сообщества читателей – фандома. Название «фандом» происходит от слова «фан» (англ. fan – поклонник). Фандомом называется сообщество поклонников какого-нибудь художественного произведения, книги или фильма. Существует фандом Гарри Поттера, «Трех мушкетеров», советской фантастики, «Отблесков Этерны» и так далее.

Для появления фандома недостаточно просто прочитать книгу и молча восхищаться ею. Фандом начинается тогда, когда читатель делится впечатлениями о прочитанном с дру-

гими поклонниками произведения. Общение между читателями – важнейший признак фандома, определяющий способ его существования.

В настоящее время фандом какого-нибудь произведения функционирует следующим образом. Все участники имеют страницу в Интернете, блог или свой сайт. Такой блог ведется как дневник, где публикуются записи о жизни, творчестве, литературе, искусстве. Появляются они, как в старину записи в обычном бумажном дневнике, нерегулярно, частота заполнения блога никак не регламентируется, хотя редко обновляемые дневники, естественно, привлекают меньше читателей. Одним из популярный ресурсов для регистрации блога и фандомной деятельности в кириллическом сегменте интернета являются Дайрики (diary.ru), также фандомы существуют и на множестве других площадок.

Если в своем блоге читатель наряду с другими заметками делится какими-то впечатлениями о произведении, это привлекает внимание других поклонников. Они имеют возможность написать комментарий, оценить высказанное мнение, поделиться своим. Чтобы облегчить такое общение, в некоторых фандомах существуют обзоры. Обзоры – это анонимный блог, который занимается исключительно тем, что публикует списки новинок такого рода, которые появились в Сети. В зависимости от того, насколько фандом живой, обзоры публикуют новости раз в неделю, раз в три дня или каждый день. В такой публикации указано все, что появилось по данной теме за истекший период: такой-то прочитал третью главу книги и делится впечатлениями; такой-то спрашивает, какого числа родился главный герой; такая-то нарисовала иллюстрацию к пятой главе или вышила подушку в цветах главной героини; кто-то приглашает всех любителей из своего города погулять в парке и обсудить любимую книгу; кто-то услышал музыку, которая напомнила ему какой-то знаковый эпизод сюжета; кто-то сделал своими руками шпагу с инкрустацией; кто-то продает старое издание, так как купил новое, и так далее. В функционирующем фандоме новости такого рода появляются постоянно, и существуют люди, которые этим интересуются, реагируют на это, пишут и высказывают свое мнение по этим вопросам.

Средний фандом насчитывает несколько десятков человек. Популярны фандомы, как в случае с Гарри Поттером или «Властелином колец», могут быть гораздо больше. Софандомники живут в разных городах и даже в разных странах. Они объединяются на страницах своих блогов и, пока состоят в фандоме, живут жизнью фандома как одно целое.

Чтобы с энтузиазмом тратить время на такие вещи, нужно иметь время и энтузиазм. Отсюда понятно, что фандом формируется в первую очередь из школьников и студентов, а точнее, из школьниц и студенток, хотя возрастных ограничений здесь нет. Известны фанаты как десяти, так и семидесяти лет от роду. Некоторые уходят из фандома быстро, когда остывает первый пыл, некоторые остаются в фандоме на много лет и не теряют интереса к такого рода деятельности.

Охарактеризовать гендерный состав фандома нелегко из-за анонимности в Интернете, но по существующим оценкам количество мужчин в этой среде колеблется в пределах 10 – 30% для разных фандомов, причем последняя цифра считается очень высокой.

Фандомы в реале: балы и ролевые игры

Идея всем софандомникам встретиться в реальной жизни естественно возникает в ходе общения и по мере возможностей воплощается в жизнь. Если сюжет позволяет, софандомники организуют балы, танцы, маскарады, сами шьют костюмы, делают бижутерию и холодное оружие, посещают танцевальные курсы и постоянно обсуждают все это в Сети. В некоторых фандомах такие встречи становятся регулярными, например, проводится осенний бал ивесенний бал, куда приглашаются иногородние, делаются фотографии, которые выкладываются в сети, и так далее.

Большой частью фандомной жизни являются ролевые игры. Игровая деятельность фандома – тема слишком обширная, чтобы сколько-нибудь полно осветить ее здесь. Игры существуют не в каждом фандоме. Играть требует более серьезной подготовки. Участники выбирают себе роли в рамках сюжета, пишут сценарий, изготавливают костюмы, оружие, предметы быта. Игра длится от одного до нескольких дней, в ней участвуют десятками людей; игра породила свою собственную

обслуживающую идейную структуру. Все действие похоже на комедию дель арте, когда каждый действует в соответствии со своим амплуа по общим намеченным контурам сюжета. Подготовка, а затем разбор игры дают пищу фандому на много дней.

Фандомная литература: короли и капуста

Среди разных видов деятельности фандома литературная занимает особое место. «Проза» по-английски «фикшн», фанатские тексты называются фанфикшн, отдельное произведение называется фанфик или просто фик.

Исходное произведение называется канон, а возникшие на его основе переработки – фанон. Отгалкиваясь от сюжета канона, фанаты пишут предысторию и пост-историю, разрабатывают разнообразные боковые ответвления сюжета. Распространенные сюжетные ходы для фанфика – воссоздать предысторию событий; показать то, о чем умолчал автор; дописать, что было дальше; спасти персонажа.

Какое-нибудь событие, упомянутое автором в одной строке, можно развернуть в произведение любого размера и жанра. Можно написать канонный сюжет с точки зрения другого персонажа. История о подвесах, рассказанная миледи, кардиналом, Гримо или Арамисом, будет отличаться от версии Дюма. Исходный сюжет можно пересказать как мелодраму, готический роман, детектив, боевик, юмористическую фантастику, космооперу, роман в стиле соцреализма или поэтическое произведение.

Среди поэтических фанфиков важное место занимают сонгфики, то есть песни. Это может быть песня от имени какого-нибудь персонажа, может быть песня, в которой пересказывается сюжет или выражаются впечатления читателя. К песне пишется музыка, жанры которой самые разнообразные. Она самодельная и непрофессиональная, но это не всегда значит плохая. Некоторые музыкально одаренные авторы выходят за рамки фандомной субкультуры, чему служит примером Майя Котовская, известная под псевдонимом Канцлер Ги. Как автор-исполнитель она пишет внескольких фандомах и выступает с концертами по всей России. Когда осенью 2014-го после войны в Луганск стали возвращаться жители, света почти нигде не было и работала одна-единственная радиостанция «Радио Новороссии», на этой волне звучала

песня Канцлера Ги «Романс Ротгера Вальдеса», написанная в фандоме «Отблески Этерны».

Песни иллюстрируются видеорядом. Это может сделать любой участник фандома, сообразуясь со своими вкусами и видением произведения. В некоторых случаях видео снимается участниками фандома специально для данного проекта, гораздо чаще используется готовый материал, отрывки из существующих фильмов, клипов, мультфильмов, аниме, любительская съемка. Результат выкладывается в блоге, на Ютубе, на различных видеохостингах, и поклонники могут оценить его и обсудить. В частности, для упомянутой песни Канцлера Ги использовались кадры из фильма «Повелитель морей» (в роли Олафа Кальдмеера Рассел Кроу) и сериала «Отчаянные романтики» (в роли Ротгера Вальдеса Эйдан Тернер).

Итак, фандом досказывает все истории и прослеживает судьбы всех персонажей, привлекает любые жанры. Морж, один из персонажей «Алисы в Зазеркалье», соблазняет устриц разговором: «Давайте же начнем! – сказал Морж, усаживаясь на прибрежном камне. – Пришло время потолковать о многих вещах; башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях». Но, несмотря на такую большую программу, рассказ Моржа оказался очень коротким – скоро слушатели все до одного были съедены. Фандом выполняет программу Моржа, он дополняет все сюжеты и рассказывает обо всех событиях, создавая в стихах и прозе бесконечные вариации любимых тем.

Демииурги чужих миров

Огромные возможности писателю-фикрайтеру дает АУ – альтернативный универсум, где описывается, «что было бы, если бы»: если бы храбрый гасконец приехал в Менг на час раньше или на час позже, если бы он свернул на другую улицу и проехал мимо дома Бонасье, если бы он опоздал с подвесками к балу. В фандоме «Отблесков Этерны» известно множество точек бифуркации: герцог Алва рассказывает Ричарду о дуэли с его отцом; король Фердинанд женится не на Катарине Ариго, а на Магдале Эпинэ; в битве при Ренквахе спасается не Робер Эпинэ, а кто-то из его братьев; Лионель Савиньяк остается в Олларии вместо того, чтобы ехать на северный фронт; после спасения Алвы герцог Придд увозит Ричарда

Окделла в Торку и многие другие. В каждой точке сюжета возможен веер вариантов. При этом можно стараться свести сюжет к канону, а можно полностью уйти от канона и создать совсем другое произведение.

Если читателю не хочется, чтобы сестра Ричарда Айрис Окделл погибла в Надоре, а хочется, чтобы она вышла замуж за Вальдеса и жила с ним долго и счастливо, такой читатель пишет на эту тему рассказ, повесть, роман, пьесу, поэму гекзаметром, если хватит умений и увлеченности, а современные технологии позволяют найти благодарную аудиторию.

В фанфиках можно сохранять характер персонажа, а можно разыгрывать те же события с другими людьми. Этот тип сюжета реализуется в реверсе и кроссовере. Реверс в сюжете «Трех мушкетеров» может выглядеть следующим образом: Констанция – королева, Анна – камеристка, что тогда будет? Портос – граф де Ла Фер, он женится на Анне де Бейль, а Атос встречается с госпожой Кокнар, как будут развиваться события? Реверс в «Отблесках Этерны» также позволяет поменять местами персонажей в рамках одного сюжета. Можно написать фанфик, где вместо Ричарда Окделла оруженосцем Алвы становится Валентин Придд и действует в сюжете Ричарда в соответствии со своим характером. Писатель может проследить, как будут развиваться события в этом случае.

В кроссовере герои одного канона разыгрывают сюжет другого: Атос и д'Артаньян оказываются на Бейкер-стрит, 221б и должны расследовать дело собаки Баскервилей, а Холмс и Ватсон живут в Париже XVII века и должны вернуть подвески из Англии. Пример кроссовера с сайта fanfics.me: «Фик «Охота к перемене мест» – кроссовер «Гарри Поттера» с циклом «Отблески Этерны» Веры Камши. Рассказывает эта история о том, что произошло, когда двойной шпион, преподаватель зельеварения и талантливый волшебник Северус Снейп поменялся местами с Рокэ Алвой – полностью лишенным способностей к магии Первым маршалом огромной и прекрасной страны Талиг».

Реверсы и кроссоверы позволяют читателю-писателю сконструировать множество вариантов сюжета с разными персонажами и поставить любимых персонажей в самые разные ситуации. Текст канона и фанона превращается в гипертекст, связывающий разные книги, фильмы, сериалы, арт, музыку. На основе канона растет и развивается своя литературная мультивселенная.

Фандомные Битвы

Фандомы обычно стараются ввести в рамки литературную деятельность участников. Довольно регулярно проводятся внутрифандомные конкурсы, например, по желанию раз в месяц или раз в три месяца; могут действовать постоянные конкурсы с неограниченным сроком набора произведений. Как правило, для участия в конкурсе набирается команда, вводятся критерии принимаемых текстов и системы оценивания, предлагаются задания разного уровня и сложности. Например, время – Констанция в Бетюнском монастыре ждет д'Артаньяна; нужно сдать тексты трех категорий: венок сонетов, повесть в стиле Джейн Остин от имени Констанции, рассказ в стиле О'Генри от имени настоятельницы монастыря. Произведения оценивают, подсчитывают баллы, пишут отзывы и рецензии.

Два раза в год происходит Фандомная Битва, в которой соревнуются команды разных фандомов. Подготовку к ФБ начинают за несколько месяцев. Этот конкурс гораздо большего масштаба. Вот как он описывается на ресурсе Викиреальности.ру:

«Фандомная Битва – ежегодное мероприятие, проводимое на дайрях. Проходит в мае-октябре начиная с 2011 года.

В апреле каждого года начинают собираться команды по фандомам, в которых, как правило, имеются Капитан и Участники. В качестве примеров фандомов можно назвать «Игра престолов», «Хоббит», «Гарри Поттер», «Дисней».

Все члены команды полностью анонимны и представлены общим командным логином под названием вроде fandom РРК 2015. С этого логина и возможных дополнительных анонимных виртуалов команда ведет общение с остальными. После регистрации команды та создает пост, в котором собирает желающих поучаствовать в битве, или же просто объявляет о том, что команда собрана (не производя набор дополнительных членов).

Координация команд происходит в отдельных командных сообществах, иногда также при помощи мессенджеров, например Скайпа. Некоторые команды представляют собой довольно сыгранные сообщества, в связи с чем новички могут испытывать проблемы. Другие же команды создаются спонтанно и состоят из совершенно незнакомых людей.

Также командой создается пост с заявками, в которых поступают пожелания читателей. Заявки бывают разные: от просьб раскрыть некоторые детали или расширить оригинальное повествование и до требований радикального рода NC-17 (см. об этом ниже). Исполнение заявок не обязательно, но из них команды могут прибирать вдохновение.

Затем проводится несколько этапов: визитка, тексты, картинки и так далее, в которых команда должна подготовить по своей тематике соответствующий креатив и опубликовать его в строго определенные дни. После этого производится голосование и определяются победители. Креатив, по аналогии с возрастными рейтингами кинофильмов, подразделяется по категориям G/PG-13 – в основном качественные работы без какого-либо шок-контента, с опорой на сюжет и развитие персонажей и R/NC-21 – разного рода порнографические тексты и картинки, в том числе и нетрадиционные (называемые «слешем», который, кстати, встречается и на низком рейтинге), а также тексты, содержащие подробное описание какого-либо насилия, основной смысл которых – как раз нравящийся некоторым шок-контент.

Битва собирает многочисленных авторов и читателей, обычно в итоге выкладывается до нескольких тысяч различных произведений. При этом битва поощряет дисциплинированность – если команда не сделала хотя бы одной нужной выкладки (ранее – двух), то команда дисквалифицируется и выбывает из битвы.

В рамках битвы популярен так называемый бартер – когда определенные представители одной команды комментируют креатив другой команды, а те в ответ комментируют креатив первой команды.

Сообщество Фандомной Битвы закрыто от незарегистрированных пользователей, а рейтинговый креатив (в соответствии с законодательством РФ и правилами Дайри) доступен к просмотру только зарегистрированными пользователями, указавшими свое совершеннолетие в настройках профайла. Но есть открытое сообщество fbinside.diary.ru, где происходят разнообразные обсуждения. В рамках ФБ поощряется анонимное участие, ко всем обращаются «анон».

После проведения битвы происходит деанонимизация участников: сообщается, какие авторы отвечали за какие работы. В период до деанонимизации запрещается сообщать, кто является автором той или иной работы или публиковать ее на

внешних ресурсах. После завершения битвы ограничения снимаются, и автор может опубликовать работы в каком-либо архиве.

С 2013 года также проводится меньшее соревнование в зимний период – Зимняя Фандомная Битва или Winter Temporary Fandom Combat (сокращенно WTF Combat, это же название применяется и для обозначения зимних команд)».

Отцы фандома: Борхес, Конан Дойль и Толкин

Так выглядит фандом в эпоху интернета и социальных сетей, однако предпосылки для его создания формировались в течение всего XIX века, а в XX веке до интернета существовали явления той же природы. Как пишет пользователь живого журнала arvegger, в рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Сад расходящихся тропок» (1944) был сформулирован основной принцип работы фандома.

Первое по времени явление европейской культуры, которое уже имеет важные признаки фандома, – это читательский успех рассказов Конан Дойля еще при жизни автора. Тут появляется значимый элемент, который становится определяющим в дальнейшем, – взаимодействие персонажа с читателем. Читатель влияет на судьбу героя. Читатели пишут продолжения, пусть даже эти читатели – профессиональные писатели, как Джон Диксон Карр или Рекс Стаут. Читателями создаются версии, которые могут быть интереснее авторского варианта в литературном отношении.

Фандом принимает свою классическую узнаваемую форму в феномене толкинизма. «Властелин колец» был написан в 1948 г. В шестидесятые годы XX века появляются произведения, посвященные роману, исследования эльфийских языков, атлас Средиземья, описание погребальных обрядов разных придуманных Толкином народов и другие публикации такого рода. В семидесятые их число возрастает. Ролевые игры в таком виде, как мы их знаем, формируются среди толкинистов. Фандомы Шерлока Холмса и «Властелина колец» существуют до сих пор и являются очень активными, многолюдными и многочисленными.

«Сад расходящихся тропок»: прочтение 2.0

Суть литературной деятельности фандома сводится к возможно более полному перебору вариантов развития сюжета в разных литературных формах. Фандом как коллективный субъект создает своеобразный гипертекст, произведение, впервые описанное Борхесом в рассказе «Сад расходящихся тропок» (1941). В этом рассказе Борхес на кончике пера открыл явление, которого в его время еще не существовало.

Один из персонажей рассказа изучает творчество древнего китайского писателя, который по преданию построил лабиринт и написал роман, но лабиринта после его смерти не нашли, а роман оказался сущей бессмыслицей: события не выстроены в сюжет, а погибшие герои через несколько страниц оживают. Вот как описывает герой рассказа разгадку тайны:

«Сумбурность романа навела меня на мысль, что это и есть лабиринт. Верное решение задачи мне подсказали два обстоятельства: первое – любопытное предание, будто Цюй Пэн задумал поистине бесконечный лабиринт, а второе – отрывок из письма, которое я обнаружил.

...Теряясь в догадках, я получил из Оксфорда письмо, которое вы видели. Естественно, я задумался над фразой: "Оставляю разным (но не всем) будущим временам мой сад расходящихся тропок". И тут я понял, что бессвязный роман и был "садом расходящихся тропок", а слова "разным (но не всем) будущим временам" натолкнули меня на мысль о развилках во времени, а не в пространстве. Бегло перечитав роман, я утвердился в этой мысли. Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отметая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся.

Отсюда и противоречия в романе. Скажем, Фан владеет тайной; к нему стучится неизвестный; Фан решает его убить. Есть, видимо, несколько вероятных исходов: Фан может убить незваного гостя; гость может убить Фана; оба могут уцелеть; оба могут погибнуть, и так далее. Так вот, в книге Цюй Пэна реализуются все эти исходы, и каждый из них дает начало новым развилкам. Иногда тропки этого лабиринта пересекаются».

Именно такой китайский роман пишет фандом. Пишется этот гипертекст в течение нескольких лет, а то и десятилетий, дописать его до конца невозможно в принципе. Канон и фанон вместе реализуют все версии развития событий, описанных автором всюжете. Автор выделил только одну тропинку, фанон дописывает остальные. Теоретически качество фика может быть как ниже, так и выше, чем у канона, то есть авторская версия не выделяется принципиально. Сама структура фанона утверждает равный статус всех версий сюжета и всех литературных обработок текста.

Фандом «Отблесков Этерны»: зеленый форум, дайри и другие

Итак, фандом «Отблесков Этерны» пишет гипертекст по канону уже более десяти лет. Состав фандома постоянно меняется, однако можно выделить стабильный структурный элемент – так называемый зеленый форум.

Зеленый форум – это площадка для обсуждения цикла, созданная на официальном сайте писательницы Веры Камши. Свое неофициальное название он получил по цвету страниц – фон там действительно зеленый. На этом форуме обсуждения происходят в некотором роде под эгидой автора. Автор иногда участвует в дискуссиях форума, на форуме раньше появляется новая информация о персонажах и о сюжете. На зеленом форуме выкладываются тексты, иллюстрации, карты, словари, созданные участниками форума и одобренные автором. Некоторые из этих произведений фанатов используются в оформлении бумажных книг.

В разных социальных сетях существует несколько неавторизованных независимых сообществ фандома «Отблески Этерны». Так, до мая 2020 года на сайте дайри работали «Отблески Отблесков», отражающие новости фандома на этом ресурсе. Это сообщество не авторизованное, здесь собираются люди, не связанные авторским видением и реализующие принципиально иные темы и видение персонажей, противоположное авторскому. Тут же приводится список других сообществ на дайри:

- «Созвездия Этерны»
- «Отблески Этерны – Классика жанра»

- «Кэртиана ваистену!»
- «Клуб анонимных ОЭголиков»
- «Традиционная Кэртиана»
- «Легенды Этерны»
- «ВМФ Кэртианы»
- «Главный пейринг Талига»
- «Пером и добрым словом»
- «Скалы и Ветер»
- «Однострочники по мирам Веры Камши»
- «Однострочники Весеннего излома»
- «Талигойский турнир»
- «Кэртианские бусы»
- «Архивы Гальтары»
- «Архив команды ОЕ АУ»
- «Кэртианская Библиотека»

Разница между зеленым форумом и описанными сообществами не только организационная. Если вспомнить резкий слом сюжета цикла после третьего тома, то на дайри как правило собираются читатели, которым нравятся первые три тома, а на зеленом форуме – поклонники второй части эпопеи. Резкая смена героя после третьего тома влияет и на эти сообщества. Большинство читателей с дайри считают главным героем Ричарда Окделла и недовольны тем, что после третьей книги его в сюжете стало меньше и он превратился в антигероя. На зеленом же форуме как правило собираются читатели, для которых важнее другие персонажи, раскрывающие свой потенциал в следующих книгах. Они разделяют авторское отношение к Окделлу и согласны видеть в нем антигероя.

Помимо этих платформ, существуют и другие пространства действия фандома. Так, в сети вконтакте можно найти сообщества «Отблески Этерны. Цитаты» и «ASK Отблески Этерны». Здесь задают вопросы персонажам, обсуждают цитаты из цикла, рисуют иллюстрации, играют в литературные игры.

Важной платформой для литературного творчества является сайт ficbook.net под названием «Книга фанфиков». Здесь публикуют свои произведения авторы более 25 000 фандомов, помещены миллионы историй о любимых персонажах, а также оригинальные произведения и литературная критика. «Книга фанфиков» была создана в 2007 году в качестве аль-

тернативы архиву fanfiction.net. Проект изначально располагался на домене teinon.net, с 2011 года сайт перешел на собственный сервер. За время существования сайта несколько раз обновлялся список жанров и предупреждений, которыми можно маркировать произведения, обновлялись формулы ранжирования работ по их популярности, менялись возможности оценки произведений. Сейчас это самая крупная литературная платформа фанфикшена в русскоязычном сегменте Интернета. Фандом «Отблесков Этерны» также представлен на фикбуке.

Итак, фандом живет и действует, кто-то уходит, а кто-то появляется, и гипертекст фандома растет.

Точка бифуркации: два пути по этой книге

После краткого описания цикла, его литературных особенностей и сложившегося по нему фандома можно перейти к истории Ричарда Окделла, идеалиста и преступника, расколовшего сюжет и фандом на две неравные части.

Окделл – репортер, и читателю известен его внутренний мир. Он совершает ряд преступлений, будучи постоянно озабочен тем, чтобы реализовать идеалы служения и любви, жертвуя личными чувствами. В эпопее способность поставить какие-то идеалы выше собственных интересов ценится очень высоко и всегда является положительной характеристикой. Все герои, способные подняться до такого самоотречения, уже самым поступком такого рода заслуживают уважения. Все – кроме Ричарда Окделла. Чем он так отличается от остальных, что его бескорыстное поведение осуждают и персонажи, и многие читатели? Это литературная неудача автора или здесь действуют какие-то более серьезные причины?

Чтобы доказательно ответить на эти вопросы, я перехожу в режим ученого. Первая часть позволит вам заглянуть в голову культуролога, открывшего после рабочего дня рекомендованный подругой фэнтезийный роман. В этой части, состоящей из трех глав, вводится терминологический аппарат, необходимый для философско-культурологического исследования. Здесь кратко излагаются основы цивилизационного

подхода и теории коллективных идентичностей, рассматриваются ментальные основы цивилизаций, приводятся конкретные характеристики русской и западной цивилизаций, к которым принадлежат персонажи «Отблесков Этерны», а также дается теории культурного контакта и цивилизационного конфликта.

Если вам этот научный аппарат пока не интересен или наоборот, вы хорошо разбираетесь в таких вопросах, можно сразу переходить ко второй части, где дается ответ на загадку Ричарда Окделла в терминах конфликта цивилизаций. К первой части можно вернуться по ходу чтения, если вы встретитесь с непонятными вещами: все непонятные вещи я постараюсь разъяснить в первой части.

Итак, дорогой читатель, выбирай направление и в путь!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАУЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КУЛЬТУРОЛОГА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

О чем пишет автор на самом деле

Формально в «Отблесках Этерны» изображается страна, похожая на Францию XVII века, а приключениях героев происходят в сеттинге «Трех мушкетеров». Это подчеркивается эпиграфами, в качестве которых выступают афоризмы герцога Ларошфуко, описавшего авантюру с подвесками, правда, не называя имен. Однако изображая чужое общество, автор неизбежно исходит из тех реалий, которые его окружают.

Каждый, кто читал произведения, подобные «Рассказу Рыцаря» Джеффри Чосера, писателя XIV века, задумывался над следующим вопросом: когда автор описывает афинского герцога Тезея, который устраивает рыцарский турнир, где доблестные древнегреческие паладины сражаются за сердца прекрасных древнегреческих дам, о чем автор пишет на самом деле – о Древней Греции или о современной ему Англии? Много ли мы можем из этого текста узнать о Древней Греции? Во сколько раз больше мы можем из этого же текста узнать о средневековой Англии?

Очевидность ответов на подобные вопросы позволяет по аналогии рассмотреть и случай «Отблесков Этерны». Автор прожил всю жизнь в империи и пишет на русском языке – уже одного из этих положений было бы достаточно, чтобы ожидать описания имперских реалий, а два сразу дают нам гарантию того, что под условной авантюрной Францией скрывается русский взгляд на мир. Мы не замечаем его в основных опорных точках лишь потому, что он привычен нам как воздух. Чосер ведь тоже не замечал никаких несуразностей в нарисованной им картине.

Чтобы подкрепить эту интуицию, я предлагаю в первой части рассмотреть две реально существующие цивилизации, с которыми работает автор – европейскую и русскую, а также разобраться, как развиваются цивилизационные контакты и цивилизационные конфликты.

Столкновения на границах миров

Как известно, когда сталкиваются правда и неправда, получается мелодрама, а когда сталкиваются две правды – выходит трагедия. Конфликт Окедла и других персонажей цикла – второго рода. В нем каждый прав, но у каждого своя правда. Это не конфликт интересов, когда люди не могут поделить некий ресурс, это конфликт ценностей, когда двое не могут действовать в одном пространстве, потому что каждый идет по своей карте. Хотя на картах изображена одна территория и общие названия, эти карты совершенно разные: пункт А для одного река, для другого гора, пункт В для одного поле, для другого лес. Добраться до одной цели по такой карте невозможно, и даже если двое окажутся в одной точке, у них будут разные представления о том, что это за точка и что в ней нужно делать. Оба хотят добра, но добро у них разное: для одного – домик, жена и печка, а для другого – полететь на Марс. За общими словами скрываются разные ценности, разное хорошо и плохо. Конфликты такого рода разыгрываются на границах разных культурных миров и на границах разных цивилизаций.

Реальность создает культуру или наоборот?

В обществах модерна культура считалась частью всей человеческой деятельности, дающей высокие образцы искусства, помещаемые в художественные музеи, городские библиотеки или исполняемые в филармониях. Культурный человек – это человек, причастный высокой культуре, способный наслаждаться сонетами Шекспира в оригинале и картинами титанов Возрождения. Что не входит в список классики, не заслуживает названия культуры. Множество людей и народов веками находятся вне культуры и должны быть приобщены к культуре в процессе длительного воспитания и просвещения.

В настоящее время этот взгляд устарел вместе с теорией модернизации и линейного прогресса. Культуру не удалось запереть в узкие рамки и сделать достоянием европейских народов, изобретателей теории линейного прогресса и концепции просвещения. Культурной сейчас считается любая деятельность человека как существа общественного. Культура задает рамки и нормы человеческой деятельности, в культур-

ной памяти хранятся образцы социально-приемлемых и социально-неприемлемых действий. Поведение окружающих и произведения искусства дают человеку примеры того, как надо и как не надо себя вести. Даже разрушительное и контркультурное поведение включено в культуру, потому что только культура показывает, какие ценности разрушать, и только культура определяет, какое поведение считать культурным, некультурным и контркультурным.

Роли, которые играют люди

В любом, даже самом примитивном человеческом обществе люди действуют в системе культурно-обусловленных иерархий. В первобытном племени человек включен в несколько взаимодействий по немногим осям, и они довольно просты: мужчина – женщина, молодой – старый, ребенок – взрослый. В современном обществе их множество, и каждая вариативна. Любой из нас оценивает себя и окружающих не по одной шкале, а по десятку, играя в обществе множество ролей одновременно. Каждая такая общественная роль возникла не на пустом месте, формировалась десятилетиями, если не веками, в каждой аккумулирован опыт предшествующих поколений. Именно их интеллектуальных и духовные усилия стоят за тем, что вы знаете, как себя вести если вы гость на свадьбе, начальник на работе, дочь в семье, писатель в издательстве, учитель в школе и так далее.

Некоторые из этих ролей встречаются часто и в разных культурах. Например, отношение к старикам, к детям, к родителям, к образованным людям в настоящее время более-менее совпадают у многих народов. Другие роли и соответствующие им институты встречаются реже, не везде и не всегда – банкиры, самураи, моряки дальнего плавания, детские писатели, участковые терапевты, библиотекари и космонавты есть далеко не в каждой культуре и не у всякого народа.

Итак, поведение людей в каждой социальной роли определяется их ценностями. У разных народов эти ценности неодинаковы. В одной и той же ситуации люди разных народов по-разному выделяют главный момент и то, чем можно пренебречь, акцентируют внимание на разных элементах, по-разному спрогнозируют развитие ситуации, будучи сами действующими лицами, по-разному поведут себя. Отличия такого рода не случайны, стоящие за этим представления о

главном и важном можно уловить, эти идеи имеют иерархию, структуру и свою логику. Культура есть у каждого народа и даже части народа. Бывает культура дворянская, крестьянская, городская, национальная, первобытная и так далее. Культура каждого народа определяется своим комплексом идей.

Есть народы, имеющие сходные ценности, есть такие, которые отличаются очень сильно. Ценности эти проявляются во всей повседневной жизни народа и на всех уровнях, в промыслах, ремеслах, спорте, семье, одежде, питании, во всем. Аккумулятором этих ценностей является искусство, философия, наука, религия. Социальные структуры самых богатых культур могут выражаться в цивилизациях.

Тайная жизнь цивилизаций

Цивилизацией я называю самый сложный из имеющихся на нашей планете социальный организм. Цивилизация определяется специфическим комплексом идей, который может выражаться в особой религии, цивилизация включает в себя всегда несколько народов и может интегрировать в свой состав не только дикие племена, но и государства.

Цивилизации рождаются, расцветают и умирают. Ни одна цивилизация не существует вечно. Шпенглер отмерял цивилизации около тысячи лет. При всей приблизительности этого числа, ясно, о каких временных промежутках идет речь.

Каждый народ имеет культуру и религию, далеко не каждый создал государство, и очень немногие народы создали цивилизацию. Например, австралийские аборигены не создали своей государственности, следовательно цивилизации у них и подавно не было, хотя в Австралии проживало множество племен с разной культурой. В Африке кроме Египта цивилизации тоже не возникло. Сейчас Африка частично принадлежит к мусульманской цивилизации, частично к протестантской, а частично и никакой.

Единство цивилизации определяется не географией ее распространения, а идейной структурой. Два народа могут принадлежать одной цивилизации, если между ними расстилается океан, но они имеют одну религию (то есть одинаковые ценности). ЮАР и США принадлежат той же цивилизации, что и Англия, потому что все эти страны протестантские. Два

народа могут принадлежать разным цивилизациям или культурам, даже если граница между ними – тропинка в поле. Луизиана и Франция изначально не принадлежали одной цивилизации не потому, что Луизиана лежала за океаном, а потому что во Франции жили христиане, а в Луизиане язычники индейцы. Франция при этом относилась к европейской цивилизации, индейские племена не имели ни государства, ни своей цивилизации.

Цивилизационный потенциал определяется способностью цивилизации объединять народы, подчинять своему культурному влиянию другие государства и этносы, имеющие собственную культуру. Цивилизационный потенциал не коррелирует явно с военными успехами. Китай завоевывали неоднократно, но всякий раз завоеватели становились китайцами, а не китайцы становились монголами, чжурчженями или манчжурами. Китай предлагает окружающим народам такую культурную ценность, что люди забывают себя и почитают за счастье стать китайцами. Это идеал общественной гармонии, которая санкционирована небесами, и участие в создании такой гармонии позволяет обрести смысл существования, как индивидуального, так и социального.

Почему мальчик Гете обожает гекзаметры?

Цивилизационная парадигма реализуется в культурной идентичности людей, формируемых в рассматриваемом социуме. Культурная идентичность формируется всей жизнью в обществе и проявляется на разных его уровнях, у людей разных возрастов. Так, немецкий поэт Гете рассказывает, как в девятилетнем возрасте он со своей младшей сестрой прочитал «Мессиаду» Клопштока.

«Мессиада» – это эпическая поэма, посвященная биографии Мессии. Восемнадцатый век открыл для себя Гомера, его переводили на все европейские языки, и в подражание «Илиаде» писали множество эпических поэм на античные и современные сюжеты. Так во Франции появились «Телемахида» о приключениях сына Одиссея, «Генриада» о Генрихе Четвертом, в России были созданы «Петрида» Кантемира о Петре Великом и «Россияда» Хераскова о взятии Казани Иваном Грозным. Немцы, единственные философы после греков, не могли замахнуться на что-то меньшее, чем сам Мессия. Так и появилась поэма Клопштока.

Многие ли взрослые сейчас читают поэмы гекзаметром? Трудно представить, какие хитрые манипуляции нужны, чтобы заставить современного ребенка прочитать поэму гекзаметром. Гете же читал ее по собственной воле, перечитывал и заучивал наизусть. Как это вообще могло случиться? Почему такие чудеса не происходят сейчас?

«Все эти томы я перечитал еще в детстве...»

Проникнемся очарованием старинной поэзии. Вот как Гете вспоминает о своем увлечении Клопштоком в автобиографической книге «Поэзия и правда»:

«Уже тогда на нас сильнее всего воздействовало прозвучавшее вдали имя Клопштока. Поначалу мы удивлялись, как это столь замечательный человек носит столь чудное имя. Но вскоре мы к нему привыкли и уже не вдумывались в значение этих слогов. В библиотеке отца мне попадались лишь старые поэты, и прежде всего те, что мало-помалу входили в славу в его время. Все они писали рифмованными стихами, и отец почитал рифму непременным условием поэзии. Каниц, Гагедорн, Дроллингер, Геллерт, Крейц, Галлер в отличных кожаных переплетах рядком стояли на полке. Рядом помещался «Телемах» Нейкирха, «Освобожденный Иерусалим» Копша и прочие переводные книги. Все эти томы я перечитал еще в детстве и многое затвердил наизусть, отчего меня частенько звали к гостям, считая, что я сумею развлечь их. Напротив, всеобщее восхищение «Мессиадой» Клопштока повергло отца в озлобленное уныние: такие стихи он не признавал стихами. Сам он поостерегся приобрести это произведение, но наш друг, советник Шнейдер, как-то принес его с собой и тайком сунул нам с матерью.

На этого делового и мало читавшего человека «Мессиада» сразу же по выходе в свет произвела сильнейшее впечатление. Благочестивые чувства, так естественно выраженные и в то же время красиво облагороженные, прелестный язык поэмы, даже если считать его лишь гармонической прозой, до того поразили обыкновенно сухого дельца, что первые десять песен «Мессиады», а только они и были тогда обнародованы, стали для него как бы священной книгой: каждый год, на страстной неделе, освободившись от всех хлопот, он в тиши их перечитывал, и этой живой воды ему хватало на весь предстоящий год. Поначалу он хотел поделиться своими восторгами со старым другом, но тут

нежданно наткнулся на непреодолимую антипатию к поэме, столь замечательной по содержанию, из-за такого, как он считал, пустячного обстоятельства, как внешняя форма. Разговор на эту тему не раз возобновлялся, но (как того и следовало ожидать) только обострял их разногласия. Между старыми друзьями разыгрывались яростные сцены, и уступчивый Шнейдер счел за благо впредь уже не говорить о своей любимой поэме, чтобы заодно с другом юности не лишиться и хорошего воскресного обеда».

Диалог между Сатаной и Адрамелехом

Как продолжает в своих воспоминаниях Гете, «вербовать прозелитов – естественнейшее желание любого человека, и как же был втайне удовлетворен наш друг, узнав, что остальные члены семьи готовы принять его святыню в свое сердце. Экземпляр «Мессиады», которым он пользовался лишь одну неделю в году, был предоставлен нам на все остальное время. Мать прятала книгу, но мы с сестрой ею завладевали и в свободные часы, забившись в какой-нибудь дальний угол, усердно заучивали полюбившиеся нам места, в первую очередь, конечно, наиболее страстные и чувствительные.

Сон Порции мы декламировали наперегонки, но дикий неистовый диалог между Сатаной и Адрамелехом, низвергнутыми в Красное море, поделили между собой. Роль первого, как более мужественная, досталась мне; другую, более жалобную, исполняла сестра. Взаимные проклятия, ужасные и все же столь благозвучные, так и рвались с наших уст, и мы пользовались любым случаем, чтобы приветствовать друг друга этими адскими оборотами речи.

Однажды, в субботний зимний вечер, – отец всегда приказывал брить себя уже при свечах, чтобы в воскресенье не спеша одеться и отправиться в церковь, – мы сидели на скамеечке за печкой и, покуда цирюльник намыливал щеки отцу, тихонько бормотали обычные наши проклятия. Но вот Адрамелеху пришло время сжать Сатану железными руками, сестра с силой схватила меня и продекламировала хоть и негромко, но с возрастающей страстью:

*О, помоги! Умоляю! Молюсь тебе, если ты хочешь,
Злое чудовище, гнусный, отверженный,
черный преступник!*

*О, помоги! Я страдаю от вечной и
мстительной смерти!
Раньше тебя ненавидеть я мог горячо и свирепо, –
Ныне того не могу... Для меня это – худшее горе!*

До этой минуты все шло сносно, но когда она страшным голосом выкрикнула:

О, как я сокрушен! –

добрый наш брадобрей испугался и опрокинул посудину с мыльной водой отцу на грудь. Суматоха поднялась невообразимая, на месте преступления было произведено строжайшее дознание, главным образом ввиду несчастья, которое могло бы произойти, если бы цирюльник уже приступил к бритью. Дабы отклонить подозрение в злом умысле, мы признались, что изображали жителей ада; так как беда, учиненная гексаметрами Клопштока, была слишком очевидна, то их заново осудили и изгнали из нашего дома.

Так дети и народ сводят великое и возвышенное к игре и забаве – да и как иначе могли бы они это выдержать и вынести?»

Абадонна и Жуковский

Слава «Мессиады» была недолгой, и после XIX века поэма на русский не переводилась. Зато в XIX веке отрывки из поэмы перевел старший друг Пушкина Василий Жуковский, и мы сегодня можем оценить строки, сводившие с ума детей XVIII века (и возможно, впечатлившие также Михаила Булгакова):

*Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ
взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъотъ тяжелой, таинственной скорби,
являлись
Мука на мукъ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:*

*Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщонъ,
возвратился.
Другомъ влекомый, ужь былъ далеко отъ враговъ Аббадона –
Вдругъ Сатана ихъ настигъ въ колесницъ, гремя и блистая.
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ помчались рати мечтой божества упоенныхъ –
Ахъ! Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдіила;
Тьмой божества отуманенный, взоровъ молящихъ
не видитъ;
Другъ позабытъ: въ торжествъ къ полкамъ Сатаны
онъ примчался.*

*Из книги «Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ»
подъ редакціей Н. В. Гербея. Санктпетербургъ. 1877.*

Итак, девятилетний Гете и его младшая сестра были в полном восторге, они читали эту поэму день и ночь, они от постоянного чтения выучили ее наизусть и представляли ее в лицах во время своих игр. Чем можно это объяснить? Девятилетний ребенок просто физически не успел прочитать столько книг, чтобы воспитать в себе любовь к античной героической поэзии, то есть восторг и очарование этой поэмы не были следствием предыдущего чтения. Чем же тогда они были вызваны?

Мысленный эксперимент с вязаной салфеткой

Культурная идентичность, мировоззрение, ценности и идеи любого человека формируются не только предметами искусства, то есть не только тем, что он читает.

Вся жизнь немецкого городка XVIII-го века воспитывает из жителя – немца. Одни только городские часы на ратуше (об их символизме немецкий философ Освальд Шпенглер написал очень вдохновенные строки) так резко отличают европейца от человека другой культуры, как бронзовый щит Ахилла отличает человека племенной эпохи от современного горожанина.

Сам немецкий городок с его чудаками, бургомистром, музыкальными концертами по праздникам и частным образом по вечерам, гуляниями, улицами, лавками, кнастерами, пивом, внутренним убранством комнат заключает в себе бездны смыслов.

Каждый такой предмет или отношение требует столетий для своего формирования и больших усилий жителей для своего налаженного функционирования. Лежащая на столе связанная хозяйской дочерью кружевная салфетка есть проявление всего немецкого духа в одном маленьком рукотворном шедевре. Попробуйте доказательно объяснить, почему современные девушки не вяжут больше салфеток – вы непременно коснетесь и прогресса, и модерна, и двух мировых войн, и глобализации и кто знает, чего еще. Такие же масштабные темы затрагиваются, если надо объяснить, почему девушки вяжут салфетки, и все те идейные сущности, о которых вы упомянете, живут и действуют в маленьком немецком городке.

Можно сказать, что вся многолетняя история немецкого народа породила и провинциальный городок, и вдохновенного поэта с его пугающей поэмой, и маленького мальчика, способного эту поэму понять. Девятилетний ребенок узнает в этих стихах те ценности, проявление которых в других вещах и отношениях он наблюдает каждый день, живет в них, впитывает их, формирует по их образу свою душу, встречает их, на что бы он ни посмотрел, куда бы ни пошел, в чем бы ни принял участие. Та же самая сила, которая заставила Клопштока выбрать именно эту тему, заставила ребенка понять ее.

И немецкая поэма, и жизнь немецкого городка, и духовный мир маленького немецкого мальчика являются равноценными следствиями одной и той же причины. Таким образом являет себя в истории дух немецкого народа и европейская цивилизация XVIII века.

Христианские цивилизации Земли

Итак, культурная идентичность проявляется в ценностях, которые реализуются в действиях, поведении, произведениях искусства, философских и религиозных системах. Культурная идентичность и культурная память принадлежат социальному субъекту – цивилизации. Рассмотрим христианские цивилизации нашего мира.

Православная христианская цивилизация сформировалась в Римской империи в первые века новой эры. Эта цивилизация не сохранилась до наших дней, она погибла в XV веке под натиском турок. Под византийским влиянием сформировалась русская православная цивилизация.

Около тысячи лет назад в Европе возникла своя цивилизация – европейская католическая. Религиозно все европейские народы были едины – они были католическими. Политически эти народы не были едины, имели разные государства и постоянно воевали друг с другом.

Около пятисот лет назад в Европе появилась новая цивилизация – протестантская. Она включает в себя все протестантские народы. Религиозно протестантский мир тоже един, как и его матушка, католическая Европа. Политически он так же раздроблен, как и она.

Соотношение этих двух цивилизаций до сих пор является открытым вопросом. Протестантский мир при своем рождении и до сих пор явно враждебен католической цивилизации, но в некоторых отношениях они могут выступать единым фронтом и явно чувствуют свое культурное единство. Во всяком случае, католиков протестанты очевидно относят к высшему классу людей по сравнению с неграми, мусульманами, русскими и теми же китайцами.

Внутри цивилизации и на ее границе

Цивилизация объединяет несколько разных народов и чаще всего несколько государств. Всем этим народам один народ задает образец поведения, жизни, ценностей. Это проявляется на всех уровнях организации социума, от личности до государства и объединения государств. Все сферы жизни пронизаны единой идеей и устроены так, что эта идея из них восстанавливается. В работе «Закат Европы» Шпенглер прекрасно показывает, как европейская идея безграничной власти влияет на все сферы жизни европейцев, от высшей математики до планировки улиц, или как античная идея отдельного тела как истинного бытия порождает и представления древних о космосе и полисное устройство Греции.

Цивилизации могут взаимодействовать друг с другом. Существуют следующие типы межкультурного взаимодействия: сосуществование, контакт цивилизаций, столкновение культур.

Сосуществование – это одновременное существование разных культур без взаимодействия. Сосуществование в наше время представляет собой абстракцию, поскольку в реальности все общества включены в единое экономическое про-

странство. Сосуществование возможно тогда, когда включенность в экономическое пространство сопровождается культурной изоляцией. Сосуществование реализует в межкультурном взаимодействии Китай, который при полной интегрированности в экономическую сферу сохраняет культурные константы своей идентичности, позиционируя себя как культуру, реализующую концепцию гармонии вместо западной концепции индивидуализма. Западные технологии используются в Китае, однако культурное ядро сохраняется.

Сосуществование не может быть строго отграничено от культурного синкретизма. Контакт цивилизаций представляет собой объединение разнородных культурных форм в рамках единого общества. Культурные формы являются как автохтонными, так и заимствованными. Заимствование культурных артефактов и ментифактов с изменением культурного ядра принимающей культуры и представляет собой культурный синкретизм. В этой категории можно рассматривать гибридизацию, метиссаж, единство в разнообразии, адаптацию, интеграцию и разные их формы.

Деструктивный вид межкультурного взаимодействия осмысливается в понятии столкновение культур. Столкновение культур представляет собой культурный конфликт, когда одна культура тем или иным способом вытесняется из общества. К столкновению культур относятся дискриминация, апартеид, геноцид, культурицид, война и гибридная война, представляющая собой экономическое взаимодействие, сопровождаемое культурным противостоянием.

Диалог культур: рецепция, инверсия, трансляция

Важной разновидностью контакта цивилизаций является диалог культур. Термином «диалог культур» советский философ и культуролог Юрий Лотман предложил заменить довольно расплывчатый термин «влияние». Влияние может быть каким угодно, а диалог культур имеет четкую структуру. Диалог осуществляется в рамках культурного синкретизма и столкновения культур. Диалог культур включает три этапа: период активного усвоения инокультурных элементов, период свободного владения новым культурным языком, период активной трансляции.

На первом этапе культура-реципиент активно усваивает инокультурный материал, что сопровождается принятием чужой разметки культурного пространства, где культура-транслятор занимает центр культурного пространства и является источником смыслов и ценностей.

Период свободного владения новым культурным языком сопровождается инверсией культурного пространства, когда бывший центр воспринимается как культурная периферия, а единственным хранителем подлинных ценностей становится культура-реципиент. На втором этапе диалога культур с Византией Россия стала восприниматься как единственная истинно православная страна, где сохранилось древнее благочестие так, как этому учили Святые Отцы. Во второй фазе диалога культур с Европой, которая пришлась на конец XVIII – начало XIX века Россия для русских авторов становится тем топосом культурного пространства, где на практике реализуются столь важные в европейской философии призывы к естественности, к природе, возврат к подлинной сущности человека.

Период активной трансляции собственной культуры – заключительный этап диалога культур, причем воспринимать новые культурные ценности может не только культура-донор начального этапа диалога, но и любая другая культура. На основе этих положений проанализируем диалог культур русской и европейской цивилизации, который начался во времена петровских преобразований и продолжается до настоящего времени.

Что происходит в зоне контакта цивилизаций?

Рассмотрим зону контакта цивилизаций. Что происходит при столкновении разных систем ценностей? Вопрос это сложный и до конца не исследованный, потому рассмотрим его предварительно в общих чертах.

Зона контакта затрагивает некий пограничный слой социума. Пограничный в первую очередь идейно, не обязательно физически. Раньше это были видимо купцы, моряки, военные, правители – люди, которые по роду деятельности встречаются с разными людьми и разными народами. В связи с возросшей за последние века ролью культурной составляющей в формировании мировоззрения в зоне контакта часто оказывается интеллигенция.

Этот пограничный слой имеет большое значение и выполняет важную функцию. Этот слой должен обработать чуждые ценности так, чтобы все остальные люди родной цивилизации могли их воспринять. В этом слое гасятся вредные импульсы и усиливаются полезные (для данной цивилизации), в этом слое отрабатываются разные варианты жизнестроительства и разные жизненные стили. Благодаря существованию и труду этих людей разные цивилизации могут сосуществовать в одном культурном пространстве, как-то понимать и оценивать друг друга, находить общий язык в разных вопросах. Из пограничного слоя уже обработанные ценности и сформированные методики поступают во все остальные сферы жизни, ко всем остальным слоям. Можно сказать, что при контакте цивилизаций каждая из них остается в выигрыше – берет у соседа то, чего нет у нее, и в любом случае начинает лучше понимать себя, свои силы, возможности и цели.

Протестантская цивилизация: буря, натиск и голографическое воспроизведение

В Длинном Шестнадцатом Веке в Европе зародился капитализм. Длинным Шестнадцатым Веком называется период трансформации, перехода от католического общества к обществу модерна. К этому веку условно относят период с падения Константинополя в 1453 году по 1648 год – окончание Тридцатилетней войны и формирование Вестфальской политической системы, которая была разрушена только после Второй Мировой войны в XX веке. В Длинном Шестнадцатом Веке в Европе возникла протестантская цивилизация, чьи ценности не поддаются адаптации. Удачных примеров на данный момент нет. Как правило, она полностью уничтожает идейно того, с кем соприкоснулась.

У такой примитивной структуры, как племя или отдельный народ, нет вообще никаких шансов – уже во втором, если не в первом поколении все, не только пограничный слой, начинают хотеть и любить не то, что их родители, подчиняются духовно чужим ценностям и включаются в созданную этой цивилизацией структуру отношений, на каких угодно ролях (на последних, разумеется, к большой невыгоде для себя).

Мощные цивилизации в этом противоборстве держатся дольше (оптимисты сказали бы, имеют шанс сохранить себя, но увы, у нас мало оснований для оптимизма). Итак, великим

цивилизациям ценой больших потерь и уступок удастся адаптировать некоторую часть цивилизационного ядра контактера, поставить его на службу своим идеалам. Можно завести армию европейского типа, чтобы защищать свою страну или ввести европейскую систему образования, чтобы преподавать там свои науки. Но это очень опасно. Протестантские ценности как голограмма – полностью восстанавливаются из маленького кусочка. Даже в тех случаях, когда адаптация произошла, мы не можем быть уверены, что это на самом деле интеграция, а не смертельное заражение.

В зоне контакта: Балканы

Большое значение во все времена имели зоны контакта цивилизаций. Здесь отрабатывается стратегия, которая будет применяться в больших масштабах. Здесь в миниатюре моделируется ситуация, которая скоро определит судьбы народов. Здесь в зародыше видны все конфликты, поражения и победы будущего.

Зона контакта трех очень важных цивилизаций последнего тысячелетия это Балканы. Тут столкнулись православная, католическая и мусульманская цивилизации. Понятно, отчего тут все кипит, бурлит и никак не может успокоиться. Судьба этих цивилизаций в глобальном плане пока неясна, но то, что Балканы при всем этом круговороте остаются на протяжении веков преимущественно славянскими и православными, позволяет надеяться. Это очень хорошо для нас.

Украина в цивилизационном разломе

Украина – это яркий пример контакта православной и католической цивилизаций. История показывает, что этот контакт носит характер перманентного конфликта. Современный хоть и неярко выраженный, но разлом на западную и восточную Украину проходит по границе православных территорий с униатско-католическими. Печальный для нас момент заключается в том, что не так давно по историческим меркам эти земли были культурно русскими, а теперь Россия их теряет. Я не склонна преувеличивать скорость и размах этого процесса, потому что даже самые пламенные борцы за идейную Галичину признают, что их, пассионариев, не больше 15% даже на их исконных территориях, однако тенденция

неутешительная. Насколько я знаю, нам не удалось отобрать у католиков никаких территорий, а у них потихоньку-полегоньку это получается.

На Украине с 2014 года активизировался процесс замены русской культурной идентичности на европейскую. Этот процесс сопровождается интенсивным культуротворчеством, которое направлено на замену автообраза русского на образ русского в модусе врага в русскокультурной среде Украины. Образ русского как врага создается методами манипуляции в идеологической, образовательной и экономической сфере и внедряется среди русских Украины.

Автообраз современного украинца строится как образ европейца в противопоставлении образу русского как врага, чьи ценности должны быть разрушены, а культурная идентичность уничтожена.

На законодательном уровне инициативы украинской постмайданной власти символически уничтожают русскую культуру на Украине: переименовываются города, русский язык изгоняется из публичного пространства, пересоздаются исторические события, вошедшие в культурную память народа Украины, в первую очередь Великая Отечественная война, которая переконструируется как неоднозначное событие, которое нужно отмечать Днем траура 8 мая, а не Днем Победы 9 мая. Также на Украине проводится переписывание истории, уничтожение материальных и символических артефактов русско-украинской культурной памяти. В ходе так называемой декоммунизации, идущей на Украине с 2015 года, были уничтожены сотни памятников В. И. Ленину, а также переименованы десятки городов и улиц, названных в честь как коммунистов, в том числе этнических украинцев, так и русских исторических деятелей, которые жили до революции 1917 года и никакого отношения к коммунистической идеологии не имеют (Екатерина Вторая, Александр Суворов, матрос Кошка и др.). В число переименованных, то есть символически уничтоженных объектов попал и город Краснодар, находящийся ныне на территории ЛНР. Краснодар, известный борьбой подпольной организации «Молодая гвардия» против нацистов во время Великой Отечественной войны, сейчас на украинских картах называется Сорокино. Так уничтожается общая культурная память, связывающая русских и украинцев в рамках единой культурной идентичности.

На Украине с 2014 года запрещено публичное использование русского языка, включая сферу образования, юриспруденции, науки, массового обслуживания. Запрещена трансляция русских телеканалов и ввоз книг российских издательств, причем соответствующие списки ежегодно пополняются новыми названиями.

Также в стране принят ряд законопроектов, направленных против сепаратизма, а фактически против русской культуры. Так, на Украине предусмотрено тюремное заключение сроком до семи лет для тех лиц, которые в Донбасса насаждали «образовательные стандарты страны-агрессора». Фактически это означает учителей, преподавателей и работников образовательной сферы, которые работают в республиках Донбасса с 2014 года. Помимо этого, предусмотрено тюремное заключение для военных и госслужащих Республик, для тех, кто организовывал референдум в 2014 году и участвует каким-то образом в жизни Донбасса. Цель этой стратегии заключается в том, чтобы оторвать русский Донбасс от Украины, ослабить его влияние и влияние русской культуры на Украине в целом.

Помимо государственных органов в идеологической сфере работают и общественные организации, поддерживаемые и спонсируемые негосударственными структурами, включая европейские и американские. На уровне общественных инициатив информационная поддержка украинской агрессии обеспечивается рядом культурных проектов, таких как летние школы журналистики, выставки, концерты, литературные проекты, музейные экспозиции, детские летние лагеря, так называемые патриотические мероприятия для подростков с использованием нацистской символики и идеологии. Эти мероприятия часто осуществляются за счет западных грантов и подаются как общественно-значимые, модные, современные, повышающие статус участников.

На Украине пишутся книги о войне в Донбассе, продвигающие украинский взгляд на эти события. Патриоты и свидетели украинцы, воюющие против сепаров и российских агрессоров – это уже не только штампы украинской пропаганды, это литературные образы, которые эмоционально более эффективны и долговечны, чем плакаты и газетные статьи. Так, в 2018 году киевлянка Анна Скорина составила список книг об АТО, в котором только прозаических произведений более ста пятидесяти, сорок из них на русском языке. В списке есть

такие названия как «Как я стал бандеровцем. Тень платана», «Военный дневник (2014-2015)», «Синдром АТО. Нотатки «Айболита», «Дневник «фашиста». Позывной Рудик». Обратите внимание, как здесь разрушается русская культурная идентичность: бандеровец и фашист, однозначно отрицательные термины в русской культуре, подаются как позитивные самоназвания.

С начала войны в Донбассе на Украине вышел ряд художественных фильмов об этих событиях: «Гвардия» (2015), «Киборги» (2017), «Донбасс» (2018), «Позывной Бандерас» (2018), «Иловайск 2014. Батальон “Донбасс”» (2019), «Атлантида» (2019), «Наши котики» (2020) и другие. В этих фильмах образ русского на Украине создается как образ человека второго сорта, иного и чужого, агрессора и неадекват, труса, предателя и коллаборанта. Усилия украинских идеологов направлены на то, чтобы русские Украины опознавали себя в этом образе и стремились избавиться от своей русской идентичности.

В образовательной сфере образ русского как врага создается несколькими способами: запрет образования на русском языке, переписывание истории, пропаганда антирусских ценностей среди детей школьного возраста.

Запрет на образование на русском языке вступил в силу осенью 2020 года, когда русский язык в школах был запрещен даже в качестве регионального или школьного компонента, факультативных занятий и так далее. Высшее образование на русском языке на Украине невозможно. Научная и научно-педагогическая деятельность на русском языке также противозаконна.

Изучение истории Украины превратилось в украинских школах в способ конструирования новой украинской идентичности, включающей гетерообраз русского как врага. В антирусском ключе переосмысливаются события всей истории, начиная с Киевской Руси. В школьную программу вносятся даже актуальные события новейшей украинской истории, например, получение Православной Церковью Украины томоса об автокефалии в 2018 году.

Антирусская пропаганда ведется в украинской школе постоянно. В школах проводятся встречи с ветеранами АТО – участниками карательных батальонов, воевавших в Донбассе. Дети пишут письма украинским солдатам на фронт, носят вы-

шиванки, чествуют память украинских националистов, подерживавших нацистов в годы Великой Отечественной войны. С детства школьники усваивают новую терминологию: нападение Украины на Донбасс называется российской оккупацией; дети Донбасса, убитые ВСУ с 2014 года, – погибшие от российской агрессии; русский язык – язык оккупанта, который стыдно изучать. В школах на территории Донбасса, контролируемой украинской властью, внедряются детские книги и комиксы об АТО, в которых демонизируются русские и героизируются украинцы.

Итак, сохранение русской цивилизационной идентичности для русских Украины чрезвычайно затруднено. Среди индивидуальных стратегий можно назвать переезд в Россию – страну своей культуры, однако массовая эвакуация не представляется возможной. Среди коллективных стратегий реализуемы две: полная утрата идентичности при неизменности политического вектора или борьба русских за свою культуру в странах их проживания. Во втором случае возможно сохранение русской культуры со своей спецификой, обусловленной ситуацией культурной границы, вовлечением в культурную периферию инкультурных элементов и созданием локальных вариантов русской культуры.

Мусульманское пограничье

Граница с мусульманским миром в России отражает динамику взаимодействия во всем мире, где радикализация ислама – один из инструментов в политической борьбе транснациональных элит. Время от времени обостряются отношения и на этой границе, например, на Кавказе, в Татарстане и других мусульманских регионах. Война на Кавказе и вопрос об интеграции Кавказа – одна из болевых точек новейшей российской истории, и неудивительно, что это пограничье не успокоилось до сих пор.

В Росси в течение всей ее истории после XV века мусульмане вписываются в социум и интегрируются в элиту. В то же время попытки использовать мусульманский вопрос для давления, насилия, трансляции своего влияния не прекращаются, как не прекращаются они и на других культурных границах. Самое главное, что модель совместного существования в России была построена и работает до сих пор. Те проблемы,

с которыми Россия сейчас сталкивается на этом фронте, вызваны тем, что после распада СССР Россия официально отказалась от своих имперских ценностей и пыталась жить по-европейски. На самом деле это европейская культура не справляется с мусульманами, а не мы. Когда мы вернемся к своим старым методам, эти проблемы исчезнут сами собой.

Большие города...

И тут мы переходим к самой важной и самой опасной границе, к границе с протестантским миром, который никто еще не побеждал. Граница эта проходит не так территориально, как идейно, и передовая у нас находится во всех больших городах. Современные большие города и жизнь в них устроены по образцу западных и являются центрами кристаллизации западного элемента в обществе и центрами излучения западных ценностей на весь остальной социум.

Постольку, поскольку Россия интегрирована в мировое капиталистическое хозяйство, российские города воспроизводят глобальное пространство мировой экономики. Автохтонное социальное пространство российских городов, созданное в ходе истории, не исчезает, но деформируется социальным пространством глобального хозяйствования, производства и перераспределения. Большие города во всем мире, включая Россию, являются проводниками западного влияния, воспроизводя пространство, связанное глобальными сетями, транспортными и информационными, репрезентациями пространства как единой для всего мира глобальной структуры, и пространствами репрезентаций, включающих современную архитектуру, литературу и искусство.

Понятие «современное искусство» в последние десятилетия стало синонимом понятия «повестка», то есть западной идеологии положительной дискриминации меньшинств, равенства результатов и разрушения христианской культуры.

В России эта зона контакта – одна из самых важных и самых опасных. Именно в больших городах зараженный защитный слой транслирует чужие ценности наиболее активно.

Два принципа интеграции: русская империя и Чужой

Взаимодействие цивилизаций отнюдь не всегда происходит в форме взаимного истребления. Всякая цивилизация в период своего расцвета стремится к экспансии, в первую очередь культурной, но в то же время цивилизации могут сосуществовать веками, не уничтожая одна другую. У нас есть такие примеры – Индия и Китай, Египет и Шумер. Это значит, что происходящее последние 500 лет, с появлением протестантской цивилизации в Европе, является не правилом, а исключением. Это небывалый случай, единственный экземпляр в истории – агрессивная цивилизация, непрерывно растущая, уничтожающая физически или культурно всех, с кем сталкивается.

Русская цивилизация уникальна тем, что может включить в свой состав любой народ с любыми ценностями, кроме протестантских и католических. При этом народ сохраняет свое лицо и свою культуру, а его представители интегрируются в систему управления и жизнеобеспечения цивилизации на равных с остальными. Весь народ получает статус имперского при условии принятия имперской религии (в атеистическом государстве – идеологии), когда включается в русскую жизнь по всем параметрам.

Протестантская цивилизация уникальна тем, что тоже может включить в свой состав любой народ, но только физически. Культурно народ уничтожается, элита еще может частично сохранить свои позиции внутри системы, но массово его представители попадают в низшие слои иерархии или просто гибнут. На данный момент в протестантскую цивилизацию входят не только протестантские страны, но и те народы, которые на них работают, в описанном состоянии.

Захват защитного слоя

Протестантская цивилизация действует таким образом, что интеллигенция зоны контакта, защитный слой, который должен адаптировать чужие ценности, проникается ценностями Протестантского Мира и начинает транслировать их без смягчения и обработки в собственную культуру. Вместо того чтобы защищать нас от излучения, этот слой сам начи-

нает излучать. Он не прикрывает наши слабые места, а фокусирует туда максимальную силу удара. Что происходит в этом случае?

Вспомним маленького немецкого мальчика, который любит Клопштока. Этот случай показывает два источника формирования мировоззрения: окружающая действительность и так сказать идейная надстройка, то есть сам городок, его жители, их отношения и культурная составляющая в узком смысле слова: песни, театр, книги, идеология. Обычно эти две сферы влияют друг на друга, плохо различимы и работают в одном направлении. В случае же, который мы рассматриваем сейчас, вторая, культурная сфера, начинает работать против первой.

Это не обязательно прямые «волны ненависти» к своей стране и своей культуре, хотя и такое практикуется. Чаще всего воздействие бывает тоньше. Например, немцы трудолюбивы, сентиментальны, любят порядок, уважают субординацию – появляются пьесы и романы, где эти качества постоянно выставляются в смешном виде и присущи только отрицательным персонажам. Немцы музыкальны – вместо сложной симфонической музыки внедряются какие-нибудь «Битлз».

В результате возникает большая прослойка людей с ценностями и вкусами другой цивилизации. Эти люди вынуждены жить в обществе, ценностей которого они не разделяют. На своем месте в обществе они транслируют западные ценности и ослабляют собственную цивилизацию. Их беда в том, что для западной цивилизации они важны и нужны только в таком качестве, как проводники влияния. В этом же заключается беда окружающих. Для этих людей эмиграция в страну их новой культуры означает понижение статуса, поэтому они не делают такого шага, продолжая отравлять мир иной цивилизации.

Внутри цивилизации: слово и дело

А что же происходит вне зоны непосредственного контакта с агрессивной цивилизацией? Дело сводится к тому, что все слои общества должны насильственно, в авральном режиме выполнять несвойственные им функции.

Вспомним органицистские метафоры общества, хоть даже знаменитую индийскую: крестьяне – это ноги, воины –

это руки, брахманы – это голова. Неудивительно, что на руках неудобно ходить, ногами плохо думать, а головой сложно отбиваться от врагов. Коллективным осмыслением реальности и адаптацией чужих ценностей для своей культуры должна заниматься именно интеллигенция, и если она этого не делает, другие могут это сделать плохо и неумело или не могут этого сделать вообще.

Для интеллигенции слово – это дело, дело – это слово, и оценки тут должны быть соответствующие, но возникает такой вопрос: что важнее для представителей не-говорящего класса – то, что они говорят или то, что они делают?

В нашем случае публичное пространство, к сожалению, почти полностью заполнено чужими ценностями. Оценки, объяснения, трактовки, книги, кино, телевидение – все транслирует ценности протестантской цивилизации. Логично предположить, что если обычный горожанин (человек не творческой профессии и не умственного труда) что-то «скажет», как-то опишет историческое или актуальное событие, даст какую-то интерпретацию, выразит какие-то идеалы словесно, это будет почти полностью повторением того, что звучит в окружающем его публичном пространстве. В этом плане он занимается не своим делом и создать какую-то концепцию или новый теоретический подход в противовес официальной версии такой человек не может. Он выражает свое мировоззрение своими делами.

На границе цивилизации: экранирование, тотальная деструкция, адаптация

Как будет защищаться общество, если его защитный слой не экранирует его от вредоносного воздействия, а напротив, усиливает его?

Первый вариант – полностью глушить этот сигнал. Так некоторые не смотрят телевизор, не читают газет, не слушают современную музыку. Ясно, что этот путь не приводит к стратегическому выигрышу. Первая причина – культурный слой явление общественное. Вы не смотрите телевизор, но ваш сосед его смотрит, и рано или поздно вы столкнетесь с результатом этой пропаганды непосредственно в том узком кругу, который вы себе создали. И вторая причина, тоже важная – цивилизация не может быть личным делом каждого. Русским

нельзя быть в одиночку. В природе цивилизации распространять свое культурное влияние на разные народы, а для этого надо как минимум осознавать себя.

Второй путь – уничтожить зараженный слой и заменить новым, «своим», действительно защитным. Это не значит физическое уничтожение (хотя бывает и такое), но это всегда значит, что носителям чуждой культуры любым способом закрывается доступ в сферы идейного влияния – литературу, науку, журналистику. По этому пути идет Китай. Нельзя однозначно оценить эту стратегию. Успехи Китая в экономике и социальном развитии очевидны, население Китая растет, Китай занимает одно из ведущих мест в геополитике. Очевидно, принятая Китаем стратегия результативна. Однако не каждая культура так центрирована на себе, как китайская. Китай в течение веков считал себя культурным центром мира, а ценность заимствованного в китайской культуре ничтожна.

В русской культуре напротив, заимствованное считается ценным и важным. Государственную власть на Русь принесли варяги, христианство русские получили от греков. В течение столетий культурный статус русской парадигмы не уменьшался, а увеличивался благодаря этим заимствованиям. Такая открытость миру может быть очень опасной, но в то же время она делает перспективными попытки адаптации чужих ценностей.

Если на адаптацию не работают деятели культуры, то делаются эти попытки на более низком уровне и неприспособленной для этого частью общества, они бывают малоуспешны. Мы их можем наблюдать последние двадцать-тридцать лет, и зрелище это, скажем так, неоднозначное.

Например, когда в сатире откровенно и нагло ругают всякий порядок в армии, немец может толковать это как критику автора в адрес плохих офицеров. Ну совсем же без субординации в армии нельзя, автор же должен это понимать! – так сформулировал бы свои замечания немец. Ему в голову не приходит, что для автора без субординации в армии можно и нужно, потому что немецкая армия на самом деле не должна существовать. Если брать Россию, то откровенную пропаганду социал-дарвинизма у нас многие воспринимали как «от каждого по способностям – каждому по труду». У нас слишком глубоко прошито, что все люди – это люди, что не бывает че-

ловека, который по своим способностям заслуживает голодной смерти чем бы он ни занимался, потому общество этого не допустит.

Определенные успехи на этом пути есть. Процесс не прекращается, Россия в него включена, поэтому сохранение русской цивилизационной идентичности зависит от способности адаптировать чужие ценности и транслировать свои.

Донбасс как русский фронтир

Ситуация улучшилась в 2014 году. После Русской весны и возвращения Крыма в Россию русская цивилизационная идентичность получает все больше возможностей заявлять о себе в публичном пространстве. В разных культурных и научных центрах идет работа по манифестации русского мировоззрения. Особую роль в этом процессе играет восставший Донбасс.

Донбасс в 2014 году принял на себя удар на границе русской империи. Тогда украинская артиллерия и авиация обрушились на мирные провинциальные города и села, в Донбасс вернулась война, которой здесь не было с 1944 года. Однако удар, который потряс наш край, выявил его истинную сущность – это не просто глушь и провинция, это фронтир. Здесь принимают удар врага и держат его, не отступая.

Пограничный Донбасс в современных условиях оказался пространством реализации русской цивилизационной парадигмы. Донбасс стал местом, где на живых примерах показано, кто такие русские, как нужно жить и за что умирать. Какие бы решения ни принимались на политическом уровне, наша задача не меняется – Донбасс остается русским пограничем. Здесь живет труднее, чем на других территориях, но поэты, писатели, философы и критики Донбасса все равно продолжают творить, создавать, осмыслять жизнь, делать ее более полной и интересной.

В Донбассе начинается синтез дел и слов, повседневных действий множества людей и философских концепций, литературных произведений, выражающих ценности фронта и русской культуры, регулирующие поведение людей на границе и на большой земле.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ-ЧУЖОЙ

Европа и протестантская цивилизация: два в одном

В предыдущей главе были рассмотрены теоретические основы изучения цивилизационного конфликта. Прочитав эту главу, читатель узнал, что такое ценности, идентичности, социальные роли, цивилизационные парадигмы, сколько этапов у диалога культур, какие христианские цивилизации существовали в истории и как взаимодействуют цивилизации в культурном пространстве фронта. Напомню, какое это имеет отношение к циклу романов «Отблески Этерны»: когда русская писательница создает книгу о западной культуре, проблематика цивилизационного взаимодействия формирует пространство понимания произведения. Не только поведение персонажей, но и авторские решения определяются цивилизационной парадигмой. Прежде чем анализировать события в литературной вселенной Этерны, нужно разобраться во взаимодействии русской и западной цивилизации. Начнем мы с западной цивилизации – с Европы, которая моделируется в книге.

За последнюю тысячу лет взаимодействия русской культуры с европейской цивилизацией наш коммуникатор пережил несколько трансформаций. Языческая Европа стала католической, католическая раскололась на католическую и протестантскую, обе они расширились на другие культурные регионы. Рассмотрим Европу той эпохи, с которой Вера Камша пишет мир «Отблесков Этерны», а также проанализируем современный протестантский мир, выступающий нашим антагонистом в настоящее время.

Католическая и протестантская Европа XVII века сохраняла ряд общих черт. Европейские государства в большинстве своем были монархиями. Там, где это позволяли ресурсы королевства, строились абсолютистские монархии, как во Франции, где король мог заявить: «Государство – это я». В этих государствах важную роль играл династический принцип, а также сословное самосознание аристократии и дворянства.

Министр Лувуа против Жоржа Милославского

Поскольку король в европейских королевствах стоит на вершине иерархии, династия для дворянина является приоритетом, выше которого ничего нет. Ради династических интересов и его величества европейские государственные мужи рисковали собой, что подтверждает реальная история французского министра Лувуа.

Герцог Сен-Симон в своих мемуарах о царствовании Людовика XIV рисует многолетнего бессменного министра Лувуа самыми черными красками. Подлый интриган, безжалостно губящий своих врагов, разрушивший экономику страны лишь бы насолить министру финансов Кольберу, изничтоживший французскую военную школу лишь бы не иметь соперников в популярности, намеренно втянувший Францию в разорительную и затяжную войну со всей Европой лишь бы король в нем нуждался и не удалил его от себя – и об этом карьеристе и авантюристе Сен-Симон рассказывает удивительную историю.

Лувуа был облечен таким доверием короля, что был единственным свидетелем его венчания с госпожой де Ментенон, и тогда же взял с короля слово, что тот никогда не объявит об этом браке публично. Когда какое-то время спустя супруга короля начала настаивать на объявлении брака, и король пообещал ей это сделать, Лувуа через своих шпионов немедленно об этом узнал, примчался во дворец, ворвался к королю и невзирая на все его попытки увернуться, добился подтверждения клятвы, что позорный брак не будет разглашен. При этом разговоре Лувуа даже упал на колени и умолял короля проткнуть его шпагой тут же и немедля, ибо ему лучше погибнуть, чем увидеть небывалый позор своего монарха. Король дал слово, и вопрос с объявлением брака был решен раз и навсегда. Зная положение дел при дворе, Лувуа не мог ни минуты тешить себя иллюзией, что могущественная фаворитка не узнает, чьих это рук дело, и действительно, госпожа де Ментенон пустила в ход все свое влияние, и только внезапная смерть спасла Лувуа от Бастилии.

В русской культуре этот топос разрабатывается совсем иначе. Вспомним жулика Жоржа Милославского, который тоже падает на колени перед царем и говорит управдому Бунше, замещающему Ивана Грозного: «Не вели казнить, великий государь, вели слово молвить! Ты что ж это, сукин сын, самозванец, казенные земли разбазариваешь? Так никаких волостей не напасешься!» Жорж беспокоится за страну, даже для жулика это вершина иерархии.

Суд Божий водой, огнем и мечом

Помимо династического принципа, важным элементом европейской цивилизации было сословное самосознание аристократии. Именно феодальный принцип проявился в появлении такого культурного феномена, как дуэли, без которых не обойтись ни одному автору историко-приключенческих романов.

Существует мнение о происхождении дуэли от старинной ордалии. Ордалия – это испытание огнем или водой, а также судебный поединок. Предполагалось, что в этом случае Бог непосредственно вмешивается в ситуацию и совершает чудо, чтобы невиновный выдержал испытание.

При испытании водой нужно было достать кольцо из кипятка, прыгнуть в реку с быстрым течением, испытуемого опускали в холодную воду связанным и так далее. Испытание огнем состояло в том, что испытуемый должен был держать руки на огне, проходить через горящий костер, держать руками раскаленное железо.

Судебный поединок применяется в том случае, когда установить истину невозможно, но ни одна из сторон не отказывается от своих утверждений. Победивший в судебном поединке считался выигравшим спор. Судебный поединок был широко распространен в католической Европе. К этой теме обращаются многие авторы, пишущие о средневековье. В сериале «Игра престолов» по романам Джорджа Мартина можно увидеть судебный поединок Тириона Ланистера и Кэйтилин Старк. Сражаются не сами спорящие стороны, а выбранные ими воины вместо них. Результат признается действительным. После судебного поединка дело считается решенным.

На первый взгляд, судебный поединок – это просто узаконенная дуэль. Однако такое решение утверждает то, что нужно доказать: является дуэль ордалией или чем-то другим?

Феодал с минимальным ресурсом

Рождение дуэли из ордалии не так самоочевидно, как кажется. Первые сомнения возникают потому, что ордалии известны в разных культурах, включая Россию, но дуэль в России не появилась. Этого уже достаточно, чтобы искать другие причины.

Причины эти лежат в разном отношении к земельной собственности и статусу землевладельца.

В Европе феодал был независимым сюзереном в своем владении. Он сам решал, кому приносить и у кого принимать вассальную присягу и сам решал, кому и когда объявлять войну и заключать мир. Борьба королей за ограничение этого суверенитета занимает несколько столетий и к XVII веку (веку Дюма) далеко еще не была завершена. Однако к этому времени большинство дворян уже лишились своей реальной власти. В распоряжении бывшего феодала зачастую остается один-единственный человек – он сам. С этим неотчуждаемым ресурсом феодал и старается осуществлять свои извечные права – самому объявлять войну и заключать мир, не обращаясь к королевскому суду.

Итак, в Европе дворянская честь – это предтеча современных прав человека. Дворянская честь и права феодала есть у дворянина по праву рождения, даже если ничего другого у него нет. Королевская власть запрещает дуэли, поскольку присваивает права руководства себе, а дворяне сопротивляются этому столько, сколько могут. Сословное самосознание европейского дворянина не было полностью интегрировано в государственное, и в идеале собственная честь для дворянина была важнее династии и королевской власти.

Младенцы-полковники

Европейские дворяне охраняли свое сословие не только от короля, который выше их, но и от крестьян и торговцев, которые ниже их. В европейских странах XVI – XVIII вв. почти невозможно получить титул за военную службу. Так, во Франции при старом режиме до 1789 года командные должности распределялись между аристократами еще до их рождения, и представляли непреодолимую преграду на пути карьерного роста любого военного. Самый талантливый военный, не имеющий аристократического происхождения, не мог стать не то что генералом, даже полковником, ибо полковником был младенец древнего рода, имеющий военное звание и получающий огромное жалованье. Секрет блестящих побед Наполеона заключался в том, что он командовал французской армией нового типа, в которой старый принцип был разрушен во время революции, и заслуги военного сразу возносили его на вершину карьерной лестницы.

Феодал превращается в белокурую бестию

Сословное самосознание и аристократический индивидуализм в своем дальнейшем развитии приводит к появлению европейского индивидуализма, самоутверждения индивида в поле действия множества социальных сил исходя из его личностных возможностей. Творческие возможности человека, его способность к социальному конструированию и заданию цивилизационной парадигмы для других слоев, культур и народов, считались в Новое время заданными биологически и воплотились в расовой теории.

Расовая теория, которую вознес на своих знаменах Гитлер, пришла в Германию из Англии, Ницше всего лишь талантливо адаптировал научные концепции английских ученых. Попытка Гитлера применить расовую теорию, которая уже несколько веков практиковалась в протестантской зоне колонизации планеты, провалилась только потому, что натолкнулась на сопротивление русских, своей жизнью и подвигом вычеркнувших эту концепцию из ряда почтенных научных теорий. Благодаря своеобразному разделению труда практику английских колонизаторов талантливо описали немецкие философы Ницше и Шпенглер.

Наиболее полно и последовательно западноевропейскую интуицию человека раскрыл Ницше в конце XIX века. Ницше конструирует нового человека под именем сверхчеловека или истинного философа, который философствует молотом. Это человек, преодолевающий своею волей любые препятствия культурного и символического плана, которые становятся на пути его самореализации, поскольку стремление к самоутверждению истинно, а все, что ему противится, – ложно. Такого человека, который следует не социально заданным ценностям, а своим инстинктам, Ницше назвал белокурой бестией – представителем высшей белой расы, истинным арийцем.

Западная мораль как истина власти

Немного позже Ницше, в начале XX века, немецкий философ Освальд Шпенглер называет европейца-индивидуалиста, стоящего над социальными ценностями, фаустовским человеком. Очерк поведения фаустовского человека в обществе можно найти в «Закате Европы» Шпенглера:

«Чем бы ни была мораль как таковая, анализ ее не должен быть сам частью морали. Для того, чтобы подойти к проблеме, важно не то, что мы должны делать, к чему стремиться, чем руководствоваться при оценке, а важно сознание, что уже сама постановка вопроса по своей форме есть симптом исключительно западного мироощущения.

Всякий западноевропейский человек, без исключения, находится в данном случае под влиянием огромного оптического обмана. Всякий чего-то требует от других. Слова «ты должен» произносятся с полным убеждением, что здесь, действительно, возможно и должно что-то в общем смысле изменить, образовать и упорядочить. Вера в это и в законность такого требования непоколебимы. Здесь приказывают и требуют повиновения. Вот что у нас называется моралью.

В западной этике все – направление, притязание на власть, сознательное действие на расстоянии. В этом вполне сходятся Лютер и Ницше, папы и дарвинисты, социалисты и иезуиты. Их мораль выступает с притязанием на всеобщее и вечное значение. Это входит в состав необходимых условий фаустовского бытия. Кто иначе думает, чувствует, желает, тот дурен, отступник, тот враг. С ним надо бороться без пощады. Долг человека. Долг государства. Долг общества. Эта форма морали для нас сама собой понятна; она представляется нам подлинным и единственным смыслом всякой морали.

Но этого не было ни в Индии, ни в Элладе. Будда давал пример для желающего, Эпикур подавал добрый совет. Это также основные формы высокой – стоической, основанной на свободе воли – морали. Даже Ницше, страстный противник всякой «стадной морали», не способен ограничить в античном смысле свой порыв только своим «я». Он думает исключительно о «человечестве». Он нападает на всякого, мыслящего иначе. Для Эпикура же было решительно все равно, что думали и делали другие. Преобразование всего человечества – на это он не потратил ни одной мысли. Он и его друзья были вполне удовлетворены, что они такие, а не иные. Античным идеалом жизни было полное отсутствие заинтересованности по отношению к окружающим событиям, то есть к той стороне, власть над которой составляет все содержание жизни фаустовского человека. Но весь Заратустра Ницше – будто бы стоящий по ту сторону добра и зла – дышит скорбью по поводу того, что люди не таковы, какими он хочет их видеть, и глубокой, совершенно не античной страстью положить жизнь

на совершенствование их – конечно, в этом собственном, единственном смысле».

Этот индивидуализм, который оборачивается диктатом новой морали и действием на расстоянии, достоин того, чтобы рассмотреть его подробнее, потому что именно такой индивид, фаустовский человек, воспитывается протестантской цивилизацией и влияет на весь современный мир. Парадоксальное сочетание идеологии личной свободы со строжайшим диктатом в сфере мысли является базисным для западной цивилизации. Штрафы, увольнения, тюремные сроки за мыслепреступления в сфере прав меньшинств или потепления климата – это норма, которая удивляет только людей извне, но абсолютно приемлема и не вызывает вопросов у носителей культуры, представителей западной цивилизации.

Теологема Невидимой Церкви

Культурным архетипом западной цивилизации является теологема Невидимой Церкви, сформулированная в рамках протестантской культуры Нового времени Жаном Кальвином. Невидимая Церковь – это сообщество людей, предопределенных к раю, несмотря на свое поведение в земной жизни. Эта теологема в современной секулярной культуре Запада воспроизводится в литературе и кино в художественном образе сообщества избранных, которые стоят в особых отношениях к миру сакрального, управляют обычными людьми и остаются невидимыми для них, то есть внешне не выделяются из толпы. Теологема Невидимой Церкви интегрирует в своей состав фаустовского человека – архетип безграничного индивидума, предложенный Шпенглером. На основе этой теологемы в протестантской цивилизации создаются жесткие иерархические структуры, включая колониальное государство.

В результате вестернизации художественный образ Невидимой Церкви распространяется на весь мир. Именно эта теологема, пусть в превращенной и секулярной форме, лежит в основе многих явлений современной массовой культуры. Рассмотрим реализацию этого образа в популярных произведениях литературы и кино протестантских стран, а затем вернемся к месту этой теологемы в «Отблесках Этерны».

Двойное предопределение к Раю и к Аду

Учение о Невидимой Церкви развил и обосновал известный протестантский теолог Жан Кальвин в XVI веке. Роль этого учения в западной культуре исследовал немецкий философ и социолог Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» в начале XX века.

Вебер показывает, что для носителя протестантского кальвинистского мировоззрения характерна «концепция своей избранности, обретения уверенности в спасении посредством деятельности в рамках своей профессии». Избранность базируется на идее предопределения. Кальвин исходит из того, что Бог всемогущ и всеведущ. Раз он всеведущ, значит, еще до падения Адама и Евы он знал, кто из наших современников спасется, а кто попадет в ад. Бог всемогущ, и раз не предотвратил этого, значит, он этого не хочет. Бог также не меняет своих решений, потому что всегда знает как лучше и поступает соответственно. Отсюда следует, что обреченные аду обречены на это по воле Божьей и ничего с этим поделаться не могут. Отсюда же следует, что обреченные раю также обречены на это по воле Божьей и также ничего с этим поделаться не могут. Бог знает заранее все, что сделает человек, и если он предопределен спастись, то он может грешить, воровать, убивать, это ничего не изменит, ибо человек не в силах изменить волю Господа. И наоборот, если человеку суждено попасть в ад, он может совершить сколько угодно добрых дел, но не изменит этим волю Господа, ибо она неизменна.

На этой основе и строится концепция Невидимой Церкви, согласно которой среди обычных людей, большинства, обреченных на гибель, живут и действуют немногие избранные, которые спасутся. Среди всех христиан, видимой церкви, они составляют церковь невидимую. По каким критериям отличить избранных? Кальвин честно отвечал, что не знает, и узнают люди об этом только на Страшном Суде. Однако его последователей такой ответ не устроил, они хотели знать прямо сейчас и ввели множество остроумных критериев, позволяющих заглянуть в эти тайны уже при жизни.

Как узнать избранных?

Критерий избранности, получивший распространение в американской культуре, следующий: чувство избранности и успех в бизнесе. Вебер показывает, что характерным признаком кальвинизма, где бы он ни возникал, является способность его носителей сочетать «виртуозность в сфере капиталистических деловых отношений с самой интенсивной формой набожности». Таким образом, деление людей на успешных и неуспешных в протестантских странах имеет явный религиозный подтекст. Страх оказаться лузером имеет религиозную природу и не корректируется рационально.

Отметим еще раз основные элементы теологемы Невидимой Церкви: люди делятся на избранное меньшинство и всех остальных; избранные состоят в особых отношениях с Господом (или мистическим миром в широком смысле слова); критерий разделения не имеет отношения к морали и вообще недоступен нашему пониманию.

Кому и что должен бесконечный индивид?

Учение о Невидимой Церкви связано с европейским индивидуализмом, формирующим европейского человека Нового времени, человека модерна, прогрессивного человека. Базовый принцип индивидуализма гласит, что индивид – это наивысшая ценность в системе приоритетов, и в принципе нет такой общности, ради которой можно было бы жертвовать индивидом.

В любом человеческом обществе, включая общества модерна, человек всегда формируется как составная часть нескольких общностей. Человек является частью своей семьи, своего рабочего коллектива, военного отряда, дружеской компании, своего города, народа и так далее. Ради каждой из этих общностей человек может пожертвовать и жертвует какими-то своими интересами. Даже для того, чтобы пойти в гости или отпраздновать Новый год, нужно от чего-то отказаться. Этот же пример показывает, как условно в данном контексте понятие жертвы. Человек это делает в первую очередь для себя, эта связь с общностью делает богаче и лучше его самого, ему не жаль времени и сил, чтобы быть частью важной для него общности. В предельном случае человек может пожертвовать и жизнью.

Однако если индивид признается величайшей ценностью, то в принципе нет такой общности, ради которой индивид мог бы жертвовать собой. Такой подход полностью разрывает описанные выше связи. Никаких жертв ни для какой общности. Нет ничего выше отдельного человека, а у отдельного человека нет долгов перед «абстрактными сущностями», семьей или народом. Семья – это фикция, язык – это не сокровищница тысячелетней мудрости, а проявление инстинктов, народ это просто слово, которое ничего не значит. Фикции не могли реально сформировать реальную личность, значит, индивид ничего не должен никаким общностям.

Любая общность в реальной жизни, а не в мире идей – это прежде всего люди. Не признавая реальных долгов, фаустовский индивид тем самым обесценивает других людей. Кроме бесценного индивида появляются не имеющие ценности все остальные. Обоснование этого мироощущения и дается учением о Невидимой Церкви, сообществе избранных, которым не нужно проявлять свою избранность ни в каких поступках для того, чтобы оказаться на самой вершине сакральной иерархии.

Мысленный эксперимент с Мелом Судьбы

Проведем еще один мысленный эксперимент, чтобы продемонстрировать в действии центральную европейскую ценность – индивидуализм. Суть этой ценности в том, что личность превыше всего, а общности типа класса, народа и племени вторичны, несамостоятельны и во всяком случае должны потесниться перед индивидуальностью, и в предельном случае, о котором и речь, это вообще фикции, фетиши, идолы пещеры и сны разума, которые исчезнут на ясном солнечном свете.

Но дело в том, что столь ненавистные человеку европейской культуры социальные сущности все-таки существуют и очень серьезно влияют на поведение многих людей. Однако как это объяснить при господствующем подходе, отрицающем все то, что отдельный человек не может увидеть глазами и потрогать руками, как писал Платон? Как это хотя бы описать?

Рассмотрим для примера какой-нибудь простой случай, хотя бы среднюю общеобразовательную школу. Как она будет выглядеть глазами номиналиста, свободной личности, не

признающей никаких объективно существующих идей, воплощенных в обществе и его жизни? Номиналист считает, что идеи суть просто имена (номина по-латыни), а в реальности им ничего не соответствует. Что же тогда происходит в школе в течение учебного года?

Происходят там странные вещи: на некоторой территории в определенное время все люди отбрасывают множество своих ролей и функций и сводят все многообразие своего поведения к трем базовым типам – ученик, учитель, родитель. Как может объяснить себе суть происходящего человек, который в принципе отказывается знать об обществе, государстве и системе народного просвещения? Вот почему люди разного пола и возраста входят в класс с журналом в руках, берут указку и начинают что-то говорить у доски?

Первый вариант ответа, простейший – журнал и указка наделяются магический силой, представляют собой волшебные артефакты, меняющие жизнь того, кто к ним прикоснется. Именно этот вариант реализует практически вся современная фэнтезийная литература. Волею древних богов протагонист становится владельцем Куска Мела, который волшебным образом влияет на его жизнь и заставляет каждую среду с восьми до восьми сорока пяти в кабинете на втором этаже перед тридцатью другими людьми писать на доске неправильные глаголы английского языка. Тут автор любит добавить философии и показать внутренний мир героя следующим монологом: «Я простой парень как и все, почему это случилось на меня? За что, за какие заслуги, за какие грехи? Обернись дело по-другому, я бы сидел за партой и писал бы слова в тетрадь, но судьбу не объедешь, я стою тут и пишу эти же слова на доске. Вот и вся разница, а люди видят во мне какое-то особое существо, не похожее на остальных. Какая суета сует и ирония судьбы!» и так далее при каждом удобном случае. Этим птичьим языком даже такую простую вещь как школа не опишешь, что уж говорить о сущностях более сложных, о народах, племенах, планетах и империях, на которые авторы тоже замахиваются.

Метим псу хвост: почему люди верят в переселение душ?

Некоторые люди в попытках осмыслить действительность перерастают уровень волшебных артефактов. Признак западной цивилизации – рациональное мышление, и с его помощью народ как-то добирается до мысли, что волшебных предметов не бывает. Однако же вопрос о повторяющемся поведении остается, и ответом на него является старое доброе переселение душ. Пал Палыч не сам собой спрягает глаголы, это душа Первого Учителя вошла в него и говорит его устами. То же будет с каждым, кто выполнит ритуал – после пяти лет медитации под деканатом придет в учительскую и возьмет журнал.

Большая популярность метемпсихоза у наших современников меня всегда удивляла, но, видимо, господство номинализма другого выбора не оставляет. О стилистических особенностях этого варианта я говорить не буду, скажу лишь о его очевидном и кричащем противоречии с исходной европейской идеей. В случае переселения душ ценность личности падает до нуля, индивидуальность как таковая вообще исчезает, ведь человек не он сам, а кто-то более древний в его теле. Где же ценность индивидуальности, как же уникальность личности? Человек полностью утрачивает себя, но считает это прогрессом. Разрушение социальной общности в символическом плане оказывается оборотной стороной разрушения личности, и в результате возникают атомизированные индивиды, которым не на что опереться в культуротворчестве и жизненных стратегиях. Они оказываются материалом для создания любых жестких социальных структур, потому что полностью дезориентированы и не имеют критерия для оценки своих поступков. Это отсутствие объективного критерия – важный признак Невидимой Церкви.

Протестантский рай: никому по заслугам

Итак, теологема Невидимой Церкви реализуется в искусстве как образ, интегрирующий базовые компоненты учения, и показывающий сообщество избранных, стоящих в особых отношениях с Богом или шире с сакральными силами, причем критерием отделения избранных являются не их поступки, а их некие врожденные свойства, присущие им изначально.

Наглядное художественное воплощение образа Невидимой Церкви можно найти в рассказе «Путешествие капитана Стормфилда в рай» (1907) американского протестантского писателя Марка Твена. Главный герой попадает в рай и видит справедливое, с точки зрения автора, воздаяние каждому по его заслугам. В беседе с местным жителем капитан выясняет принципы справедливого воздаяния:

«– А Наполеона ты когда-нибудь видел, Сэнди?

– Видел частенько, иногда в корсиканском отделении, иногда во французском. Он, по привычке, ищет себе место по-заметнее и расхаживает, скрестив руки на груди; брови нахмурены, подмышкой подзорная труба, вид величественный, мрачный, необыкновенный – такой, какого требует его репутация. И надо сказать, он крайне недоволен, что здесь он, вопреки его ожиданиям, не считается таким уж великим полководцем.

– Вот как! Кого же считают выше?

– Да очень многих людей, нам даже неизвестных, из породы башмачников, коновалов, точильщиков, – понимаешь, простолюдинов бог знает из каких мест, которые за всю свою жизнь не держали в руках меча и не сделали ни одного выстрела, но в душе были полководцами, хотя не имели возможности это проявить. А здесь они по праву занимают свое место, и Цезарь, Наполеон и Александр Македонский вынуждены отойти на задний план. Величайшим военным гением в нашем мире был каменщик из-под Бостона по имени Эбсэлом Джонс, умерший во время войны за независимость. Где бы он ни появлялся, моментально сбегаются толпы. Понимаешь, каждому известно, что, представься в свое время этому Джонсу подходящий случай, он продемонстрировал бы миру такие полководческие таланты, что все бывшее до него показалось бы детской забавой, ученической работой. Но случая ему не представилось. Сколько раз он ни пытался попасть в армию рядовым, сержант-вербовщик не брал его из-за того, что у Джонса не хватало больших пальцев на обеих руках и двух передних зубов. Однако, повторяю, теперь всем известно, чем он мог бы стать, – и вот, заслышав, что он куда-то направляется, народ толпой валит, чтобы хоть глазком на него взглянуть. Цезарь, Ганнибал, Александр и Наполеон – все служат под его началом, и, кроме них, еще много прославленных военачальников; но народ не обращает на них никакого внимания, когда видит Джонса».

В этом отрывке показано, как возникают великие полководцы, не участвовавшие ни в одной битве. Таким же образом появляются и великие негодяи, не совершившие ни одного плохого поступка. Они предопределены к этому от рождения, и никакими своими поступками не могут изменить предопределения. Учение о Невидимой Церкви отделяет непреодолимой пропастью избранность от проявления этой избранности делами в нашем мире.

Иван Царевич и Змей Горыныч

Издавна героя узнавали по его подвигам: он убивает драконов и спасает прекрасных принцесс, помогает делать домашнее задание и переводит старушек через дорогу. Однако этот метод опознания героя не работает в протестантской цивилизации.

В обычных сказках подвиг никогда не бывает тайным в принципе. Герой может какое-то время скрывать свое имя, но не сам подвиг. Змей Горыныч не тайно разоряет поля и ворует людей, и никто, убив Змея Горыныча, не стремится выдать это за естественное происшествие. Победив дракона, герой женится на царевне и становится царем, подвиг вознаграждается открыто, в мире дневного света и повседневной реальности. У обычных людей хватает смелости не свихнуться от ужаса зная, что дракон разоряет их селения, хватает ума понять героизм их защитника, и хватает правильного взгляда на вещи, чтобы вознаградить героя за подвиг высшим местом в социальной иерархии.

Таким образом, в народной сказке героизм вписан в структуру общества. Все основные моменты, необходимые для включения подвига и героя в социум, ясно очерчены, хорошо разработаны и доступно изложены. Не то с западной концепцией героизма как тайного хобби. Герой ведет двойную жизнь, и это принципиально. Причина этого контраста в том, что критерий разделения на невидимую и видимую церковь лежит вне морали: мы не можем судить о принадлежности человека к героям или злодеям по тому, хорошо или плохо он поступает.

Невидимая Церковь и супергерои

В отличие от героев народных сказок избранные протестантской цивилизации резко отделены от простого народа по своей природе. Они не люди, они супергерои. Не будет преувеличением сказать, что тема супергероев – сквозная в западной массовой культуре. Супермен и Суперсемейка, Бэтмен и Баффи, истребительница вампиров, демонстрируют все отличительные черты мифологемы Невидимой Церкви: это представители избранного меньшинства, стоящего в особых отношениях к мистическому миру и скрывающего свое существование.

Внешне супергерои такие как все. Супергерои не раскрывают себя и свои подвиги, супергерои должны прятаться, сливаться с толпой, не дать никому заподозрить, что они другие.

Художественный образ Невидимой Церкви воплощает базовые идеи концепции Кальвина: люди делятся на избранных и отвергнутых, избранные имеют сакральный статус, однако их нельзя отличить от простых людей по их поступкам.

Тайные подвиги людей в черном

В фильме «Люди в черном» присутствуют все основные элементы теологемы Невидимой Церкви. В фильме показана жизнь организации, вступившей в контакт с инопланетянами от имени всей Земли. Основное правило организации: тайна и конспирация. Никто вовне не должен знать об этой структуре. Агенты, попавшие в организацию, становятся символически невидимы для внешнего мира: с экрана стирается имя, герой надевает черный костюм под слова за кадром «тебя больше нет, тебя никто не знает, ты не существуешь». Такой ценой герой оказывается в команде избранных, которые общаются с вземными силами и пасут подопечных, неспособных усвоить правду о мире. Чтобы пасомые не сошли с ума, им стирают память о встречах с инопланетянами и людьми в черном. Невидимая Церковь и в самом деле невидима.

Магам можно все

Базовые компоненты теологемы Невидимой Церкви наглядно проявляются в серии книг о Гарри Поттере. В мире Роулинг все люди делятся на магов и магглов, магические способности врожденные, могут встречаться у не-магов, но такой человек должен уйти из своего мира в мир магов. Маги

скрываются от людей. Магам запрещено использовать магию в мире людей, например, чтобы помочь обычному человеку в беде. Маги не могут использовать магию для удовлетворения своих повседневных нужд. Мир волшебников у Роулинг – откровенный паразит на человечестве, они едят, пьют, одеваются и пользуются инфраструктурой, абсолютно ничего не давая взамен. В последних книгах магические войны выплескиваются в мир людей, люди гибнут, не понимая, что происходит и не имея возможности повлиять на свою судьбу. По отношению к маггам магам можно все. Как бы ни относились персонажи к этому разделению, в их мире оно реально существует, потому что оно существует в протестантском мировоззрении.

Таким образом, религиозная идея живет в культуре, даже будучи оторвана от теологических корней. Супергерои, маги и магглы продолжают появляться во множестве произведений, хотя их авторы далеки от теологических тонкостей. Тем не менее религиозную основу этих созданных искусством миров можно восстановить, и она сводится к учению Кальвина.

Образ Невидимой Церкви в массовой культуре транслирует и порождает мироощущение принадлежности к избранным, которое отражено во многих произведениях западной культуры, а также под западным влиянием и в искусстве других культур, в частности, в цикле «Отблески Этерны», где разделение на избранных и недостойных спасения определяется устойчивостью к скверне.

Европейские политики: от хутора до геополитического гиганта

Рассмотрим, какие политические структуры могут возникнуть на основе культурного архетипа Невидимой Церкви, чтобы иметь материал для описания талигойского государства.

В политическом плане Европа представлена политиями от индивидуалистических хозяйств скандинавского севера и городов-государств Северной Италии до централизованных абсолютных монархий континентальной Европы и трансконтинентальных структур современного мира. В культурном плане Европа формирует социокультурные стратегии как крайнего индивидуализма, так и крайнего коллективизма. Либеральный идеал самодостаточного индивида был создан

в Европе, но там же были созданы и все идеологии, называемые ныне тоталитарными, которые характеризуются выдвиганием на центральные позиции в социокультурном пространстве коллективов того или иного рода с созданием жестких иерархий.

Город на холме

В протестантской культуре Невидимая Церковь объединяет как архетип фаустовского человека, так и архетип Города на холме.

Архетип фаустовского человека проявляется в теории и практике индивидуализма, требующей самореализации индивида несмотря ни на какие препятствия социального и культурного плана. Преобладание индивида над общностью есть следствие реализации этого архетипа.

Одна из таких структур реализуется в США на основе культурного архетипа Города на холме, занимающего центральное место в протестантской англосаксонской культуре, как об этом пишет американский политический философ С. Хантингтон.

Город на холме – это образ, созданный под влиянием ветхозаветной символики и кальвинистской версии протестантизма, системообразующим элементом которой является учение о строгом предопределении одних людей к гибели, а других к спасению. Предопределение возникло в момент создания первого человека и не может быть изменено поступками индивида в реальной жизни. Город на холме – это царство избранных к спасению, отделенных от остального мира, в котором живут народы, обреченные на гибель, и потому имеющие иной антропологический статус, чем избранные из Города на холме. Город на холме реализуется в политических учениях, возникающих в американской культуре, и в политике создания универсального мирового порядка, проводимой США.

Культурный архетип Города на холме в протестантской культуре подразумевает создание иерархических жестких структур, которые стоят над религиозными и культурными различиями, включая их в себя на основе общего интегрирующего принципа, и растут экспансивно вовне, захватывая чужие культурные пространства.

Синтез этих двух архетипов реализуется в колониальных государствах, созданных в протестантском культурном регионе. В колониальном государстве идеальное общество мыслится как сообщество граждан-атомов, живущих по принципу «человек человеку волк». Каждый имеет столько прав, свобод и ресурсов, сколько может завоевать в этой ежедневной битве. Любая общность – это объединение по интересам, не имеющее иной цели, кроме облегчения борьбы за ресурсы. Созданная на такой основе социальная структура и оказывается колониальным государством, в котором титульная нация или господствующий класс использует все доступные материальные и символические ресурсы для удержания своей власти. В колониальном государстве не элита служит государству, как в империи, а государство служит интересам господствующей элитарной группы. Вертикальная социальная мобильность в таком обществе всячески подавляется, потому что доступ к благам сохраняется для тех, кто однажды сумел их захватить и продолжает удерживать в настоящее время.

Как управляется Город на Холме

В описании правящей элитарной группы в США я буду описаться на статью блогера Ostar Karmodi, посвятившего интересный текст этому вопросу.

Элиту американского общества определяют как старые деньги и старую власть. Старые деньги – потомки тех, кто когда-то заработал миллионы и сумел их не растерять, а передать наследникам. Старая власть – потомки тех, кто занял большой государственный пост и направил по той же дороге своих детей.

Вот как описывает старую власть OstarKarmodi: «Джон Адамс, второй президент США, был сыном фермера и внуком врача. Но его сын, Джон Квинси Адамс, тоже стал президентом США. Внук – конгрессменом и послом в Великобритании. Правнук – председателем Демократической партии Массачусетса. Праправнук – министром военно-морского флота.

Карьеру в политике продолжили не только дети и внуки Джона Адамса, но и его племянники, двоюродные племянники и т.д. Семейка Адамса насчитывает примерно три десятка конгрессменов, сенаторов, министров, дипломатов и судей разных уровней. Прямой прапраправнук Джона Адамса,

Юджин Николсон, умерший 10 лет назад, в 2011 году, до самой смерти был федеральным судьей США. Другой потомок Джона Адамса в 2017 году баллотировался на пост Генерального прокурора Вирджинии от Республиканской партии, но проиграл. Вероятно, это не последняя его попытка.

Политических династий вроде Адамсов в Америке не единицы и даже не десятки, а сотни. Правда, не во всех них есть по два президента. Только в трех. Кроме Адамсов, это Рузвельты и Буши. В семье Гаррисонов президентов было аж три (третий, правда, носил другую фамилию – Линкольн)».

В Европе такие политические династии существовали веками, и хотя были сметены во время Второй Мировой войны, сейчас там складываются правящие кланы по такому же сценарию. Даже в бывшем советском лагере за последние тридцать лет появились политики, дети политиков.

Сквозь культурную границу: русский центр цивилизации

В России элиты в смысле старой власти сейчас нет, элиты в смысле старых денег не было никогда. Исторически наряду с древними боярскими родами, поставлявшими управленческие кадры, всегда существовали социальные лифты, поднимавшие на самый верх безродных людей, то есть людей, не принадлежащих к древнему роду, веками управлявшему страной. В советский период, после уничтожения старой аристократии, эта тенденция стала доминирующей и держится до сих пор. Попытки ввести новое местничество, когда должность определяется семьей, имеют место, но не являются нормой в общественном сознании.

Пришла пора рассмотреть культурные основания русской цивилизации – второго коммуникатора в диалоге культур с западной цивилизацией.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РУССКИЙ МИР

Империя – каркас русской цивилизации

Россия как цивилизация существует отнюдь не со времен Киевской Руси. До монгольского нашествия Русь была очень похожа на Европу и культурно (религиозный раскол еще не проявился в такой степени), и в политическом отношении, вечной войной государств друг с другом. Россия оформилась в цивилизацию уже после татаро-монгольского ига, можно ориентировочно принять время Ивана Великого, XV век. С этого времени Россия дает культурный образец другим народам. Этот образец – соборность и русская система управления.

Социальное устройство империи понимается как отражение небесного порядка, и представителем этого порядка на земле является светский властитель. Власть в России имеет не только права, но и обязанности. Как пишет современный философ Федор Гиренок, российское общество – это «не сумма независимых гражданских атомов, а сплетение целостностей этнических территориальных, профессиональных, семейных. Не принцип индивидуализма, а принцип соборности традиционно развивался в России».

Соборность – это свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви. Термин не имеет аналогов в других языках. Соборность выражается в идее служения, выступающей как регулирующий принцип функционирования общества. Социальной организацией такого общества является империя.

Имперская форма воссоздается в России после масштабных геополитических катастроф. В XX веке Россия пережила два таких события – Революцию 1917 года и последовавшую за ней Гражданскую войну в начале столетия, а также распад СССР в 1991 году, в конце столетия. Каждый раз разбитое на части общество после нескольких лет анархии воссоздавалось в форме империи.

Что общего у империи и Города на холме?

Существует два вида полиэтничных государств, выступающих как источник цивилизационной парадигмы для окружающих народов и реализованных на большой территории. Оба таких государства традиционно называются империями, хотя они различаются по социальному устройству. Об истоках этой традиции мы поговорим особо. Эти два вида социальных образований – империя и колониальное государство, архетипом которого является Город на холме.

Не всякое экспансивно растущее государственное образование представляет собой империю. Когда говорят об империи Чингисхана или империи Александра Македонского, используют метафору, причем весьма неглубокую, основанную на несущественном признаке империи – большой территории.

Одной из самых важных выгод как империи, так и колониального государства является уменьшение человеческих потерь на подвластных территориях и высвобождение ресурса для развития всех сфер жизни помимо просто выживания. Другими словами, оба этих вида социального устройства конвертирует войну всех против всех в охрану рубежей и придворные интриги. Это гораздо менее затратно для социума, что и привлекает народы в такую структуру.

Единство против раздробленности

Вспомним галлов времен Цезаря или греческие полисы времен завоевания римлянами Эллады. Мы зачастую забываем за блестящими древними названиями реалии того времени. Великие Афины и могучая Спарта, доблестные эдуи и воинственные гельветы на самом деле занимали территорию, сравнимую с территорией области в современной России. И на этой территории шли постоянные войны между соседними городами или союзами городов. Спать в оружии, упражняться в военном деле, все время восстанавливать сожженные дома и разоренные поля не так романтично, как это кажется две тысячи лет спустя.

Когда на эти земли приходит империя, в первую очередь прекращается бессмысленное кровавое роение. Охрана границ и затраты на содержание центральной бюрократии отнимают у подвластных гораздо меньше сил, чем тратилось

раньше, что и позволяет империи добиваться значительно больших успехов во всех сферах жизни, принципиально несравнимых с тем, чего может достичь отдельное племя или отдельный город.

Таким образом, территориальное единство империи позволяет людям уйти от детерминизма, не затрачивать все силы на выживание в условиях агрессивной социальной среды и на практике реализовать свою свободу. Так империя превращается в землю людей, на которой каждый ценен и каждый может сделать что-то важное, интересное и творческое. Каждый житель империи встроен в десятки социальных структур и легко контролирует свое взаимодействие с другими одновременно в разных иерархиях. Империя – это полифония иерархий, усложнение и развитие. Это одна из причин того, что империя становится источником цивилизационной парадигмы для окружающих народов. Именно так на европейские народы подействовал Рим в эпоху великого переселения (IV – VII вв.).

Равнозначность людей и территорий

Существенным признаком империи является ее социальное устройство. Поскольку у нас есть одна несомненная империя, с которой все начиналось и на Земле, и в Кэртиане, я буду в дальнейшем использовать сравнения и умозаключения на материале римской и византийской истории как базовые.

Характерными признаками социального устройства империи является равнозначность жителей и территорий. В империи продвижение по социальной лестнице обусловлено служением, и хотя всегда существует тенденция зафиксировать привилегии в границах одной социальной группы, которая добралась до них на конкретном историческом этапе, император создает противовес этой тенденции, иначе империя ввергается в кризис и входит в полосу катастроф.

Император в империи стоит над борьбой классов, социальных групп и индивидов. Император не является только одним из аристократов или феодалов. Он выражает не интересы своей социальной группы, а интересы общества как целого. Император объединяет и примиряет разные социальные общности на основе идеи справедливости и не позволяет какой-то одной социальной группе бесконтрольно грабить остальных.

Трансформация Римской республики

В истории Римской империи процесс выравнивания статуса жителей занял несколько столетий. Напомню, что в республике римский гражданин имел огромные политические права, которых не имели жители других городов и стран, подвластных Риму. Жители одного только Рима голосованием выбирали консулов и распределяли провинции, то есть выбирали правителей всей подвластной Ойкумене.

Решения римского суда были обязательны для всех, но в римском суде не мог судиться не гражданин. Это приводило к тому, что целые царства и провинции обращались к частным лицам, римским гражданам, которые согласились бы представлять их интересы в римском суде.

Список можно продолжать, на эту тему есть огромная литература, но общая картина ясна. В Римской республике была привилегированная группа, римские граждане. Становление империи было процессом расширения этого привилегированного круга.

В I-м веке до н. э. Сулла дает римское гражданство италикам – жителям других городов в Италии. В следующем поколении Цезарь дает римское гражданство цизальпийским галлам. После смерти Цезаря развернулась разрушительная гражданская война, в которой старая аристократия отстаивала старый принцип (римское гражданство только для жителей Рима) и была повержена. При Августе и его наследниках процесс присвоения новым провинциям римского гражданства идет полным ходом и завершается в 212 г. эдиктом Каракаллы, даровавшим римское гражданство всем подданным империи. Каракалла зафиксировал официально фактически сложившееся в империи положение. Такое положение вещей свойственно только империи и никому больше. Таким образом, если в некотором государственном образовании наличествует привилегированная титульная нация, это не империя.

Одинаковый статус территорий выражается в том, что в империи нет богатой метрополии и ограбляемых колоний, в империи есть имперский центр и остальные равные между собой по статусу земли и города. Противоположное социальное устройство реализует колониальное государство, состоящее из метрополии и колоний, жители которых не равны по статусу. Поток товаров идет от окраин к столице.

Прокопий Кесарийский о любви к варварам

Тем, кто считает, что настоящая имперская политика – это когда метрополия грабит колонии, а не когда окраины цивилизуются за счет имперских территорий, можно посоветовать для коррекции взглядов отрывок из «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, жившего при византийском императоре Юстиниане Великом как раз в VI веке:

«...Все это Юстиниан очень быстро растратил, частью на бессмысленное морское строительство, частью по своей любви к варварам.

...Сколько за все время он умудрился незаконно присвоить и затем истратить, нет никакой возможности ни сказать, ни сосчитать, ни измерить. Подобно некой вечнотекущей реке, он ежедневно опустошал и грабил подданных, и все это тут же текло к варварам или в море

...Всех же варваров он, не упуская ни одного удобного случая, одаривал огромными деньгами – и тех, что с востока, и тех, что с запада, и тех, что с севера, и тех, что с юга, – вплоть до тех, которые обитают в Британии, и племен всей ойкумены, о которых прежде мы и не слышали и увидели раньше, чем узнали их имя. Ибо они, прознав о нраве этого человека, со всей земли стали стекаться к нему в Византий. Тот же, не испытывая никаких колебаний, но даже преисполненный радости от такого дела, считал за великую удачу выплескивать богатство римлян, швыряя его морскому прибою или варварам, постоянно, день за днем отсылая каждого из них с раздутыми кошельками. И таким образом все варвары стали полными господами римского богатства, либо получив деньги от василевса, либо грабя римские пределы, либо беря выкуп за пленных, либо торгуя перемирием за деньги. Так и разъяснилось ночное видение, о котором я только что упомянул, для того, кто его видел».

Как бы ни относиться к теории о том, что государство должно обеспечивать метрополии безопасную выкачку средств из колоний, нельзя не заметить, что в настоящей империи, в Римской, подобные учения были жестко загнаны в подполье: Прокопий осмелился опубликовать свой труд только после смерти. В колониальных же государствах типа Британии это составляет основу политики и идеологии.

Чем больше мы узнаем о Риме, тем очевиднее, что окультуривание окраин за счет метрополии – это не маленький и

неприятный эпизод, а сознательная политика Римской империи все время ее существования. Пока Константинополь был Константинополем, империей считалось именно это и ничто другое. Таким образом, империя и колониальное государство противоположны в своих целях и в образе действий, несмотря на, казалось бы, общий момент территориального единства.

Очарование Римской империи

Европейские народы в свой формативный период (великое переселение народов) были так очарованы Римской империей, что не освободились от этого очарования до сих пор.

Наследниками Рима считали себя самые выдающиеся европейские государства, и с попытками объединения Европы в одну империю связывают европейцы самые яркие страницы своей истории. Даже само название империя, император отсылает к Риму как образцу и идеалу. Нельзя, однако, не заметить принципиального отличия всех европейских империй с одной стороны от Рима, а с другой стороны – от империи Российской, причем отличие это одно и то же.

Где живут европейцы?

Европа уже несколько столетий ощущает себя в некотором роде единством. Несмотря на многообразие европейских культур, европейцы очень явно и очень резко отграничивают себя от неевропейцев. Причем граница эта отнюдь не географическая и проходит вовсе не по Уральскому хребту. Например, сербы географически живут в Европе, но это не европейцам считать, что после 1945-го года на европейские страны не упало ни одной бомбы. Бомбежки Белграда войсками НАТО в 1999 году не воспринимаются как происходящие в европейской стране. Граница между Европой и остальным миром культурная и религиозная.

Если попытаться перечислить все те народы, которые точно и несомненно для самих себя и для всего мира являются европейскими, мы обнаружим, что это бывшие католические народы. В частности, они и сейчас могут быть католическими, но могут быть и протестантскими, это не принципиально. Именно этот религиозный аспект позволяет нам отметить самую существенную разницу между европейскими империями и империей Российской.

Хотя общеевропейская культурная идентичность имеет место, она не выражается в политическом единстве. Если Россия объединяет политически большую часть Русского мира, европейцам построить свою единую империю так и не удалось. Чтобы яснее представить себе задеиствованные здесь процессы, проведем еще один мысленный эксперимент.

Мысленный эксперимент с удельной Русью

В этом мысленном эксперименте мы сравним две социальные структуры общества – русскую империю и европейское государство Нового времени. Здесь будет наглядно показано, что это общности разного уровня и соотносятся как целое и часть. При желании этот подраздел можно пропустить и читать дальше о способах разрушить имперское единство.

1. Исходные данные: Русь это Европа

Вспомним Киевскую Русь домонгольского периода. Множество княжеств и князей, каждый со своей генеалогией, двором, рыцарской честью и претензиями. Благодаря их амбициям все эти княжества уже двести лет после Ярослава Мудрого непрерывно ссорятся между собой. То князь владимирский штурмует Киев, то князь галицкий осаждает, кажется, тот же Киев или Чернигов или Смоленск, неважно. Важно, что люди одной веры и одной культуры идут друг на друга войной, проливают кровь друг друга, обращают друг друга в рабство и разоряют целые города и области.

Автор «Слова о полку Игореве» считает, что честолюбие князей и желание каждого жителя прославить и выдвинуть на первое место свою малую родину должны отступить перед ценностью более важной – перед единой страдающей русской землей.

На каждом уровне социальной иерархии создается своя идентичность: человек ощущает себя киевлянином или черниговцем, и в то же время формируется идентичность более высокого уровня – общерусская.

2. Альтернативная реальность: домонгольская Русь через века

В теперь начнем наш мысленный эксперимент. Пусть описанная выше ситуация домонгольской Руси законсервирована на тысячу лет. Луки сменяются мушкетами, мушкеты – пулеметам, пулеметы – автоматами, но каждые сто лет владимирцы штурмуют Киев, киевляне осаждают Смоленск, рязанцы сжигают Тверь, черниговцы идут на Новгород и конца этому не видно.

На уровне локальной идентичности можно сказать, что все эти люди патриоты; каждый из них очень любит свою родину; они верны, преданны, отважны, искренни, они борются за свою землю. На уровне общерусской идентичности в этой ситуации нет патриотизма, только борьба честолюбий.

3. Много империй, хороших и разных

Продолжим мысленный эксперимент с альтернативной домонгольской Русью, которая не смогла стать Россией.

За тысячу лет ситуация не раз менялась. То Чернигов совершенно покорил Киев, то Киев через сто лет освободился и завоевал Чернигов. Владимир усилился настолько, что завоевал два-три соседних княжества и удерживает их не одно поколение. Новгород отхватил себе Полоцк и Смоленск, выстроил серьезную защиту против южных княжеств и стал расти на север – присоединил Биармию, лопарей, еще какие-то финские племена.

В результате все откатывается к шаткому равновесию, ведь каждое княжество, воспламеняемое своим местным «патриотизмом», спит и видит, как бы свергнуть власть ненавистного соседа, а если само еще не завоевано, то плетет дипломатические интриги против того, кто усилился в данный момент и помогает войсками его противникам. В этой борьбе, как и тысячу лет назад, они не гнушаются приводить половцев на Русь, то есть обращаются за помощью к иноверцам и исконным врагам своей уже совсем призрачной общей Родины.

При всем при том эти княжества не забыли, что когда-то составляли одну страну. На словах они чрезвычайно почитают Киевскую Русь, каждый возводит свой род к Владимиру Красно Солнышко, строит свою столицу по образцу Киева,

называет свою личную охрану «Богатыри Киевские» и придумывает орден Ильи Муромца. И каждое княжество, когда ему удается прижать соседей, громко и на весь мир кричит, что вот оно-то теперь и есть настоящая и натуральная Киевская Русь.

Владимирские историки учат, что хотя они и не объединили все княжества, зато те территории, которые у них есть теперь, точно такие же по размеру. Новгородские идеологи пишут, что хотя они и не объединили все княжества, зато они завоевали много новых земель и явили силу русского оружия ранее неизвестным племенам. Все они вместе пишут, что обстоятельства изменились и времена изменились, но в новых условиях именно их господин и есть настоящий князь всея Руси.

4. Идеальная империя против буйных вассалов

Итак, альтернативная удельная Русь существует в раздробленном виде уже несколько веков. На данный момент в ней выделилось несколько центров кристаллизации государственности – достаточно больших и сильных княжеств, которые давно уже победили тех слабых, кого могли победить, и столкнулись уже друг с другом. Они сохраняют несколько слабых княжеств как буферные зоны, не отбирая у них независимость. Дипломатическая грызня и мелкие пограничные стычки не прекращаются никогда, но на большую войну они решаются не так уж часто – раза два-три в столетие. Тогда начинается всеобщее кровавое побоище на несколько лет, после которого все откатываются в общем-то в прежние границы.

Те княжества, которые лежат на границе ареала, удельной Руси, ведут довольно активную экспансионистскую политику. Они покорили и присоединили несколько диких племен с их территориями и теперь по площади каждое из них сравнимо или больше, чем исходная, когда-то бывшая единая Русь.

Единственный, кому не досталось никаких дополнительных владений, это князь Киевский. Вот его соседи ставят на место всегда с неизменным удовольствием. Против него объединяются легко и охотно, забыв о других делах. Стоит ему хоть чуть-чуть приподняться над средним уровнем, его общими усилиями загоняют в прежние границы. Если он всего лишь начал переговоры с каким-нибудь слабым соседом или

не дай Бог поставил свой гарнизон в какой-то деревне, поднимается всеобщее возмущение – тирания, агрессия и экспансия, остановим и не дадим! Лет триста назад самые сильные на тот момент княжества объединились между собой и устроили совместный поход против князя Киевского. В том походе Киевщину сравнивали с землей, просто разрушили дотла, уничтожили совершенно. Потихоньку княжество восстанавливается, конечно, но все соседи не дают ему высунуться за свои границы, хоть и границы эти уже довольно ощутимо ужались. Неусиление Киева объявлено основой равновесия в удельной Руси.

Как вы думаете, почему они все так единодушно ненавидят именно Киевское княжество, а не какое-то другое?

5. Претензии на древнее наследство

Могут ли наши княжества вообще забыть о своих претензиях на русское наследство, выкинуть из головы Киевскую Русь, не рваться никого объединять и жить себе спокойно каждый в своих границах?

Теоретически вроде бы могут, но весь секрет в том, что они должны сделать это одновременно. Если какое-то сильное княжество сложит оружие, когда все вокруг продолжают войну, судьба его очевидна и печальна. Они должны сделать это все вместе, единодушно, но... Если бы они были способны делать что-то все вместе, единодушно, они бы не сражались несколько веков подряд.

6. Европа как удельная Русь

Завершаем наш мысленный эксперимент. Сделаем последнее усилие, и представим, что в одной реальности на смежных территориях существуют и Россия как она есть в нашем мире, и удельная Русь в своем раздробленном состоянии.

Для полноты картины предположим, что в точке бифуркации, после которой каждое общество пошло своим путем, произошел и религиозный раскол. Поменялся один догмат. Для внешнего мира, для мусульман или китайцев, они все христиане, но друг друга по религиозной принадлежности отличают четко. Допустим, все исповедующие одну религию,

живут все это время в России, а исповедующие религию-плюс-догмат – в удельной Руси.

Теперь вопрос, очень важный: может ли житель удельного княжества Черниговское-плюс понять, что Россия, с которой он столкнулся, является социальной структурой более высокого порядка, чем его родное княжество? Как объяснить ложность представления «вот есть наша Черниговщина-плюс, и вот есть ваша Россия, это две одинаковые страны, просто Россия больше»?

Именно в такой ситуации оказывается исследователь, который пытается объяснить разницу между Россией и любой другой европейской страной. Описанная в мысленном эксперименте ситуация действительно имела место в Европе со времен Карла Великого и вплоть до XX века. Аналогом Киевского княжества в альтернативной Руси выступает Священная Римская Империя германской нации – в символическом пространстве наследница Карла Великого, а значит, и Римской империи. Однако все государства, построенные в Европе, также претендуют на имперское наследство, и каждый называет империей то, что удалось создать вокруг того центра, который он представляет. Поэтому структурными единицами одного типа являются не Россия и Германия, а Россия и Европа или Германия и Смоленщина.

7. Европа и Российская империя

Российская империя является единственным центром политического объединения Русского мира, в то время как ни католической, ни протестантской, ни секулярной Европе попытки политического объединения так и не удались. Знаковой фигурой в европейской истории является Карл Великий, но его империя просуществовала около десятка лет. Наполеон объединил не всю Европу и тоже ненадолго, но и этого хватило, чтобы стать культовым лидером последних двух столетий. Объединение Европы при Гитлере продлилось всего несколько лет. Неизвестно, продержится ли дольше нынешний Евросоюз, но в свете прошедшего я бы на многое не рассчитывала.

Контраст с Российской империей разительный. Мало того, что мы объединили гораздо большие территории, мы сумели удержать их вместе не десять лет, как великий Наполеон, а несколько столетий. Чаадаев ругает русских за лень и

неумение оставить след в истории, когда к его времени уже три века Россия спокойно держала в руках заветную и неосуществимую мечту столь любезной его сердцу Европы.

Все европейские империи меньшего масштаба, типа империи Габсбургов, Британской или Прусской с империей Российской несравнимы в принципе, потому что они объединяли политически только часть единого культурного пространства. В наших реалиях это была бы какая-нибудь Черниговско-Смоленская империя, а рядом с ней Рязанско-Тверская империя, а параллельно с ними Новгородско-Владимирская империя... По-моему, это был бы образец не величия, а убогих попыток выдать желаемое за действительное. Между тем ничего другого Европа за всю свою историю нам не продемонстрировала.

Как разбить имперское единство?

Итак, в границах европейского поликультурного региона отрабатываются как разные стратегии ухода от Римского наследства, так и разные стратегии его все же реализовать и объединиться. Одной из перспективных стратегий, на первый взгляд позволяющих сделать и то, и другое, является секулярность, попытка объединиться не на культурной или религиозной основе, а на экономической. Уничтожение культурной памяти уничтожит тем самым причины для постоянных конфликтов. Объединение на экономической основе всем удобно и может легко быть реализовано.

В рамках реализации этой стратегии в Новом времени появился новый принцип легитимации власти – власть получают не от Бога и не как наследники великого Рима, власть вручается нацией. Национальная идентичность вырастает на основе общего рынка, то есть экономического единства региона, который может и не иметь культурной или религиозной общности.

Преобладающий тип социальных взаимодействий в Европе Нового времени включает в себя все варианты, ведущие к формированию нации: буржуазная демократия, капитализм, гражданское общество. Европейская нация строится на основе экономического единства, общего рынка какой-то территории, все субъекты которого разделяют общую национальную принадлежность. Таким образом, в коммуникацион-

ном аспекте реализуется разрыв индивида с традицией и социальной памятью. Торжество индивида над любой общностью и любой ценностью и есть тот индивидуализм, который формируется на базе теологемы Невидимой Церкви в Новое время.

Хотя разрушение культурной памяти в Европе имеет место, процесс идет не так быстро, как это нужно для полного объединения. Когда пали большие идентичности претендентов на имперское наследство – французская и немецкая, на смену им пришла не универсальная идентичность прогрессивного человека, который легко объединяется в любые структуры, а множество национальных и культурных идентичностей, которые еще меньше способны объединиться, чем предыдущие полуимперские гиганты. На территории прежней европейской империи возникает многом маленьких национальных государств, которые ведут войны между собой. Культурные конфликты не уходят, а переходят на новый уровень, захватывают нижележащие слои социальной структуры, разбивают было единство и провоцируют постоянную напряженность. Стратегия мирового духа в отношении Европы не удалась – объединения не получается. Однако изменить вектор развития она тоже не может, и дробление крупных идентичностей продолжается.

Как создать колониальное государство?

Однако из атомизированных раздробленных индивидов и общностей протестантская цивилизация создает жесткие иерархические структуры в форме колониальных государств. В таких государствах есть титульная нация, колонизирующая другие культурные миры, существует метрополия, грабящая колонии, император заменен на правящий класс, стоящий у власти. Правящий класс в колониальных государствах – это крупная буржуазия, использующая государственный аппарат для обслуживания собственных интересов. У такого государства нет сверхзадачи, которая осознавалась бы всеми как свое дело. Основа колониального государства – обогащение и потребление. Каждый может обогащаться и потреблять в тех границах, которые сможет защитить в конкурентной борьбе всех против всех. Национальная политика, разбивая имперское единство и уничтожая общую культурную память, зачищает поверхность для создания колониальных государств с

наследственной элитой, управляющей людьми второго сорта, лузерами, предопределенными к Аду, как это показано в главе о Невидимой Церкви.

Русь накануне конца света

Сейчас вернемся к имперским ценностям, и посмотрим, как империя формировалась в России. Впервые имперское самосознание появляется в России в XV в., и в следующем столетии складывается концепция Москвы как Третьего Рима.

В XV веке Русь решает политические задачи: свержение татаро-монгольского ига и создание царства на месте совокупности княжеств, что потребовало и новой концепции царской власти. Татарский хан вплоть до XV века воспринимался на Руси как государь, власть которому дана Богом. Даже в Куликовской битве в 1380 году русские сражались с Мамаем, узурпатором власти в Орде. Мамай воспринимался как правитель одного ранга с князем Дмитрием Донским, который захотел большего, чем ему положено, а не как законный государь. Борьба с законным государем, татарским ханом пришлось на времена Ивана Великого в XV веке.

Все это происходит накануне конца света. Эсхатологические ожидания, то есть ожидание Страшного суда, является одним из важнейших в христианской религии. Именно это представление распрямляет историю, позволяет уйти от цикличности мифологического времени, задает направление развития всего мира в целом.

Конец свет ожидался после шести тысяч лет существования мира, то есть примерно в пятом-шестом веке от Рождества Христова, и соответственно, после семи тысяч лет существования мира, а именно в 1492 году. Русь была включена в этот процесс. Конец света ожидали как реального события, которое свершится в сентябре 1492 года, и в соответствии с этим строили свои планы на жизнь. Когда в 1408 году нужно было составлять новую пасхалию (расчет дат празднования Пасхи на каждый год), ее составили только на 84 года, и не дальше.

Когда ожидаемый конец света не состоялся в 1492 году, дата переносилась еще несколько раз. Делалось это на официальном церковном и государственном уровне, с обоснованием и широкой проповедью. Последняя дата конца света, которую еще провозглашали церковные иерархи, – 1666 год.

К этому времени русская культура пережила уже два века напряженных ожиданий, когда каждый день и каждый год мыслились как последние. К середине XVII века напряжение начинает спадать, и тема маргинализируется. Последняя предсказанная дата пришлась на эпоху церковного раскола, который начался в 1650-е гг. В период раскола и происходит окончательная маргинализация эсхатологических ожиданий: на официальном и государственном уровне больше не рассчитывают даты, не ищут признаков, не ожидают Антихриста. Конец света не наступил, и русская культура проникается мыслью, что ждать его не надо. Несколько веков ожидания и верности закончились, нам остается век маловременный, и человеку должно устраиваться во времени, в этом мире. Но за это время, в течение XV – XVI веков, была выработана концепция Москвы как Третьего Рима.

Где искать вечную Римскую империю?

В Апокалипсисе сказано, что за три года до конца свет Римской империей будет править царь Михаил. Это однозначно указывает читателю, что за три года до конца света Римская империя будет существовать. Наложить эту ситуацию на реальный исторический процесс было непросто, поскольку Рим был захвачен варварами еще в пятом веке, во время первого большого ожидания конца света. Существовал еще Константинополь, основанный первым христианским императором Константином в 330 году. Однако как раз в 1453 году Константинополь был взят турками, второй Рим перестал существовать. Где же теперь искать Римскую империю?

Падение Константинополя в 1453 году осмыслялось на Руси как наказание византийцам за Флорентийскую унию с католиками 1439 года. После этого события Русь осознает себя как последнее православное царство на земле.

Теологическая экспертиза старца Филофея

В 1523 псковскому старцу Филофею поступил запрос от дьяка (госслужащего) Мисюря Мунехина по поводу того, правда ли, что в 1524 году будет конец света, как предсказывают европейские астрологи. В ответе на этот запрос Филофей и сформулировал концепцию Москвы как Третьего Рима.

Филофей ответил, что христиане в астрологию не верят, поскольку не звезды управляют человеком, а Господь. А конец света может наступить только так, как описано в Апокалипсисе, то есть после царствования царя Михаила в римской империи. Поэтому основной вопрос о сроках и возможности конца света сводится к вопросу о том, где сейчас, после падения второго Рима, Константинополя, находится третий Рим.

Концепция Филофея имеет ярко выраженный религиозный, а следовательно, эсхатологический смысл: «яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» – два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать. Эта уверенность объясняется, скорее всего, мистическим значением числа три. Падение первого и второго Рима Филофей рассматривает в также в мистическом и религиозном аспекте: это не утрата политического суверенитета, а отпадение от православия.

Апполинариева ересь в первом Риме – учение о филиокве

Падение первого Рима в историософии Филофея – это отпадение римской церкви в Апполинариеву ересь, то есть появление католичества.

Апполинариева ересь – это учение четвертого века, согласно которому Сын Божий, воплотившись, принял не полное человеческое естество, но только тело и душу, ум же человеческий в Нем заменился умом Божественным, поскольку «где полный человек, там и грех... Если бы Господь принял все естество человека, то, без сомнения, имел бы и человеческие помыслы; в человеческих же помыслах невозможно не быть греху».

Основатель ереси епископ Лаодикийский Аполлинарий был одним из выдающихся богословов своего времени, близким к Афанасию Александрийскому и Василию Великому, ко-

торый в числе первых распознал ересь в его взглядах и потребовал ее осуждения, что и совершилось на нескольких соборах (в том числе и втором Вселенским в Константинополе).

По учению Церкви, Бог во Христе соединился со всем человеком, чтобы всего его спасти, ничто в человеке не может остаться не обожженным – ни тело, ни душа, ни ум.

Учение католиков об исхождении Духа Святого не только от Бога-Отца, но и от Сына (по-латыни *filioque*) воспринимается в православии как реанимация идей Апполинария, принижавшего искупительный подвиг Христа своей христологией и антропологией.

Официальная дата раскола церквей – это 1054 год, год смерти Ярослава Мудрого, однако это только финал длительного периода несогласий и расхождений между православными и западной церковью. Филофей условно относит этот раскол к восьмому веку, потому что в восьмом веке был последний Вселенский собор, на котором были представители от всех христианских церквей Восточной и Западной Римской империи, и даже представители с завоеванных арабами территорий. После этого собора король западной части Римской империи Карл Великий короновался как император в Риме, что в Византии было воспринято как посягательство на престол и узурпация – император должен быть один, и он должен быть в Константинополе.

Флорентийская уния – падение второго Рима

Падение второго Рима в концепции Филофея – это Флорентийская уния 1439 года. Когда Константинополю угрожали турки, иерархи греческой церкви согласились на унию с католиками в обмен на военную помощь от Запада. Несколько лет продолжался собор в Ферраре, а потом во Флоренции, в Италии. Поставленный Константинополем русский митрополит Исидор присутствовал на соборе и подписал унию от имени русской церкви. После возвращения в Москву в 1441 году Исидор был сведен с митрополичьей кафедры по решению русских иереев. В Константинополе уния была формально провозглашена в Святой Софии в декабре 1452 г., а в мае 1453 г. город пал. Когда католики не прислали обещанную армию, и Константинополь все-таки был взят турками, в греческой церкви возобладали антикатолические силы, и

греки вернулись к православию, однако политическая независимость была потеряна.

Флорентийская уния с католиками для Филофея – ключевой момент истории. Именно тогда греки предали свою религию, после чего их политическое крушение было предопределено. Падение Константинополя, второго Рима, произошло в 1453 году, в пятнадцатом веке, ориентировочно еще через семьсот лет после падения первого Рима, что придает историософской концепции Филофея симметричность и наглядность.

Москва – Третий Рим

Итак, первый Рим пал духовно (стены стоят, но православных в нем нет), а второй Рим – политически (вера в результате сохранилась, но под властью турок). В России же во времена Филофея было и православие, и политическая независимость, потому Россия представляет собой Третий Рим, является третьей реализацией идеального Ромейского/Римского царства.

Вечность Римского царства гарантируется тем, что в нем родился сам Христос («вписался в римскую власть», как в те времена трактовали перепись при Августе), а присвоение этого достоинства царству русскому основано на том, что Рюрик происходил от кесаря Августа, а император Константин Мономах прислал свою шапку князю Владимиру того же имени. Это важнейшие точки тогдашней непротиворечивой культурно-исторической системы отсчета, которые позволяют осмыслить политическую реальность как проявление религиозной идеи.

Таким образом, в концепции третьего Рима Россия осознает себя как последнее православное царство на земле. В образе последнего православного царства актуализировался русский культурный архетип святого царства, которое является реализацией правды на земле и объединяет в себе полноту бытия, связь с сферой сакрального, гармоничную иерархию социального устройства. В то же время христианское влияние добавило в этот образ представление о том, что такое царство может быть только одно во всем мире, его существование связано с центральным событием всей мировой истории – Воплощением Христа и началом христианизации человечества, которое ведет к обновлению мира в конце времен. В

рамках византийских представлений, унаследованных Русью, православное царство может быть только одно, и это именно то царство, в котором родился Христос, сделав его навсегда центром истории. Падение Константинополя, наследника Рима, буквально вынудило Русь взять на себя эту роль, которая поначалу не была целью московской политики и не являлась ядром русского политического самосознания. Реальность Воплощения в истории человечества требует существования истинного православного царства, и после древней Римской империи таким царством становится Россия.

Тут уже мы видим все черты цивилизации, и Россия выступает как цивилизационный и политический центр для разных народов. Империя в России основана на принципе соборности и русской системе управления.

Православная и атеистическая соборность в России

Соборность в империи проявляется как духовное единство, сознание сверхзадачи социума. Такое единство вырастает из общей идентичности, которая фиксируется либо религией, либо идеологией.

С XV века, со времен падения Византии, в самосознании русских играл огромную роль образ России как последнего православного царства на земле. Православие было основой цивилизационной идентичности. Имперская элита формировалась из православных, в нее включали вчерашних выкrestов, мусульман, язычников. Если человек принимал православие, все пути в империи были для него открыты. Сверхзадачей, которая оформляет единство социума, выступало сохранение православия.

В XX веке Россия показала способность создавать имперские структуры и на иной основе. В СССР официально православие было под запретом, а его место в структуре социальной жизни заняла коммунистическая идеология. Имперская элита формировалась из коммунистов, и в этот слой включались люди независимо от их происхождения и предыдущих взглядов. Если человек разделяет коммунистические идеи и готов бороться за их реализацию, он допускается во власть. Сверхзадачей такого общества было построение коммунизма.

В настоящее время в России снова воссоздана имперская структура, и возвращается православная основа русской цивилизационной идентичности. Формально церковь отделена

от государства, однако православные нормы проникают в образование, культуру, науку.

Глобус Украины: инвертированная соборность

Аналогичную структуру пытается создать современная Украина. В советские времена ходил анекдот о том, что у русского из любых деталей получается автомат Калашникова. Это отличная иллюстрация происходящего на постсоветской Украине: культурная принадлежность украинцев к русской цивилизации проявляется в их имперской политике. Это неудачная политика, кровавая и проводимая в интересах антирусских и антиукраинских сил, однако украинцы строят свою мини-империю по русским образцам. Украинская идентичность строится на антирусской идеологии. Любой, кто разделяет эту идеологию или как минимум публично ее провозглашает, получает доступ во власть. Поэтому на Украине этническими чистками против русских Донбасса руководят русские, а язык украинского политика – русский, несмотря на все попытки искоренения русского в публичной и образовательной сфере.

В западной культуре, которую так хотят усвоить украинцы, это ситуация невыносимая. Различия между классами и народами консервируются, стены цементируются, доступ в элиту ограничивается. Если человек родился в неправильной семье, учился не в том колледже, то даже миллиарды не позволят ему удержаться у власти, как это случилось с Трампом.

Итак, соборность в русской цивилизации может строиться на разных началах, но инвертированные превращенные формы соборности оказываются недолговечны. Отсутствие выхода на сакральный уровень, как это было в СССР, приводит к неустойчивости системы.

Русская модель управления: два режима

Концепцию русской модели управления разработал Александр Прохоров, кандидат экономических наук, доцент Ярославского государственного университета. Книга «Русская модель управления» была издана в 2002 году, и сразу привлекла внимание научной общественности. К 2020 году вышло шесть изданий этого произведения. Рассмотрим режимы

функционирования русской системы управления, как они изложены в книге А. Прохорова.

Основным двигателем развития автор считает конкуренцию, которая стимулирует людей к выработыванию различных культурных форм, социальных норм и правил поведения на разных уровнях социума. Автор выделяет два режима функционирования русского общества в течение его многовековой истории: кризисных и стабильный. Главным принципом русской модели управления автор считает устранение конкуренции в стабильном режиме функционирования общества и поощрение конкуренции только в кризисном режиме. Это возможно за счет кластерной структуры российского общества.

Кризисный режим управления: мобилизация

Российская система управления работает не с индивидом, а с кластером: семьей, общиной, бригадой, педагогическим коллективом и так далее. В стабильном режиме управления кластер работает для того, чтобы выжить и сэкономить собственные ресурсы. Индивид работает для своего кластера и получает выгоду не индивидуально, а вместе с коллективом. Стандарты поведения и культурные формы задаются кластером, и нарушение их, которое приводит к ухудшению положения всего кластера в целом, карается снизу, другими членами кластерной ячейки. Как показывает А. Прохоров, положение кластера как целого может ухудшиться при повышении доходов или индивидуальном выдвижении одного из членов кластера. Такая ситуация вызывает жесткую реакцию, немедленно включает механизмы социального самосохранения и купируется самыми решительными средствами, как будет показано ниже. Стабильный режим управления сохраняется рядом мер, самой действенной из которых является уравниловка.

В нестабильном режиме управления кластер работает на внешнюю задачу, поставленную обществом или государством. В этот период вводится жесткая конкуренция между кластерами. Цель должна достигаться любыми средствами. Цена проигрыша зачастую жизнь. Ресурсы, сэкономленные в стабильном режиме, используются в полной мере, и поставленные обществом цели достигаются. В нестабильном ре-

жиме кластеры трансформируются или разрушаются. Для человека оказывается возможным выдвинуться и добиться каких-то выгод индивидуально, а не вместе со своей группой. Нестабильная фаза – время невиданных свершений и блестящих карьер, эпоха тридцатилетних генералов и министров.

Нестабильный режим управления А. Прохоров называет еще мобилизационным, потому что в этом режиме не создаются новые ресурсы, а мобилизуются и перераспределяются уже имеющиеся. В этот период культурные формы и нормы социального взаимодействия жестко конкурируют между собой, и побеждает тот стиль жизни, который приносит успех – решение поставленной задачи. Мобилизационный период – время культурного разнообразия. Прохоров показывает, что если в западных странах конкуренция создает новые формы постоянно, то в России это происходит только в мобилизационный период. Победившая в конкуренции культурная или социальная форма становится доминирующей в течение следующего периода стабильности, который наступает после перенапряжения сил общества в фазе мобилизации.

Стабильный режим управления: уравниловка

Автор показывает, что если в западной модели управления рынок ставит задачи перед конкретным индивидом или группой индивидов, объединенных общими интересами, то в русской модели управления задача ставится не перед индивидом, а перед кластером. Задачи могут быть самыми разными – от выживания до успехов в какой-то сфере деятельности. Задачу решает кластер, а не индивид, поэтому конкуренция между индивидами внутри кластера гасится любыми способами, включая самые жесткие. Кластер должен выжить и преуспеть как целое, в этом залог выживания и успеха всех его участников. Вклад индивида в решение поставленной перед кластером задачи зависит от ресурсов, которыми он лично располагает, то есть его умений, здоровья, времени, материальных ценностей. Выгода же, которую получает индивид, от этого не зависит. Кластер должен выживать как целое, поэтому люди своего коллектива, которые по любым причинам работали меньше и хуже, также получают свою долю прибыли, зависящую не от их вклада в общее дело, а от других факторов.

Так, в крестьянских общинах оброк раскладывался на всех. Но если в Европе тот, кто не мог заплатить налог, разорялся и полностью деклассировался, в России община тянула всех своих участников. Платили налог те, кто мог заплатить, причем не только за себя, но и за других. Те, с кого нечего взять, все равно оставались в общине, которая их поддерживала: «с миру по нитке – голому рубашка». Аналогично на заводах в период индустриализации в СССР за счет тех, кто работал и двигал производство, создавались различные системы социального обеспечения, которыми пользовались все члены коллектива: заводская больница, столовая, детские сады и школы, система путевок в санатории. Квартиры получали в первую очередь не те, кто больше работал, а те, кому нужнее, например, многодетные семьи или сироты. Такая уравнительная система распределения дохода является механизмом сохранения социальной структуры в стабильном режиме управления.

Попытки прорвать эту уравнительную систему изнутри приводят к ухудшению положения всего кластера в целом, и в период стабильности жестко караются снизу, самим кластером. Прохоров показывает это на примере работы заводов в советский период. Негласно существует норма переработки, которая обеспечивает стабильную премию бригаде, как правило это 120 – 130%. Бригада может работать и лучше, однако если переработка выше, то через два-три месяца руководство это замечает и снижает расценки, то есть повышает план. За ту же зарплату теперь нужно работать больше. Сотрудник, который перевыполняет план на большой процент, в течение двух-трех месяцев получит гораздо больше остальных в бригаде, однако после этого план повысят, и станет хуже как ему самому, так и всей бригаде. Поэтому за переработками и их размерами строго следит сам коллектив на своем уровне. Может ли руководство не повышать план? Не может, потому что оно ограничено фондом заработной платы, который утверждается заранее, и если все начнут перерабатывать, предприятие не сможет выплачивать деньги, и в той или иной форме будет закрыто. Это значит, что пострадает кластер более высокого уровня – завод, за который и борется руководство. Аналогичная система сдержек и противовесов возникает в русской истории на всех уровнях во все стабильные периоды.

Перевод общества в нестабильный режим управления

В нестабильной фазе управления личная инициатива находит себе поддержку на более высоком уровне, чем все кластеры – на уровне государства. Прохоров приводит в пример стахановское движение и внедрение киновиальных (общезнанийных) монастырей Сергием Радонежским. В обоих случаях государству требовалось мобилизовать ресурс, который до тех пор не был задействован.

В случае Стаханова это был человеческий ресурс, который тратился на выживание кластеров в стабильной фазе. Стахановский почин, поддержанный государством, позволил повысить нормы выработки на всех шахтах и предприятиях, и в короткие сроки провести индустриализацию.

В случае Сергия Радонежского московское правительство использовало ресурсы церкви, которые находились в распоряжении местных князей и бояр, а также шли на рост потребления в самих монастырях келейного типа, где каждый монах жил в своей келье и мог благоустроить свою жизнь на любом уровне, который ему позволяли его доходы в миру. Киновиальные монастыри, как более автономные и самокупаемые за счет слаженного коллективного труда братии, могли существовать в любых неблагоприятных условиях. Почин Сергия Радонежского был поддержан центральной властью. Рост количества киновиальных монастырей позволил вывести ресурсы из-под управления местной знати и мобилизовать их под руководством церковного управления для внутренней колонизации и освоения новых территорий.

Кризисный режим позволяет быстро добиваться больших успехов, однако нагрузка на общество при этом настолько сильна, что постепенно формируются новые кластеры, которые позволяют своим участникам защищаться от мобилизации и утаивать ресурсы. Как показывает А. Прохоров, искусственно перевести структуру в мобилизационный режим очень тяжело, почти невозможно, на любом уровне система будет защищаться. Удержаться же в стабильном состоянии в обществе, которое находится в мобилизационном режиме, также невозможно, потому что в этом режиме утаивание ресурсов и неудачи наказываются быстро и жестоко.

Кризис – время возможностей

Таким образом, как русское общество в целом, так и отдельные его кластеры разного уровня могут функционировать в двух режимах – стабильном и кризисном, он же мобилизационно-перераспределительный. В стабильном режиме инициатива наказуема, и индивид может реализоваться только в рамках коллектива. В мобилизационном режиме инициатива поощряема, и индивид может практиковать любые формы социального взаимодействия, если только они позволяют достичь результата. Нельзя сказать, что русская модель управления подавляет инициативу личности. Напротив, инициатива сохраняется, но в разных режимах проявляется по-разному: в стабильной фазе – в умении уклониться от бессмысленных распоряжений, а в нестабильной – в умении мобилизовать все ресурсы для решения стоящих перед обществом сверхзадач.

Прохоров показывает, что кризисные периоды русской истории – источник инноваций, новых моделей поведения и культурных ценностей. Модели поведения могут как изобретаться самостоятельно, так и заимствоваться извне, и в этом аспекте очень важной представляется зона культурной границы.

Кризисный режим управления в 2014 году в Донбассе

Переход общества в нестабильную фазу управления происходит в период сильного кризиса. Крайним проявлением такого кризиса является война. В 2014 году Донбасс оказался в ситуации войны с Украиной, которая продолжается до сих пор. Эта ситуация запустила механизмы перехода в нестабильную фазу управления.

Весной и летом 2014 года, в период, когда украинская государственность в Донбассе исчезла, а собственная еще не установилась, во многих сферах общественной жизни центральное управление прекратилось. Кластеры должны были выживать, используя собственный ресурс, и они это сделали.

Вчерашние шахтеры, отставные военные, заводские рабочие шли в ополчение, и благодаря своей инициативе выполняли поставленную перед ними самой жизнью военную задачу. Среди таких людей, которые в это переломное время

сделали молниеносную военную карьеру, можно назвать Арсена Павлова (Моторолу), Михаила Товстоногова (Гиви), Алексея Мозгового, Евгения Ищенко.

Не только на фронте, но и в мирной жизни произошел переход в кризисный режим управления. Так, в Луганске службы жизнеобеспечения продолжали работать в 2014 году в условиях постоянных бомбежек, отсутствия электроснабжения, воды и газа. Врачи оперировали при свечах. Водители аварийно-спасательных машин за свой счет заправляли транспорт, чтобы вывозить людей из-под обстрелов и разгребать завалы. Неоднократно в этот период устраивались субботники по расчистке города от разрушений. Летом 2014 года, в период активных обстрелов Луганска со стороны ВСУ, актеры кукольного театра давали бесплатные представления для детей, выступая прямо на улицах. Работники системы образования, библиотекари, сотрудники школ эстетического воспитания Луганска и Луганщины продолжали свою работу с детьми в течение 2014-2015 учебного года, хотя первая зарплата в ЛНР была выдана в мае 2015 года.

Нельзя не отметить ту роль, которую в этот период сыграли казачьи отряды. Казачья культура пограничья имеет ряд особенностей: создание автономных кластерных единиц, военные традиции, патриотическое воспитание детей. Все эти особенности были использованы в кризисный период в Донбассе.

Таким образом, война с Украиной спровоцировала переход республик Донбасса в 2014 году в кризисную фазу управления. В этой фазе имеющиеся ресурсы были мобилизованы и перераспределены на решение задачи выживания общества в условиях военного времени. В тех сферах, где произошел переход к мобилизационной фазе, было сгенерировано множество культурных практик поведения, которые поощряли инициативу в решении сложных нестандартных задач, стоящих перед обществом. В военный период Донбасс проявил себя как культурная граница, существующая на пересечении русской и украинской культур, а также сохранившая элементы казачьей культуры. Сохраненные в стабильный период модели поведения были использованы в кризисный период в маленьких и больших городах Донбасса для мобилизации и перераспределения человеческих и материальных ресурсов.

Почему в России не появилась дуэль?

Русская модель управления и отношение к земле как к ресурсу – достоянию коллектива, а не одного человека, определило ряд цивилизационных особенностей России, включая отношение к дуэли. Европейцы, с которыми общались русские со времен Петра, постоянно дуэлировали. В цикле «Отблески Этерны» дворяне часто дерутся на дуэли. Как же отнеслись к дуэли в России?

В Европе дуэль – это феодализм в действии, феодал с минимальным ресурсом в борьбе за свои права землевладельца и сеньора. Совершенно иное отношение к землевладению сформировалось в России где-то ко времени Ивана Великого. Феодальная вольница, подобная европейской, была и у нас, но принципиальную победу московский принцип землевладения к XV веку уже одержал, а с поражением Новгорода у «феодально-суверенной» позиции не осталось и фактических бастионов.

В России земля давалась помещику для службы царю. Со своей земли и своих доходов помещик должен был снаряжать отряд, которым командовал в бою в случае войны. Первоначально землевладение не было пожизненным – с прекращением службы земля возвращалась казне. Не было оно и наследственным – чтобы земля осталась в семье, сын помещика тоже должен пойти в военную службу на тех же условиях. Ни о каком суверенитете тут не может быть и речи. Землевладение – это не повод и не право вести независимую политику, это возможность и условие служить царю и отечеству, и ценно только в таком качестве.

Соответственно и честь в России понималась иначе, чем в Европе. У нас дворянская (и любая) честь выслуживается, заслуживается. Идея, что можно претендовать на высокий статус, ничего не делая, не умея и не желая делать, у нас так и не прижилась до сих пор.

Дуэль в «Капитанской дочке»: брань на ворота не виснет

Поскольку цикл «Отблески Этерны» начинается как подражание «Трем мушкетерам», дуэли занимают в нем значительное место. Все военные и офицеры время от времени сра-

жаются на дуэлях. В то же время нельзя не заметить совершенно различного отношения к дуэли в западноевропейской и русской культуре. Первое достаточно известно, а на втором остановимся подробнее. Дуэли в России получают некоторое распространение только в XIX веке, когда наше дворянство в достаточной степени вестернизировалось, а в самой Европе дуэли почти отошли в прошлое. Еще в XVIII веке (и раньше) отношение к дуэли было совершенно иным. Дуэлей у нас почти не было.

Петр Первый ни в одном своем начинании не встретил столько покорности, как в запрете дуэлей – офицеры послушно подавали жалобы начальству и удовлетворялись прилюдными извинениями обидевшей стороны.

Екатерининские орлы, Потемкин и братья Орловы, при несомненной личной храбрости провели много лет в гвардии, участвовали в дебошах и драках, в том числе с оружием в руках, но не в дуэлях. Это характерное для России отношение к дуэлям описал Пушкин в «Капитанской дочке»:

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. «А, Петр Андреич! – сказал он, увидя меня, – добро пожаловать! Как это вас бог принес? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что я поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свои единственный глаз. «Вы изволите говорить, – сказал он мне, – что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

– Точно так.

– Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье – и разоидитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своем намерении. «Как вам угодно, –

сказал Иван Игнатьич, – делайте как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся, что за невидальщина, смею спросить? Слава богу, ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, – сказал он. – Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодействие, противное казенному интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...

Итак, в России военные, офицеры, дворяне не видят смысла в дуэли и рассматривают дуэль как простую драку. Молодые офицеры под влиянием моды и проникающих в Россию европейских норм собираются драться на дуэли, но людям старшего возраста невозможно объяснить, чем это отличается от обычной потасовки и ссоры. Служащие, воевавшие, лично храбрые люди считают дуэль противной казенному интересу: когда два офицера затевают драку, это нужно прекратить, и никакой связи с дворянской честью Иван Игнатьич (и командир его Иван Кузмич) здесь не видят.

Армия в России как социальный лифт

В то же время в России XVI – XVIII веков армия представляла собой социальный лифт. За военную службу можно было получить дворянство и поместье.

И в Московской Руси, и в Российской империи уровень социальной мобильности был достаточно высок, несравнимо выше, чем в европейских государствах, где слой аристократии сложился в XI-XII вв., и не менялся до середины XX века. Судьба русского в Московском царстве не была predetermined, он мог изменить свой социальный статус, и в первую очередь это можно было сделать на военной службе.

Так, во времена Московского царства каждый помещик в зависимости от размеров своего поместья должен был приводить на военную службу определенное количество вооруженных людей – дворовых холопов. Они подчинялись ему лично, но если проявляли себя в боевой обстановке, могли стать боевыми холопами, у которых гораздо больше перспективы. Царь Иван Васильевич Грозный три раза массово переводил таких вот боевых холопов в дворяне и верстал поместьями. То

есть вчерашних зависимый человек становится помещиком, получал тот же социальный статус, что и его хозяин.

В Российской империи чины и поместья присваивались согласно Табели о рангах, за военную и гражданскую службу. Русский писатель Карамзин огорчался, что приходится жить в стране, где все зависит от чинов. С русской точки зрения это лучше, чем жить в стране, где все зависит от происхождения, которое человек не в силах изменить.

Русский мир русской цивилизации

В настоящее время русская цивилизация осмысливается как Русский мир. В этой концепции соединяется универсализм и конкретно-русская специфика, и Россия выступает как страна, сохраняющая христианские ценности, но осуществляемые в рамках конкретно-исторической русской культуры.

Основы русской цивилизации – имперская структура и русская модель управления, созданные на основе православной религии. В рамках имперской структуры реализуется сложная иерархия социальных ролей и культурных идентичностей. Империя наряду с традициями создает и пространство для новаций. В нестабильном кризисном режиме управления порождаются новые культурные нормы, приводящие к наилучшей мобилизации ресурсов и выдвигающие на вершину социальной иерархии людей, способных эту мобилизацию обеспечить.

В настоящее время в Русском мире династический принцип, важный в европейской культуре до эпохи модерна, не играет решающей роли. На вершине светской иерархии стоит Родина. Сословное самосознание формируется на основе служения. Индивид имеет ценность как представитель социальной структуры, ориентированной на служение обществу и государству, а не групповым или клановым интересам. Старая власть и старые деньги обнуляются в каждом новом кризисе.

Как культуролог читает «Отблески Этерны»

Итак, первая часть окончена. Мы сделали это! Я написала, а вы прочитали эти длинные три главы. Давайте оглянемся на пройденный нелегкий путь!

В первой части рассмотрены виды межкультурного взаимодействия, включая цивилизационный конфликт, показана

связь цивилизационной принадлежности и культурной идентичности, описаны две цивилизации – западная и русская, и показано, как они взаимодействуют. Здесь также рассмотрены империя и колониальное государство, найдены их общие черты и принципиальные отличия. Для пояснения идей этой части книги проведены три мысленных эксперимента – с вязаной салфеткой, с Мелом Судьбы и мой самый любимый – с удельной Русью. Здесь мы обсуждали цивилизационный фронт, Жоржа Милославского, белокурую бестию, Невидимую Церковь, Римскую республику, империю Карла Великого, глобус Украины, русскую модель управления, соборность, Московскую Русь накануне конца света и множество других интересных вещей, которые сами собой появляются в голове философа, открывающего фэнтезийный роман холодным зимним вечером, укутавшись пледом и с чашечкой чаю в руках.

Теперь, когда мы настроили оптику, можем применить наши знания на деле и разобраться с основным конфликтом «Отблесков Этерны». Вперед, ко второй части!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВНУТРИ «ОТБЛЕСКОВ ЭТЕРНЫ»

КАРТА ВТОРОЙ ЧАСТИ

Как было показано во введении, основной сюжет цикла «Отблески Этерны» – воцарение Самозванца, а основной конфликт, сломавший структуру сериала и расколовший фандом, – это история оруженосца Ричарда Окделла, идеалиста, перешедшего дорогу каждому персонажу книги и превратившегося в антигероя буквально за три тома.

Прежде чем обсуждать поведение персонажей «Отблесков Этерны», рассмотрим мир, в котором они действуют. Это магический мир, и основным конфликтом в нем является борьба со скверной, в которую постепенно втягиваются все герои.

Итак, первая глава этой части посвящена магии и скверне, вторая – Ричарду Окделлу, а третья – талигойцам, с которыми он постоянно конфликтует. Темы второй части рассматриваются в контексте теории культурных идентичностей, цивилизационной принадлежности и конфликта цивилизаций. Здесь мы поднимаемся на метауровень и будем обсуждать не столько поведение героев, сколько системы ценностей персонажей, способы их формирования и функционирования.

Магия Этерны структурирует мир Кэртианы, и в то же время на метауровне текста является примером трансляции культурного архетипа Невидимой Церкви в русскую культурную среду. Давайте посмотрим на это своими глазами!

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МАГИЯ ЭТЕРНЫ

Скверна в Кэртиане

Скверна – одно из проявлений магических сил Этерны в Кэртиане. Для людей, способных ее видеть, скверна визуализируется как зеленая жидкость, растекающаяся по воздуху. Скверна появляется там, где творится какое-то кровавое насилие. Заражение скверной отключает у человека сдерживающие центры и включает агрессию. В результате человек начинает убивать, увеличивая кровавый хаос и провоцируя все новые всплески скверны. Так люди превращаются в зомби, они не могут вернуться в разум и громят все вокруг, пока не будут убиты.

Однако такая судьба постигает не всех. У некоторых людей есть иммунитет к скверне. Все главные герои цикла остаются собой в эпицентре бури, не теряют личности и не превращаются в монстров. Откуда берется этот иммунитет и постоянен ли он? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, как работает магия в Кэртиане.

Магия и/или технология?

Кэртиана является миром магии, причем магии технологической. Магия в Кэртиане именно работает, как сложный механизм, созданный инженером. Помимо технологической составляющей в Кэртиане есть и скверна – в принципе неуправляемая сила, противостоящая человеку.

Действие цикла разворачивается в условном XVII веке, когда просвещенные люди в магию не верят, и поначалу читатель разделяет с персонажами это мнение. Однако постепенно читатель, которому автор дает больше информации, чем каждому отдельному персонажу, начинается догадываться, что нелепые обряды как-то действуют, магические заклятия на что-то влияют, и многие события кэртианской истории имеют магическую подоплеку. В ходе чтения цикла перед читателем вырисовывается картина реального магического мира.

Абвении и Повелители

Согласно легендам, Кэртиана представляет собой мир, созданный четверкой богов-творцов по имени Лит, Унд, Астрап и Анэм. Поскольку они покинули Кэртиану, люди называют их Абвениями (Ушедшими). Вера в абвениев и их магию называется абвениатством.

Потомки Абвениев основали четыре государства:

Надорэа (правители – Повелители Скал, род Лита),

Борраска (правители – Повелители Ветра, род Анэма),

Пенья (правители – Повелители Волн, род Унда),

Марикьяре (правители – Повелители Молний, род Астрапа).

Все четыре царства существовали в рамках Золотой Анаксии, аналогичной древнему Риму на Земле. Столицей анаксии была Гальтара, от которой ко времени «Отблесков» остались лишь развалины. Правителем анаксии был представитель династии Раканов – пятой магической династии, оставленной Ушедшими. Наследник Ракана должен был пройти испытание на Площадке Мечей в Гальтаре, убивавшей того, в ком не было крови Раканов. Так сохранялась магическая династия.

Символами Повелителей являются их стихии, символом же Раканов выступал загадочный зверь – чудовище, способное уничтожить целый город.

Функции Ракана и его роль в системе мироздания Кэртианы становятся понятны только постепенно, в результате настоящего расследования, проводимого внимательным читателем. Свою версию я предложу чуть ниже.

Статус Повелителя и Ракана передается по наследству строго по мужской линии без учета законнорожденности. Поскольку феодальные титулы передаются старшему сыну в законном браке, а не старшему сыну данного Повелителя, это создает загадку в вопросе о том, кто на самом деле является Повелителем.

Четверка и Излом

Надо также отметить, что в связи с абвениатством число четыре играет в культуре всех народов Кэртианы выдающуюся роль. Место христианской Троицы в Кэртиане занимают четыре Абвения. Поэтому четыре, а не три является священным числом. В кэртианском году четыре сезона, в каждом по четыре месяца. Каждые четыреста лет происходит Излом –

смена магического повелителя Круга, чья стихия будет властвовать следующие четыреста лет. События в цикле происходят накануне и в период Излома, когда Круг Скал должен смениться Кругом Ветра.

Эсператизм: чем и ожидаем

Вера в Абвениев и их магию ослабела еще за две тысячи лет до начала событий цикла, вследствие чего появилась новая религия, на этот раз монотеистическая – эсператизм, основанная на ожидании возвращения Создателя в Кэртиану. Эсператизм – аналог католичества на земле. Главная книга эсператизма – эсператия, символом этой религии стала эспера – звезда с семью лучами, глава эсператистской церкви – Эсперадор, а слоган эсператизма – «Чту и ожидаю».

Анакс Эрнани Ракан отверг традиционную для Золотой Анаксии религию абвениатство, принял эсператизм, переименовал государство из Золотой анаксии в Золотую империю и перенес столицу из Гальтары в город Кабитэла.

Политическая карта Кэртианы

Впоследствии Золотая империя распалась на несколько государств. В центре материка находится самое крупное государство Талигойя, где разворачиваются события цикла. Далее ориентировка дается из Талигойи.

На востоке лежит Гайифская империя. Традиционно в цикле ее аналогом считается Византия, поскольку сильная армия Гайифы играет второстепенную роль по сравнению с гайифской дипломатией. На этом поле Гайифе нет равных, и международные интриги много веков остаются сферой деятельности блестящих гайифских дипломатов.

На юге находится Фельп и Бордон (Венеция и Генуя), Ургот, Агария и Алат (Италия и Венгрия).

К северу от Талигойи возникают государства Дриксен и Гаунау (Германия, Нидерланды и Скандинавия этого мира). Германноименные кэртианцы в цикле происходят от двух народов – агмов и варитов, ненавидевших друг друга испокон веков. Произошедшие от агмов – бергеры – сохранили верность талигойской короне, потомки варитов же, в свою очередь, создали враждебные Талигойе государства Дриксен и Гаунау. В этих государствах термины «агм» и «варит» сохраняли силу и на момент

действия сериала. С упадком Талигойи резиденция Эсператора перемещается в южный город Агарис, он же Святой Город (кэртианский Ватикан).

Узурпатор и новая религия

Крайняя слабость последнего короля Талигойи Эрнани Ракана привела к захвату власти узурпатором Франциском Олларом, сумевшим не только стать правителем, но и основать династию, к которой на момент начала цикла принадлежит нынешний король Фердинанд Оллар.

Государство Талигойя было переименовано в Талиг, столица также сменила имя, Кабитэла превратилась в Олларию. Франциск по политическим мотивам порвал с эсператизмом и создал собственную религию – олларрианство (аналог англиканской церкви на Земле).

Франциск оказался сильным правителем, преобразовавшим государственную жизнь не только в сфере религии. Его реформы, подобно реформам Петра Первого, значительно потеснили старую власть – родовую аристократию, и открыли другим слоям населения доступ к должностям и званиям.

В начале действия цикла новое дворянство сравнялось во влиянии со старой аристократией, часть из которой поддерживает Ракана, но основная масса интегрировалась в социальную жизнь Талига и служит династии Олларов.

Наряду с обычными политическими и социальными процессами, в Кэртиане значима и магическая составляющая. Битва на Рубеже и падение Этерны под натиском скверны, забытые талигойцами еще в период Золотой империи, на самом деле определяют как строение их мира, так и его судьбу.

Абвении и терраформирование

В результате обсуждения перипетий кэртианской истории писательница Ольга Валькова сформулировала свою версию появления и действия магии в Кэртиане. В дальнейшем я буду придерживаться этой точки зрения.

Как пишет Ольга Валькова, магия абвениев насквозь технологична. Настолько технологична, что и говорить о ней оказывается удобнее скорее в инженерной терминологии, нежели в магической, тем более – мистической. Мистики в цикле совсем нет, а есть совершенно механистическая повто-

ряемость. Ничего личностного, при одинаковом воздействии – всегда одинаковый результат. В одном из приложений, составленных автором, говорилось даже о том, что сама планетная система, в которую входит Кэртиана, носит признаки искусственного происхождения. Но поскольку в теле книг указаний на это нет, будем говорить только о Кэртиане.

Мы знаем, что у Кэртианы было четыре создателя (или четыре группы под руководством тех, чей облик и характеры в какой-то мере сохранились в памяти). Мы не знаем, идет ли речь о буквальном создании планеты или о терраформировании уже имеющейся. Ольга предполагает второе. Группы терраформаторов сформированы по объекту и способу воздействия: твердые породы, вода, атмосфера, электромагнетизм, поэтому естественно думать, что к моменту появления на планете именно таких специалистов все перечисленное уже имелось там в наличии. Может, до них были другие группы.

Гальтара – база инопланетных технологий

Терраформаторы не голыми руками магию творили, они, как положено, завезли оборудование. Основная база – Гальтара, но, как мы знаем, были и вспомогательные. Когда специалисты сделали, что запланировано, и протестировали результаты, пришло время сворачиваться. Вопрос с оборудованием решался точно так же, как в большинстве земных экспедиций: смысла тащить его обратно нет никакого, проще и дешевле бросить на месте.

Оборудование мощное, высокотехнологичное. С одной стороны, оставлять к нему открытый доступ никак нельзя, местные дров наломают при своем-то уровне развития, активности и неумном любопытстве; с другой – просто заблокировать намертво как-то жалко и обидно, местным со временем может очень даже пригодиться. Абвении приняли компромиссное решение: обеспечить на будущее возможность доступа, но всячески защитить от дурака.

Генетический код доступа

Скорее всего, основные ключи доступа с самого начала были замкнуты на генетический код руководителей групп, чем и определен подход. Но нельзя исключить и версию,

что будущие Повелители вообще Абвениям были не родственники: просто выбрали из местных наиболее подходящих и зашили ключи в их генетический код.

В любом случае, были ли «наследники» получены естественным путем или искусственным, вообще без генной инженерии обойтись не могло: генетический признак, игравший роль код-ключа, должен был иметь определенные свойства, которых в природе не бывает. Он должен был быть идеально устойчивым, чтобы весь кусочек ДНК передавался от поколения к поколению без искажений. Он должен был передаваться строго по мужской линии, женщины не наследуют и не передают – чтобы избежать появления неучтенных носителей, с учетом социальной структуры местного общества. И наконец, признак должен был наследоваться и проявляться в ста случаях из ста – что возможно при высочайшем уровне развития генетики.

Но поскольку в каждом поколении могло быть несколько носителей признака, помимо генетического ключа для доступа к оборудованию был предусмотрен материальный – просто ключик. Это зафиксировано в формуле «имеет значение только кровь и первородство». Кровь – понятно, а первородство может объясняться тем, что владельцем материального ключа был старший в роду. Можно предположить, что этим ключом был знак повелителя, который они носили на шее.

Проблема контроля: Зверь-Ракан

Это обеспечивало устойчивость доступа, но был еще вопрос контроля. Решение было стандартным, какое применяется во всех земных острых технологиях (да что там острых! на кассе супермаркета невозможно списать ошибочно пробитый товар без участия администратора с ключиком) – принцип двойного ключа. Вот таким администратором с ключиком и должны были стать Раканы.

В генетическом коде Раканов присутствовали (вероятно – в урезанном виде, чтобы Раканы не могли воспользоваться доступом к технологиям самостоятельно) генетические ключи всех четырех родов (гальтарский генный анализатор – Площадка Мечей – это фиксирует). Тут уже о естественном происхождении говорить не приходится даже предположительно. Учитывая то, что по женской линии признак не наследуется (что подтверждается показаниями все той же Пло-

щадки Мечей) и не передается, получить Раканов естественным путем было невозможно. Они – целиком и полностью искусственные люди, продукт генной инженерии, чудовища Франкенштейна. Зверь Раканов – это пиктограмма, символическое изображение того, что представляют собой сами Раканы. Части четырех символических зверей, насильственно сшитые в единый организм. Сам Ракан и есть Зверь.

Раканам предоставлялось право второго ключа и для обеспечения деятельности – самостоятельный и единоличный доступ к некоторым элементам технологии через привязанные к их коду гаджеты: меч, жезл и другие реликвии. В частности, включить генный анализатор, как мы помним, мог только Ракан, управляя жезлом. По-видимому, на Раканов возлагалась и функция аварийного отключения оборудования в случае форс-мажора, что и было проделано при гальтарской катастрофе.

Утрата контроля и эсператизм

Реальный контроль был утрачен уже при последнем гальтарском императоре Эрнани Святом: он был инвалидом и вряд ли мог иметь детей. Раканы, чтобы сохранить власть, не могли в этом открыто признаться, но и жить на пороховой бочке, какую представляла собой оставшаяся без контроля и возможности аварийного отключения база, тоже было невозможно. Эрнани ухватился за удачно подвернувшуюся новую религию, проклял веру в Абвениев, принял эсператизм, бросил Гальтару и спешно основал новую столицу.

Можно предположить, что Чезаре Марикьяре после того, как спустился в подземелья Гальтары в поисках друга, резко подался в эсператизм и стал святым Адрианом, потому что все, что он там увидел, – это длинные ряды пыльных кожухов и технических секций.

С момента введения эсператизма технологии Абвениев не использовались даже в том урезанном виде, в каком они применялись раньше, Раканы уже были не Раканы, развивался обычный феодализм.

Номенклатура кэртианской магии

Итак, во время событий, описанных в цикле, в Кэртиане действуют магические силы, природы которых жители не знают и управлять ими не умеют. Даже люди, имеющие доступ к магическим артефактам, управляют ими неосознанно,

в результате случайных совпадений разных факторов, и получают неожиданные незапланированные результаты. Известно, что магические силы как-то связаны с Повелителями – главами четырех феодальных домов, и с Раканом. Какие-то обрывки знаний о древних технологиях сохранились в поверьях разных народов Кэртианы. В цикле особое внимание уделяется преданиям и магическим практикам гоганов, алатов, бакранов и бергерров.

Наряду с Повелителями в Кэртиане живут и действуют другие магические сущности. В этом мире существуют феи соответствующих стихий, которые должны подчиняться Повелителям, но поскольку Повелители ими уже много веков не интересуются, они живут сами по себе. В стихии ветра действуют хексбергские кэцхен, в стихии воды и огня – феи, живущие в Алате, Агарисе и Талиге. Хотя Повелители утратили контроль над этими существами, они все еще привязаны к Повелителям, и немедленно активизируются, если Повелителю что-то угрожает. Так, они вмешиваются в сюжет и таинственным образом спасают некоторых персонажей, позволяя читателю предположить, кто на самом деле является Повелителем.

Кроме того, в Кэртиане существуют выходцы, они же живые мертвецы, их Королева и Пегая кобыла.

Повелители – щит против Скверны

На этом фоне в Кэртиане действует скверна. Скверна и ее носители раттоны выступают как сила, противостоящая всему живому в Кэртиане. Она существует вне мира и способна погубить Кэртиану как таковую. Постепенное развитие действия в цикле показывает, что магия абвениев способна противостоять скверне. Скверну чувствуют Повелители, сила скверны уменьшается возле гальтарских храмов. Скверна выступает как изначальная темная сила, стремящаяся разрушить все живое, а Абвении оказываются теми, кто смог ее обуздать. Скверна и раттоны – проявления Чужого, с которым боролись Абвении на Рубеже. В цикле показан мир, в котором битва на космическом рубеже проиграна, скверна распространяется по планетам Ожерелья, и Ожерелье теряет миры. Щитом Кэртианы против скверны являются Повелители.

Каждый Излом, когда происходит смена магического Повелителя Круга, Кэртиана на некоторое время остается без

магической защиты. В этот период любое кровопролитие или военные действия могут спровоцировать всплеск скверны и уничтожение всего живого в неконтролируемых приступах ярости. Поэтому у бергеров есть поверье, что нельзя воевать в Излом, и даже просвещенные современные бергеры стараются его соблюдать. По-видимому, в гальтарские времена Повелители использовали свою силу, чтобы сами стихии прекратили войну, если она все же начиналась. В настоящее время, когда контроль над магией осуществляется Повелителями случайно и бессознательно, военные действия тоже останавливаются стихийными бедствиями – штормом в Хексберг, землетрясением в Гаунау, смерчем на Мельниковом лугу. Предположения о том, кто из персонажей является Повелителем и как он смог вызывать такое буйство стихий – обширное поле для литературной деятельности фандома.

Невидимая Церковь в Кэртиане

Образ Невидимой Церкви распознается в художественном описании действия скверны в Кэртиане. Распространяясь по разным планетам, скверна вырывает миры из Ожерелья. Действие скверны в Кэртиане показано в цикле, и становится понятно, что заражаются не все люди. Некоторые могут противостоять скверне в самом сердце шторма. В этом аспекте очень интересен вопрос, постоянный ли этот иммунитет.

Если иммунитет к скверне постоянный, непонятно, как Ожерелье теряет миры. Зараженные скверной бесноватые превращаются в зомби, не заботятся о себе, не могут воспроизводить себя, их гибель – вопрос времени. После этого на планете останется пусть немного людей, но все они гарантированно не заразятся. Планета остается в Ожерелье.

Кроме того, откуда берутся люди с постоянным иммунитетом, не имеющие неморальных импульсов, не поддающиеся никаким искушениям даже в мыслях? Если такой род людей реально существует, это означает что все люди делятся на две категории, переход между которыми невозможен, – устойчивые к скверне и неустойчивые к скверне. Поскольку показано, что скверна пробуждает животную агрессию, отключает разум и мораль захваченного, люди этих категорий оказываются разной природы – одни изначально добрые, которых не затрагивает зло, и другие – рожденные злыми, которых ничем не исправить. Пе-

реход между группами невозможен. В нашем земном мире неоднократно создавались подобные концепции о двух родах людей (нацизм, расизм, социал-дарвинизм), однако на Земле нет маркера, по которому можно отличить одну породу от другой. В Кэртиане же такой маркер есть – это иммунитет к скверне.

Если же этого врожденного маркера не существует, то плохой поступок – это всегда свободный выбор. Даже самый закоренелый негодяй может в любой момент раскаяться и пойти путем добра. У каждого человека случаются такие моменты искушения, когда он внутренне готов сделать что-то нехорошее. Обычно такие желания блокируются – совестью, мыслью об общественном порицании, страхом наказания, самоуважением и так далее. Даже если человек все же совершил такой поступок, он всегда может передумать и раскаяться (как это случилось с одним из центральных персонажей эпопеи Робером Эпинэ).

Заражение скверной фиксирует момент морального падения навсегда. Человек еще ничего не сделал, он только подумал и захотел, и скверна мгновенно отключает все способы блокирования и подавления такого желания, и делает невозможным раскаяние, отказ от этого желания. Этот случайный момент слабости продлевается навечно и человек заключается в нем навсегда.

В таком случае иммунитет к скверне, конечно, не постоянный. Каждая новая вспышка скверны захватывает новых, прежде не зараженных людей и постепенно гибнет все население. Один-два святых, в которых верил даже Смердяков, восстановить человечество из руин уже не в состоянии. В этом случае перебить потенциально неустойчивых к скверне невозможно, потому что все люди к ней одинаково неустойчивы. Каким образом на самом деле устроен мир Кэртианы – это вопрос, до конца не проясненный в цикле.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РИЧАРД ОКДЕЛЛ, ГЕРЦОГ И КАТАСТРОФА

Неудача автора или портрет культуры?

Как было показано во вступлении, в цикле «Отблески Этерны» главным является сюжет о воцарении Самозванца, которое происходит в период Излома. Военные и гражданские неурядицы усиливаются магией. На этом фоне действуют основные персонажи цикла. Одним из центральных персонажей является герцог Ричард Окделл, главный герой первых трех книг и важный герой последующих частей цикла. Поэтому раскол в фандоме произошел по поводу Ричарда Окделла, и истинное место Ричарда в сюжете становится понятно только постепенно.

Для Ричарда Окделла первое место в иерархии занимает ощущение избранности и интересы замкнутой на крови касты эориев, принадлежность к которым формирует у него чувство элитарности. Многие читатели считают такую систему ценностей внутренне противоречивой, невозможной у человека европейской культуры XVII – XVIII века, а создание такого персонажа – неудачей автора.

Постараемся показать, что на самом деле существует мировоззрение, не позволяющее связывать своего носителя словом чести, игнорирующее патриотизм, а достоинства окружающих толкующее как доказательство их низшего онтологического статуса и индальгенцию на любое их использование в своих целях. Такое мировоззрение не являлось нормой ни в европейских королевствах, ни в российской империи. Оно маркирует другую цивилизационную идентичность носителя. Проследим за его проявлениями.

Герцог Окделл, Повелитель Скал, эорий и оруженосец

Ричард Окделл – эорий, наследник древнего рода Повелителей Скал, потомков Лита. Родовые земли Окделла – Надор на северо-востоке Талига. Жители этой провинции в цикле носят английские имена.

В начале цикла Ричарду 17 лет. Его отец герцог Эгмонт Окделл поднял антиправительственный мятеж в пользу Раканов, и был убит кэналлийским герцогом Рокэ Алвой, командующим королевской армии, в ходе победоносной кампании уничтожившей войско мятежников.

Ричард – эсператист, в магию Повелителей он не верит, но чувствителен к магическому воздействию. Ричард воспитан в оппозиции к правящей династии, считая, как и его отец, что законный правитель Талига – потомок изгнанной династии Раканов Альдо. Себя Ричард воспринимает как эория, представителя древнего рода, стоящего выше окружающих по праву рождения.

В Талиге, в отличие от Талигойи, эории не имеют исключительного положения. Король Франциск Оллар и его наследники строили светское государство и меритократию, где каждому дается шанс и каждый получает по заслугам. Сын мятежника оканчивает государственную школу оруженосцев Лаик, и в День Святого Фабиана (день окончания школы) его берет в оруженосцы Рокэ Алва, Повелитель Ветра, герцог Кэналлоа, убийца его отца. Несмотря на колебания, Ричард принимает предложение и приносит присягу. Благодаря этому герцог Окделл может легально строить карьеру военного в царствование Олларов. Однако воспользоваться этой возможностью у Ричарда не получилось.

Оказываясь в эпицентре интриг и приключений, Ричард раз за разом принимает неверные решения и вовлекается в конфликт со всеми персонажами. Необычность ситуации усиливается тем, что Ричард – репортер, и читатель знает его мотивы. Мотивы Окделла никогда не являются сугубо эгоистичными, он действует из рыцарских побуждений и соображений чести. Однако представления Ричарда о чести настолько отличаются от принятых в талигойском обществе, что герцог постоянно провоцирует недопонимания и столкновения, раскручивая и усиливая противостояние, вплоть до того, что после слома структуры цикла становится главным антигероем эпопеи.

Ричард Окделл и его преступления

Появившись в «Отблесках Этерны» как первый репортер и главный положительный герой, Ричард Окделл по ходу развития сюжета совершает поступки, которые ломают образ благородного молодого дворянина и постепенно превращают

его в антигероя. Самые главные из этих поступков следующие: отравление Алвы, служба Ракану, нарушение присяги Алве и королю Фердинанду Оллару, суд над Алвой, ответственность за катастрофу в Доре, убийство королевы.

Наряду с этим Ричард свысока относится к окружающим, совершенно не умеет налаживать социальные связи, считать эмоции и разгадывать мотивы других людей. В этом плане надорский Повелитель Скал уступает даже Шелдону Куперу, которому помогает мощный интеллект и твердое следование самоинструкциям. Ричарду не помогает ничего. Он постоянно ошибается по поводу чужих эмоций, строит иллюзии на счет окружающих, мимоходом разрушает судьбы, считая себя в то же время достойным и благородным Человеком Чести. Эта своеобразная эмоциональная глухота наряду с неблагоприятными поступками и будет рассмотрена ниже.

Фиаско оруженосца

Первое крупное преступление Окделла в каноне – отравление герцога Алвы. Отравление Алвы – это попытка убийства Первого Маршала, которую предпринял оруженосец Окделл по наущению кансильера Штанцлера, готовящего реставрацию Раканов и стремящегося устранить лучшего полководца Олларов, чтобы свергнуть династию. Штанцлер сумел подбить Ричарда на убийство, мотивируя это необходимостью защиты королевы Катарины, которую собирался уничтожить кардинал Сильвестр с помощью своего сторонника Алвы. Якобы влюбленная в Ричарда королева через Штанцлера попросила его о помощи, и юноша пошел ради дамы на этот нелюбезный поступок.

Пойдя на убийство, Ричард нарушил свою присягу, которую как оруженосец дал Рокэ Алве в Фабианов день выпуска из Лаик. Один из камней преткновения в фандоме – обязывала ли его к чему-то присяга, данная еретика (Ричард – эсператист, Алва – олларианец), врагу семьи и дела Раканов или он имел моральное право не обращать на это внимания?

Кроме того, на момент совершения покушения на Алву Талиг находится в состоянии перманентного военного конфликта на северном и южном фронте, с Дриксен и Гайифой. Только что завершилась война в Варасте, результаты которой шатки, и ослабление талигойской армии спровоцирует новую

войну. Убийство Первого Маршала будет воспринято противниками как сигнал к действию. Ричард знает это, но для него это не имеет значения.

Покушение не удалось, но не по вине Окделла. Морально он готов был на убийство своего господина и нашел ему оправдания. Интересно, что совершенно аналогичный сюжет встречается в классической русской литературе, в романе современника Пушкина Николай Загоскина «Аскольдова могила».

Родина в «Аскольдовой могиле»

«Аскольдова могила», повесть из времен Владимира Великого, была написана в 1833 году. Главный герой повести Всеслав – телохранитель князя Владимира Красно Солнышко. Коварный и злобный гений подбивает Всеслава убить своего господина. Всеслав сирота, которого Владимир воспитывает с детства. Он один из лучших и любимых витязей Владимира и видел от князя только добро. Всеслав – законный наследник предыдущей династии, свергнутой предком Владимира.

Итак, общие черты налицо. Молодого человека убеждают нарушить его присягу и убить личного врага, который в то же время является полководцем, сдерживающим натиск иноплемеников на страну. Посмотрим, как раскрыта тема в классическом русском произведении.

Ниже приводится отрывок из книги, разговор коварного подстрекателя и его бывшего друга Алексея. Алексей бывалый воин, потому о военном аспекте подумал сразу. Как же оценивает русский витязь торжество династического принципа?

«– Итак, сбылись мои опасения, – вскричал незнакомый, – ты обольстил этого неопытного юношу! О, да будут прокляты медоточивые уста твои, коварный старик!.. Как, правнук Аскольда не отомстит за смерть своего прадеда?.. Он отречется от своего наследия, не воссядет на отеческом столе своем?..

– Нет, – прервал Алексей, – Всеслав не посрамит святое имя христианина: он не будет убийцею второго отца своего и не предаст на расхищение и гибель родной страны, для того, чтоб утолить жажду крови, которая пожирает внутренность твою, зверь плотоядный!

– Старик, – вскричал незнакомый, бледнее от бешенства, – берегись пробудить во мне эту жажду крови! Еще одно слово!..

– Так слушай же! – сказал Алексей твердым голосом. – Ты можешь умертвить меня; но пока сердце бьется в груди христианина, пока смерть не наложила еще вечной немоты на уста его, – он не перестанет возвещать истину и обличать порок. Служитель алтарей, я не обнажу меча на пролитие крови человеческой, но вот поле битвы, на котором, сильный верою в Господа, я посмеваюсь угрозам буйных и стану смело против тебя, надменный сын погибели! Чего желаешь ты? Низвергнуть Владимира, открыть свободный путь врагам в сердце России? Наводнить бесчисленными полчищами печенегов мирные поля наши? Уступить косогам богатую область Тмутараканскую и, устлая родную землю трупами несчастных киевлян, возвести этим кровавым путем на царство безвестного юношу?..

– Который будет вторым отцом своего народа, – прервал незнакомый.

– Нет, – продолжал Алексей, – не кормилец тот земли русской, кто предает ее во власть врагов! Владыка силен любовью своих подданных, и горе им, если он должен прибегать под защиту иноплеменных. Только тогда блаженствует страна, когда царь и народ, как душа и тело, нераздельны меж собою. И неужели ты думаешь, что призванные тобою печенеги, истребив войско Владимира, удовольствуются временною данью и удалятся спокойно от пределов наших? О, нет! Ты знаешь сам, что эти хищные звери покроют пеплом всю землю Русскую, уведут в неволю жен и детей наших, запрудят широкий Днепр трупами беззащитных поселян и до тех пор не покинут Киева, пока развалины его не порастут травой. Несчастный, иль не довольно еще ты собрал проклятий на главу свою? Ты некогда любил отечество, ты с гордостью называл себя русским! Подумай, что готовишь ты для своей родины?.. Если печенеги не разорят до конца Киева, то пощадят ли его соседние народы? Не слетятся ли над его трупом, как алчные коршуны, ятвяги, радимичи, литва и хорваты? Ответь мне: спасет ли тогда неопытный юноша от рабства и вечной гибели растерзанное врагами, смутами и междоусобием злосчастное царство Русское?

Как уличенный в преступлении злодей стоит с поникшею головою перед своим неподкупным судилищем, так, мрач-

ный и безмолвный, стоял незнакомый против Алексея. Подавленный истиною слов его, он не смел поднять взоров и остановить их на величественном и спокойном челе этого верного слуги Божия».

Итак, мысль о том, что после убийства Владимира побежденные им племена набросятся на Русь, появляется у Всеслава не сразу, но именно она помогает ему принять окончательное решение и отказаться от мести. Всеслав отказывается от своего законного права на трон, забывая месть ради страны и народа, а Ричард соглашается ради торжества дела Раканов.

Поступок Ричарда близок европейской системе ценностей – он пошел на убийство ради спасения своей возлюбленной и восстановления династии Раканов. Династический принцип важен для Ричарда, но совершенно не важен для Алексея и Всеслава у Загоскина. Ради Родины, а не ради династии сражаются другие персонажи цикла – Лионель Савиньяк, Марсель Валме и даже королева Катарина. Родина в системе ценностей Окделла не занимает первого места, для других же персонажей цикла Талиг строит на вершине иерархии. Это несовпадение приоритетов – одна из причин того, почему Окделл оказывается в эпицентре конфликтов, общаясь со своими соотечественниками.

Надор и Талиг: родина малая и большая

Отношение к Родине является ярко выраженной зоной конфликта между персонажами, поэтому рассмотрим патриотизм Окделла подробнее. Начнем с Надора и коснемся его отношения к Талигу.

Оказавшись в столице одним из первых лиц при новом режиме, Ричард ничего не делает для своего родного герцогства, разоренного в предыдущее царствование после восстания Эгмонта Окделла. В своей деятельности в столице Ричард не опирается на надорскую аристократию и простых надорцев. Он мечтает о превращении герцогства Надор в королевство, где он будет править как истинный зорий по крови, но реально существующее сейчас герцогство его не интересует.

Привязанность Ричарда к родному Надору существует только и исключительно как нечто значимое для него его личной истории, и не более того. Для Ричарда Надор не его герцогство, где он за всех отвечает, а место, где он рос, где кра-

сивые виды, где удобно пуститься вскачь на лошади... Для современного горожанина так воспринимается парк, где он гулял, кафе, где он ел мороженое в школьные годы и прочие места такого рода – они ценны для индивидуальной памяти, потому что с человеком там что-то произошло, он там что-то вспоминает, они важны для его личностного развития. То есть в центре этой «любви» не предмет любви, а сам наблюдатель, его непосредственные впечатления, ощущения, воспоминания.

Таково же отношение Ричарда к столице Оллари и Талигу в целом. Для него значима столица, но только как место его личной памяти, а все остальные территории остаются вне поля зрения и важны только как способ утверждения власти зориев и нового порядка. Ради удержания власти новый король заключает договоры с врагами Талига, объявив изменческими те талигойские армии, которые держат фронт, но не присягнули на верность Ракану. Эти действия не вызывают у Ричарда никакого возмущения, он не видит в них пространства для возможного конфликта.

Итак, родину Ричард воспринимает как ресурс для установления власти Раканов и упрочения собственного положения зория, либо как место личных воспоминаний.

Лирическое отступление о Лермонтове

Парадоксальным образом свойственный Ричарду Окделлу взгляд на мир нашел выражение в стихотворении «Родина» русского поэта Михаил Лермонтова:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.*

*Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,*

*Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

В стихотворении в явном виде проведена найденная редукция к личным впечатлениям. Поэт отсекает все смысловое наполнение и оставляет только непосредственные впечатления – дымок, дрожащие огни, желтая нива, говор мужичков.... Чтобы любить за это, не надо думать и вспоминать – надо просто ощущать и ничего больше.

Это стихотворение показывает, что если для европейца русская душа загадка, то для нас в европейской душе ничего загадочного нет. Мы хорошо понимаем это мировоззрение, но не только его. Лермонтов все-таки видит те смысловые слои, от которых отказывается его лирический герой – и слава, купленная кровью, и полный гордого доверия покой в его сознании присутствуют, и он понимает, что отбрасывать эти вещи странно. А Ричард даже не понимает, что тут есть что отбрасывать.

Таким образом, ни Надор как малая родина, ни Талиг как родина большая не занимают в системе ценностей Ричарда сколько-нибудь заметного места.

Эорий между королем и самозванцем

Вернемся к сюжету, где показано торжество династического принципа в мировоззрении герцога Окделла.

Раскрыв участие Ричарда в покушении, Алва никак не наказывает его, а отправляет за границу Талига, в Агарис. В Агарисе в этот момент проживает Альдо Ракан, который уси-

ленно готовит свое возвращение. Ричард участвует в реставрации Раканов и без колебаний начинает служить новому королю Альдо Первому, получая высокие должности при новом режиме. Окделл считает, что присяга Фердинанду Оллару, которую Ричард давал как офицер армии Талига, ни к чему его не обязывает, поскольку появился истинный король Ракан.

Чтобы спасти короля Фердинанда от казни, Алва сдается Ракану и оказывается в тюрьме. Ричард поселяется в доме своего бывшего господина и даже принимает участие в суде над ним, выступая в качестве свидетеля и судьи как один из зориев.

Ричард Окделл и его присяги

Важной ценностью сословного общества является рыцарская и дворянская честь, верность слову и присяге.

Решившись отравить Алву и выступив против него на суде, с формальной стороны Ричард нарушил присягу оруженосца. Обязывает ли Окделла к чему-то присяга оруженосца? Несомненно обязывает. Если человек в обмен на присягу получает какие-то реальные привилегии, это уже показывает, что присяга не простая формальность и к ней относятся серьезно. В данном случае Ричард смог в принципе попасть в дом Алвы только после принесения присяги. Это значит, что вторая сторона свои обязательства выполнила, в то время как Ричард свои не выполнил. Имевшие в истории место разрешения духовных властей от клятвы, данной иноверцу, только ярче демонстрируют, что обязательства и в таком случае были обоюдными, то есть совесть у нарушителя не была спокойна.

То же самое относится и к присяге Оллару, которую Ричард, офицер талигойской армии, нарушил, перейдя на сторону Ракан. Эта присяга дала Ричарду доступ в привилегированное военное сословие, что вовсе не пустяк. Единственное достойное решение в таком случае не присягать или держать слово. Если понимание этих вопросов как-то варьируется у разных сословий, то у аристократов скорее более трепетное отношение к таким вещам.

Английские дворяне держат слово

В подобной ситуации оказались дворяне-католики в Англии в XVI веке после появления протестантской англиканской церкви. Чтобы получить доступ к должностям в армии

или гражданской жизни, дворянин должен был принести присягу на верность английскому монарху, который является и главой англиканской церкви. Для католика это значит отступить от веры – признать главой церкви кого-то кроме папы Римского. Английские католики не давали присяги и искали другие способы подтверждения своей дворянской и рыцарской идентичности.

Верность дворянина своему слову в частной жизни описывает Вальтер Скотт в романе «Приключения Найджела», где описываются события начала XVII века:

«– Уйми слезы, – сказал король, – успокойся, любезный, успокойся. Совет, и наш сынок Чарлз, и Стини могут убраться ко всем чертям. Твой сын не женится на ней, если тебя это так огорчает.

– Нет, он женится на ней, клянусь богом! – произнес граф, выпрямляясь, смахивая слезы и пытаясь обрести хладнокровие. – Прошу прощения у вашего величества, но он женится на ней и возьмет в приданое ее позор, если даже она самая отъявленная распутница во всей Испании. Если он дал слово, то сдержит его, хотя б он дал его презреннейшей из уличных тварей. Он сдержит слово, или мой кинжал отнимет у него жизнь, которую я ему дал. Если он мог унизиться до столь гнусного обмана, то пусть он даже обманул само бесстыдство, он женится на бесстыдстве».

Как мы видим, клятва связывает и обязывает, даже если это клятва недостойному в моральном отношении человеку, который ниже по положению. Тем более клятва связывает дворянина на государственной службе.

Для Ричарда Окделла это не так – присягу Алве и Фердинанду он не соблюдает. Однако в то же время присягу Ракану Ричард соблюдает по мере своих сил честно и не жалея жизни. Такое различие не может объясняться эгоизмом: Окделл – репортер, читатель знает его мысли, и знает, что Ричард поступает так ради идеалов Великой Талигойи, о которых еще будет сказано ниже.

В армии короля Фердинанда

Ричард Окделл успел принять участие в военном походе как оруженосец герцога Алвы. Варастийская кампания развернулась на границе Талига и Кагеты, в тревожном военном

пограничье, где благодаря стратегическим и тактическим талантам герцога Алвы было сорвано отторжение Варасты в пользу Кагеты при поддержке Гайифы и очередная попытка реставрации Раканов. Ричард, в лучших традициях рыцарских романов, хочет совершить военные подвиги и прославиться на поле брани, однако не находит реальных способов сделать это, взаимодействуя с окружающими.

В пограничной войне герцог Алва действует быстро и решительно, находя неиспользованные человеческие ресурсы, поощряя инициативу и вознаграждая правильные действия продвижением по социальной лестнице. Пограничники-адунаны Коннер и Шеманталь, знающие обстановку и успешно действующие по ситуации, становятся полковниками, получая доступ к должностям, доступным в европейской армии только для титулованных аристократов. Ричард не считает эту ситуацию нормальной и никак не может наладить отношения с сослуживцами, выдвинувшимися из низов.

Для победы в противостоянии с Кагетой герцог Алва поддерживает в Варасте, на нейтральной территории, создание государства бакранов. Дикари бакраны при поддержке Алвы и стоящего за ним Талига провозглашают государство Бакрию, официально выступившую против Кагеты и заключившую с ней новые договоренности, что невозможно для Талига по дипломатическим причинам. Союзники-бакраны вызывают у Ричарда постоянное недоумение и брезгливое отторжение, никакого внутреннего включения в эту ситуацию не происходит.

Итак, Алва действует согласно русской модели управления, мобилизуя ресурсы там, где их никто не ожидает найти, поощряя инициативу материальными ценностями и повышением в социальной иерархии. Окделл же остается при своем чувстве исключительности и страдает при соприкосновении с суровой реальностью. В фандоме существует мнение, что причина этого – сословное самосознание Ричарда как герцога.

Князь Андрей и герцог Алва

В такой богатой литературе как русская существуют произведения, где показано поведение аристократов, имеющих сословное самосознание, однако их жизненные стратегии противоположны парадигме Окделла и приводят к противоположным результатам. Продемонстрируем это на примере романа «Война и мир» Льва Толстого.

В романе русского классика князь Андрей Болконский думает о своей военной карьере в десять раз больше Ричарда, но не оставляет впечатления такого непобедимого эгоцентризма. Николай Ростов имеет много общих черт с Ричардом: отважен, привязчив, не очень умен. При этом ему не требуется прикладывать моральные и интеллектуальные сверхусилия, чтобы по-дружески общаться с подчиненными и называть по имени рядовых своего полка. Ричард же, хотя и убедился в смелости адуанов в Варасте, но не избавился от своего высокомерия по отношению к сослуживцам.

Некоторые считают, что Ростов обычный московский дворянин, никто по сравнению с герцогом. Однако князь Андрей Болконский точно принадлежит к высшей аристократии Российской империи. Но с учетом разницы темпераментов он ведет себя не как Окделл, а как Алва. Если хочешь, чтобы Алва тебя похвалил, стань бакранским дикарем. Князь Андрей тоже бережет все свое высокомерие только для равных по статусу. Чтобы вызвать его искренне презрение, надо быть дворянином, а не простолюдином.

Итак, отношения между сослуживцами в романах русское. Принадлежность к европейской аристократии дается только рождением, и никакое поведение не может этого изменить. Принадлежность к русской аристократии дается еще и военной службой, поэтому российские и талигойские аристократы без ревности относятся к выслужившимся из рядовых. Самоидентификация Ричарда как зорья слишком сильна, и переступить через это чувство он не может, постоянно ощущая себя в армии как в чужой среде.

Еще один сын преступного отца

Во время обучения в Лаик Ричард как сын мятежника много претерпел от директора капитана Арамоны, поощрявшего травлю впавшего в немилость аристократа. На службе у герцога Алвы Ричард походатайствовал перед Алвой за случайного встреченного юношу, желавшего попасть в гвардию, но узнав, что это Герард Арамона, сын того самого Арамоны, отозвал свою рекомендацию обратно.

Самое неприятное в этом поступке то, что здесь нет ни капли сословной спеси. Пока Ричард не знал имени Герарда, его не смущало, что в гвардии будет служить парень, живущий в мещанском доме без собственного герба над дверью и

родовых цветов. Неправда, что Герард никто – уже его отец был дворянином не в первом поколении, раз попал в армию тенъентом и потом занимал такую должность, куда метили даже заслуженные полковники (как вспоминает Арлетта). Герард подал прошение в гвардию, то есть имел на это право как дворянин, и если бы Ги Ариго подписал прошение, никаких законов чести он бы не нарушил. После Коннера и Шеман-таля для Дика не секрет, что в армии служат не только представители нового дворянства, но и вчерашние крестьяне. Если бы Дик до такой степени переживал за честь мундира, что ему невыносима сама мысль о не-эориях в армии, он изначально не стал бы рекомендовать Герарда. Это была личная месть, причем не обидчику, а его родственнику.

Пираты Карибского моря

Отношение Окделла к не-эориям больше всего напоминает отношение кузнеца Уилла Тернера к пиратам. Оно ведь до странности не характерное. Пират – это род занятий. Если ты кузнец, ты уже не пират – простая логика, на первый взгляд не оставляющая места для колебаний.

Но Уилл Тернер ведет себя совсем не так. Его экранное время поделено между фехтованием и душевными терзаниями с лейтмотивом «Ах, я рожден пиратом, у меня дурная кровь, я навек покрыт позором». Да ведь ты же кузнец, куй свое железо, не воруй и не будешь иметь к пиратам никакого отношения никогда! Нет, страдания о врожденном «пиратстве» развиваются таким образом, как будто речь идет о принадлежности к низшей расе, а не просто о занятии, хоть и малопочтенном.

Так и для Окделла зории – высшая раса, а все остальные – низшая. Их можно терпеть, если услужливы и полезны, но если кто осмелился причинить неприятности, как Арамона, то сын за отца отвечает, и никаких угрызений совести не возникает. Ричард настолько уверен в своей исключительности, что никакой параллели с Герардом даже не возникает. Ричард сам страдал от преследований за то, что был сыном своего отца, однако поступая так же по отношению к Герарду, он искренне не видит сходства. Для него это вещи не сравнимые.

Ричард Окделл на Ходынке

Такое же отношение к окружающим не раз проявляется уже после реставрации Раканов. Самый яркий пример – ситуация с Дорой. Будучи цивильным комендантом столицы при новом режиме, Ричард отвечает за организацию коронационных торжеств в Доре, окончившихся катастрофой. Дора – Ходынка того мира, оказалась местом страшной давки, в которой погибли тысячи горожан. Ричард провел несколько часов в толпе, не имея возможности выбраться, а когда его вытащили, громко возмущался, что не поторопились сделать это раньше, и отправился домой, отдыхать и приходить в себя.

Ликвидацией последствий занялись совершенно другие люди – Первый Маршал Талигойи Робер Эпинз, главнокомандующий армией, и герцог Валентин Придд, никакой должности в столице не имеющий, но имеющий в своем подчинении сплоченный отряд выходцев из Придды. Именно они безо всяких формальных обязательств и полномочий использовали имеющийся в их распоряжении ресурс для нормализации обстановки в столице, пока цивильный комендант приводил себя в порядок. Жители столицы в системе ценностей Окделла не воспринимаются как зона ответственности.

Идеалы Великой Талигойи

Итак, в мировоззрении Окделла присутствуют следующие идеи: ощущение собственной элитарности из-за принадлежности к эзориям, презрение и неприятие окружающих, отсутствие в иерархии чувства Родины, редуцированное представление о сословной чести, допускающее измену присяге и честному слову в зависимости от статуса того, кому оно дано. Эта система взглядов в цикле называется идеалами Великой Талигойи.

Представитель старой доолларовской знати герцог Эгмонт Окделл был привержен идеалам Великой Талигойи и идее реставрации Раканов. Центральное место в идеалах Великой Талигойи играет сознание принадлежности к эзориям – древнему роду Повелителей.

Люди Чести – эории, потомки богов, они правят Талигойей по праву рождения и древней крови. Главным из эзориюв является Ракан, отсюда и вытекает династический принцип правления в Талигойе. Ракан не должен получать

божественную санкцию на правление, его кровь – такая санкция и гарантия. Все не-эории занимают в Талигойе подчиненное положение, потому что отделены от эориев абсолютно непреодолимой границей – своей кровью.

Идеалы Великой Талигойи дают Ричарду возможность сознать себя принадлежащим высшему роду людей. Преданность Ричарда новому королю Ракану – это преданность принципу коллективной элитарности эориев, главный из которых – Ракан. Этот своеобразно понятый династический принцип сыграл решающую роль в отравлении Алвы и других поступках Ричарда, которые он сам не считает преступлениями.

Для Ричарда Окделла его принадлежность к избранным не подлежит сомнению и составляет основу личности. Критерий избранности в данном случае – кровь эория, принадлежность к роду богов. Граница, очерченная кровью, непроницаема. Ричард верен королю Альдо как одному из эориев, и никакое поведение не-эориев не может сделать их равными с Ричардом по онтологическому статусу.

Ричарда заставляет действовать либо коллективный интерес касты эориев, либо то, что касается его лично, что тронуло его чувства, за что он зацепился сердцем.

Как мы уже знаем, деление людей на две непересекающиеся группы – первый признак теологемы Невидимой Церкви. Одна группа – эории – имеет доступ к сакральному по праву своей крови, а другие люди – как трава, которая сегодня растет, а завтра будет брошена в печь, и ничего не останется. В цикле Веры Камши Ричард Окделл оказывается единственным носителем мировоззрения, сформированного как секулярный вариант Невидимой Церкви. Он противопоставляется другим персонажам эпопеи, поскольку они этой системы ценностей не разделяют.

Время белого человека в Кэртиане

Итак, мировоззрение Окделла, проявленное в романе, не сводится к сословным предрассудкам талигойского дворянина, исключает патриотизм и центрируется чувством собственной избранности, которое вырастает из коллективной элитарности из-за принадлежности к высшей расе, эориям, потомкам богов.

Подобное мировоззрение известно и в земной истории. Его демонстрировали носители протестантской культуры по отношению к другим народам. Это ощущение собственной избранности, вырастающее из чувства коллективной элитарности, имеющего религиозное обоснование. Подобная коллективная элитарность может существовать в виде расизма, социал-дарвинизма, либерализма и других учений гностического типа, которые обосновывают деление людей на две группы с разным онтологическим статусом, переход между которыми невозможен. Если говорить об историческом периоде, к которому отсылает роман, то можем найти такую модель поведения в следующей ситуации: несмотря на то, что окружающие Окделла люди имеют тот же цвет кожи, не обвешиваются бусами, не носят кольца в носу и перья в волосах, Ричард ведет себя с ними так, как будто он белый человек в лесах и прериях Нового Света в XVII–XVIII вв.

Вспомним эту логику мышления. Дикари отважны? Это признак их варварства и глупости, они не понимают опасности и храбры звериной храбростью. Дикарь верен своему вождю и не предаст его за деньги? Это опять же признак глупости – не понимает цену денег, и звериной привязанности к вождю – верен ему по-животному, как собака, на уровне инстинктов, недостойно белого человека. Ценит клятву, которую он дал? Дикарское суеверие и варварство. Спас жизнь белому человеку? Это его долг и обязанность, наконец-то это тупое создание осознало хоть такую простую вещь.

Итак, в сеттинге «Трех мушкетеров», построенном по канону историко-приключенческого романа, появляется персонаж из рассказов Киплинга или романов Готорна, белый человек среди дикарей.

Ричард Окделл среди дикарей

Попытка убийства Алвы, нарушение клятвы оруженосца легко вписывается в парадигму поведения белого человека, защищающего интересы своей элитарной группы от кого-то из недочеловеков. Суд над герцогом Алвой тоже можно рассматривать как пример конфликта цивилизаций в межкультурной коммуникации. Для русского читателя Окделл поступил подло – стал судьей человека, которому присягал на верность, который спас ему жизнь и который заведомо не виновен в том, в чем его обвиняют. Для Окделла же это выглядит следующим

образом: белые люди судят индейца, чтобы соблюсти формальности. Тут вообще никаких вопросов не возникает, почему Ричард так поступил. Какой белый человек на его месте поступил бы иначе?

Протестантская цивилизационная парадигма проявляется и в отношении к присяге Дика королю Фердинанду Оллару, которую Окделл дал как военный, как дворянин, и не считает нужным соблюдать. Для него ситуация выглядит следующим образом: белый человек вынужденно, под давлением обстоятельств клянется в верности индейскому вождю. Разве кто-то может всерьез полагать, что эта присяга его к чему-то обязывает? Как только прекратилось давление обстоятельств, автоматически испарилась и присяга, он даже не поймет, о каких угрызениях совести идет речь.

Когда королева Катарина отказалась разводиться с Фердинандом, свергнутом королем, реакция Ричарда: да она святая! Держит слово, данное даже дикарю! Новый король Альдо Первый добавляет: и немного не от мира сего, это уж чересчур. Так относились герои Фенимора Купера к Зверобою: слишком уж щепетилен, считает, что нельзя обманывать даже дикарей! Не для нормальной жизни.

Поведение Окделла в ситуации с Дорой, когда спасенный занялся своей особой, не обращая внимания на окружающих, совершенно нормально с точки зрения человека протестантской культуры. Если бы лет двести назад настоящий белый человек застрял на два часа в немыслимой давке среди негров или китайцев... Не совсем понятно, какой реакции в этом случае ожидают поклонники цивилизованных европейцев, несущих свет просвещения диким дикарям, но мои ожидания описанное в книге полностью оправдало. Все погибшие негры, пришедшие за своими бусами, не стоят и одной минуты страданий белого господина, Киплинг, Готорн, Фолкнер и Марк Твен тому свидетели.

Окделл в Невидимой Церкви

Итак, хотя Ричард ведет себя искренне и по мере сил поступает ответственно, он действует в системе ценностей, несвойственной остальным персонажам цикла. В этой системе ценностей базовое ощущение собственной исключительности занимает центральное место и влияет на расста-

новку приоритетов. Регулирующими ценностями, занимающими высшее положение в иерархии, являются интересы эзриев, с которым Ричард себя идентифицирует, а также те вещи, которые затрагивают Ричарда лично. Слово чести и присяга, сословная иерархия, ответственность за подчиненных, Родина не входят в систему ценностей, определяющих поведение в значимых ситуациях, отходят на второй план, действуют только в относительно спокойной обстановке и не действуют в момент кризиса.

Показанное в цикле мировоззрение Ричарда Окделла, сформированное на основе коллективной элитарности, является доминирующим в странах протестантской культуры и представляет собой секулярный вариант учения о Невидимой Церкви. Это мировоззрение выражается в самых разных дихотомиях: либералы и традиционалисты, глобалисты и трамписты, веганы и мясоеды, любители животных и догхантеры, чайлдфри и детные, активисты ЛГБР и традиционалисты. Принцип деления людей на две категории может быть абсолютно произвольным, однако в каждом случае после выделения группы из пространства коммуникаций начинается создание образа коллективного антагониста и его демонизация, к делению подводится религиозная или квазирелигиозная основа. В последние десятилетия этот процесс искусственно привязывается только к расизму белых (движение BLM), однако на самом деле это попытка легитимизировать те же методы в случае, когда они практикуются не белыми. На основе культурно-обусловленного деления людей на две категории с разным онтологическим статусом возникают колониальные государства. В колониальных государствах общество служит интересам правящего класса, а ценности каждого представителя этого класса центрированы на чувстве собственной избранности.

Ричард Окделл действует в парадигме Невидимой Церкви. Посмотрим теперь, кто и как противостоит ему в романе, какие ценности воплощают в своем поведении талигойцы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАЛИГОЙЦЫ: ЕВРОПЕЙЦЫ ИЛИ РУССКИЕ?

Как устроено государство Талиг?

Талиг в цикле изображается как королевство. Рассмотрим, какие стратегии социального взаимодействия описаны в цикле как социально-приемлемые и приносящие социально-одобряемый успех. Династический принцип в Талиге важен, но не играет решающей роли. Сохранение империи не тождественно сохранению династии. Талиг – сословное государство, в котором коллективная идентичность дворянина строится на культурной памяти места и сословном самосознании. Персонажи цикла служат в армии, получают высокие звания и поместья за личные заслуги.

Формально для всех дворян-талигойцев важна династия Олларов, которой они служат. В то же время по ходу действия романов обнаруживается, что династический принцип не стоит на самой вершине иерархии, а важнее единство империи и ее защита. Эта система ценностей проявляется в действиях королевы Катарины и Марселя Валме.

В сословном самосознании дворянина в Талиге интегрируются две составляющие. Дворянин получает звание, людей и поместья за службу королю и государству. И выслужившийся дворянин, и феодал, владеющий герцогством, рассматривают свое владение как часть службы и отвечают за тех, кто от них зависит. Эту модель поведения реализуют герцоги Валентин Придд и Робер Эпинэ.

Фермеры-пограничники Коннер и Шеманталь принимают участие в варастьской кампании под началом Алвы. Знающие обстановку, смелые, инициативные, они быстро продвигаются в военной иерархии, и к концу военных действий становятся полковниками и помещиками. Герард Арамона, дворянин, однако не из старого рода, служит порученцем герцога Алвы, участвует в фельпской кампании и получает титул рэя, соответствующий баронскому. Служба в талигойской армии – это способ стать дворянином и получить доступ к рычагам управления.

Рассмотрим эти моменты подробнее.

Династия или Родина?

Как показывает опыт Римской империи, династический принцип не противоречит имперскому, но и не заменяет его. В первом Риме император выбирал себе наследником кого он считал достойным и усыновлял его. В Византии династии в три поколения подряд большая редкость, чаще всего императорами становились совсем новые люди, что не мешало империи стоять веками. В России сложилась уникальная ситуация, когда род Рюриковичей правил Русью семь веков, а после этого еще триста лет правила династия Романовых, родственная Рюриковичам. Однако в двадцатом веке Россия показала свою способность воссоздавать имперские структуры и в отрыве от династического принципа: и СССР, и РФ управлялись людьми, не имеющими отношения к династии, однако занимающих в иерархии то же место, что и византийский император – место светского и духовного лидера империи. Отраженная в «Отблесках Этерны» модель поведения талигойцев ближе к византийской и российской, и явно не европейская. Рассмотрим ее на примере королевы Катарини Оллар и офицера для особых поручений Марселя Валме.

Стратегия королевы Катарини

Королева Катарина – одна из самых неоднозначных героинь цикла. Она не репортер, ее мысли читатель не знает, а окружающим она говорит противоположные вещи, в соответствии с ситуацией и логикой, которую трудно уловить. Катарина гибнет в романе, и читатель должен сам сводить воедино информацию, полученную от разных наблюдателей в разных книгах цикла. Королева постоянно действует во враждебном окружении: до захвата Олларики она в перманентном конфликте с могущественным кардиналом Дораком, в ходе реставрации Раканов ее отстраняют от власти. Все эти перипетии требуют от королевы величайшей осмотрительности, собранности и точности в интриге, которые она и проявляет.

Если анализировать не речи королевы, а ее поступки, то получается, что при дворе короля Фердинанда Оллара она помогает герцогу Алве, а в период оккупации столицы, когда Катарина вынуждена действовать в одиночку, она работает против Ракана и ради Талига.

В первой части цикла королева постоянно интригует и притворяется, действуя в союзе с канцильером Штанцлером, готовящим реставрацию Раканов. В то же время все ее интриги идут на пользу не Раканам, а Алве:

королева предупредила Приддов о письме Штанцлера, когда Джастину, другу Рокэ грозила беда;

королева добилась назначения Алвы в Варасту и вручения ему меча Раканов;

покушение Окделла на Алву при участии королевы сорвалось, и Рокэ остался жив.

При смене режима Катарина сумела сохранить свое влияние и реализовала несколько важных проектов, не привлекая внимания нового короля: сорвала суд над Алвой, перетянула на свою сторону нового Первого Маршала Робера Эпинэ, организовала грамотный трансфер власти в столице после гибели Альдо Ракана, которого сумела устранить. Катарина действовала доступными ей методами ради своей страны и народа. Формально в Талиге женщины не могут править, кроме того, было доказано незаконное рождение Катарины, однако для талигойцев, включая аристократов Катарина осталась Королевой до самого конца.

Катарина добилась этого своими действиями ради Талига. Реставрация Раканов давала формальный повод сменить династию, которой многие были недовольны, но стратегия грабежа в побежденном городе и раздачи талигойских земель врагам, которую выбрал новый король, свела его шансы к нулю. Действия же Катарины показали, что она не боится рисковать ради Родины, Талиг для нее на первом месте, и поэтому Катарина осталась королевой.

Игра Марселя Валме

Та же расстановка приоритетов проявляется в истории Марселя Валме. Марсель Валме – один из постоянных героев эпопеи, одинаково безупречный и в светском салоне, и в отряде бакранских дикарей. Марсель – воин, поэт и дипломат, умеющий найти общий язык и с земными владыками, и с нечистой силой.

Интрига Марселя по освобождению Алвы – одна из самых интересных в цикле. После реставрации Раканов Марсель приезжает в столицу как посол Ургота, с паспортом другого государства и дипломатической неприкосновенностью. Он не

только узнает, где и как содержат Алву, но и разгадывает смысл его магической клятвы Первого Маршала и находит способ освободить своего командира самым радикальным способом – убийством того, кому клятва принесена, то есть короля.

Алва отдал свою свободу в залог за жизнь короля, и пока король находится в руках мятежников, Первый Маршал не может бежать – это будет иметь не столько политические, сколько магические последствия, и обернется масштабной катастрофой для Кэналлоа, родины Алвы, а возможно, и для всего Талига. Распутав эту загадку, Марсель начинает действовать. Главной угрозой для Алвы оказывается король, связывающий руки как самому маршалу, так и всем, кто пытается его освободить.

Если король угрожает Талигу, то нужно защищать Талиг, а не короля. В этой системе ценностей и действует Марсель Валме: Талиг ведет войну, без Алвы он может проиграть и потерять провинции, и Марсель провоцирует Альдо Ракана совершить убийство человека, который держит Алву вдали от армии.

Как для Марселя, так и для других персонажей цикла такая расстановка приоритетов является естественной и не вызывает вопросов.

Талигойские аристократы сражаются и дуэлируют

Итак, родина для персонажей цикла выше династии. Теперь посмотрим, как проявляется сословное самосознание в эпопее. В цикле есть еще несколько персонажей того же ранга, что и Ричард Окделл, которые являются носителями сословного самосознания. Это герцоги Рокэ Алва, Робер Эпинэ и Валентин Придд. Их герцогский статус заставляет их реализовывать следующие модели поведения.

Повелитель Ветра Рокэ Алва – первый маршал и государственный деятель в царствование Фердинанда Оллара. В цикле его образ заметно трансформируется при переходе от первой ко второй части. Если в начале романа с точки зрения репортера Окделла мы видим безответственного дуэлянта и прожигателя жизни, то уже к концу первой части перед нами полководец и дипломат, умеющий найти подход к каждому: от ополченца на передовой до принцессы в королевском дворце.

Повелитель Молний Робер Эпинэ и Повелитель Скал Валентин Придд по внешним обстоятельствам своей жизни противоположны Алве и сближаются с Окделлом: все трое – эории из дооларовской знати, в той или иной мере гонимые в царствование Фердинанда: Ричард – сын Эгмонта Окделла, поднявшего восстание, Эпинэ сам в этом восстании участвовал, Придды много лет пребывают в постоянной оппозиции к Олларам. Все трое поддержали Альдо Ракана. Робер Эпинэ и Валентин Придд представляют собой два возможных варианта поведения с исходными данными Окделла в сходной ситуации. Тем разительней контраст.

Робер Эпинэ оказывается ключевой фигурой реставрации Раканов: его герцогство Эпинэ первым поддержало принца, ополчение Эпинэ составило костяк армии Ракана, дополненной наемниками, именно Эпинэ становится Первым Маршалом при новом режиме. В то же время на своей высокой должности он постоянно защищает своих солдат и жителей столицы. Только благодаря его усилиям и личному ресурсу в виде ополчения Эпинэ в оккупированном городе не воцарились насилие и голод. Робер – личный друг нового короля Альдо, однако его положение герцога, за которым пошли люди, постоянно его обязывает и мотивирует, и в конфликте дружбы и ответственности за жителей королевства Робер выбирает верность талигойцам.

Валентин Придд связан со своим домом еще сильнее, чем изгнанник Эпинэ. Валентин стал герцогом в девятнадцать лет после смерти его отца, герцога Вальтера Придда в Багерлее при короле Фердинанде. У Валентина есть личные мотивы для свержения династии Олларов и поддержки Раканов. Однако наряду с личными чувствами Валентин выполняет свой долг. Для него герцогское звание не просто приятный титул, дающий только права. Валентин принял на себя ответственность за всю семью и за свое герцогство. На этой основе формируется его ответственность и за свою Родину. Эта ответственность является его мотивом для принятия важных решений в ключевые моменты развития событий. Видя грабительскую политику Ракана в Олларии, Валентин пытается исправить ситуацию доступными ему средствами, поддерживая порядок в столице с помощью своих людей. Решение нового короля отдать приграничные области Дриксен в обмен на политическую поддержку заставляет Валентина сделать окончательный выбор: он, как и Ричард, переступает через личные

чувства, однако делает это не ради интересов зориев, а ради своей страны. Валентин забирает своих людей и уходит из столицы на север, на территории, где продолжает существовать Талиг, в котором временно нет короля.

Таким образом, общество и государство, в котором и ради которого выстроена иерархия ценностей, всегда находятся в поле зрения талигойских дворян высокого ранга. Сословное самосознание интегрировано в имперскую ментальность, причем на вершине иерархии стоит Талиг, а не династия.

Как мы уже видели в первой части, отношение к дуэлям в Европе и России разное. В Талиге дворяне часто участвуют в дуэлях. Однако связь дуэли с сословным самосознанием в романе не прописана. Талигойские дворяне не считают для себя унижением общаться с выслужившимися офицерами, вчерашними солдатами, поскольку по-настоящему честь можно приобрести и потерять в армии и на военной службе, а дуэли воспринимаются как часть декора. Только Ричарда Окделла задевает и оскорбляет необходимость быть на равных с сослуживцами не из зориев (а поскольку таких несколько человек на всю страну, это значит, со всеми).

Что делать, когда Самозванец захватывает трон?

Талигойцы, показанные в «Отблесках Этерны», используют единую систему управления в кризисных ситуациях. В мирное время талигойцы ведут себя согласно социальным ролям сословного общества, но в момент кризиса мобилизуют все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, чтобы разрешить ситуацию и обеспечить сохранение социума. При этом формально они нарушают закон, действуют вне рамок не только условностей, но и юридических норм. Характерно, что эта смена модели поведения является приемлемой, нормальной и ожидаемой для всего общества – такие действия не вызывают удивления или отторжения. Рассмотрим, как действуют в кризисной ситуации разные персонажи цикла: Алва, Эпинэ, Придд, Марсель и Бертран Валме, Лионель Савиньяк, Луиза Арамона.

Так, в начале своей военной карьеры полковник Рокэ Алва видит, что генерал Карлион проигрывает битву. В стабильном состоянии общества Алва вовсе не стремится к генеральской должности, занимаясь своим полком и своими людьми. Однако риск проиграть битву заставляет его сменить

модель поведения: Алва устраняет бездарного Карлиона, занимает его место, принимает командование и выигрывает битву. Хотя формально Алва нарушает присягу, армия его слушается, то есть признает необходимость его действий и понимает, как нужно поступать в кризисной ситуации.

Так же меняют свое поведение Робер Эпинэ и Валентин Придд в Доре, когда ликвидируют последствия массовой давки. Эпинэ – Первый Маршал и командует армией, Придд – частное лицо, герцог, имеющий в подчинении свою вооруженную свиту. В стабильном состоянии общества у них нет никаких юридических полномочий выполнять работу полиции. Однако в кризисный момент, когда цивильный комендант Окделл самоустранился, Эпинэ и Придд подключают всех, кто им подчиняется, для решения проблемы. Формально они нарушают закон, но фактически их слушаются как их люди, так и горожане. С нарастанием напряженности в столице Эпинэ и Придд фактически перестают заниматься своими прямыми обязанности военного и феодала, а полностью берут на себя обеспечение и поддержание порядка в городе, не имея на то никаких формальных полномочий. Король Альдо Ракан неоднократно указывает Первому Маршалу, что наводить порядок на улицах и ловить воров – не его дело, однако Эпинэ имеет возможность решить проблему, он уже взял на себя это дело и теперь не может от него отказаться, реализуя ожидания своего окружения – не придворных, а подчиненных. Подчиненные Придда и Эпинэ не саботируют странные приказания руководства, а активно их выполняют, и получают поддержку жителей столицы. Это значит, что логика управления со сменой образца поведения и вопреки формальным нормам понятна талигойцам и работает в их обществе.

Марсель Валме из всех персонажей меняет нормы поведения наиболее ярко и осознанно. Марсель – офицер для особых поручений при особе Первого Маршала Алвы. Когда Алва уезжает с фронта в Олларию и сдается Ракану, Марсель остается без должности. Более того, Алва сознательно уезжает один, приказав Марселю не вмешиваться. В мирное время такая ситуация снимает с человека всякую ответственность и дает ему возможность с чистой совестью отойти от дел или пойти обычным офицером в армию. Однако в кризисной ситуации Марсель использует все свои возможности – дипломатические навыки, связи в правящей элите, военных Тронко,

сохранивших верность Олларам, составляет план действий и приводит его в исполнение. Марсель берет на себя ответственность, сознательно рискует жизнью, действует без всяких формальных оснований и достигает цели.

Отец Марселя Бертран Валме является самым влиятельным феодалом в провинции Эпинэ. Он остался верен Олларам и фактически стал опорой законной власти в Эпинэ, когда в столице разразилась катастрофа. Бертран не занимает никакой должности в провинции и не имеет никаких юридических оснований действовать. Однако в кризисный момент, ради сохранения Талига во время войн и гражданских неурядиц, Бертран действует без формальных оснований и выравнивает положение дел. Ему подчиняются не только рядовые жители Эпинэ – в качестве власти имеющего его признает и официальный регент Ноймаринен, и маршал Севера Лионель Савиньяк. В этой ситуации для всех персонажей является нормой то, что во время катастрофы действует тот, кто может, а не тот, у кого есть для этого законные основания. Правила поведения в кризисной ситуации меняются, законы не соблюдаются, и для всех талигойцев это не признак развала и анархии, а признак плодотворной работы и улучшения ситуации.

Лионель Савиньяк, талантливый полководец и дипломат, принадлежит к олларовской аристократии. В мирное время он служит в армии, проводит свое время в светских развлечениях и не вмешивается в большую политику. Реставрация Раканов застаёт Лионеля на северном фронте в ранге маршала Севера. В кризисной ситуации Савиньяк расширяет поле своей деятельности до максимальных пределов, выходя за рамки своей непосредственной должности: он выигрывает битвы, заключает дипломатические союзы с рядом государств, готовит восстание своих сторонников в оккупированной столице, связывается с командующим южным фронтом и даже пытается выяснить мистическую подоплеку событий. Савиньяк ведет себя не как обычный генерал, выходит за рамки своих полномочий, берет на себя дела, которые формально его не касаются. Талиг, наивысшая ценность в системе ценностей Лионеля, подвергается опасности, стоит на грани уничтожения, и Лионель активно действует, меняет образец своего поведения и добивается результата. Маршал Савиньяк – один из самых важных героев второй части цикла. Его поведение полностью одобряется подчиненными, и маршал Ли приобретает

такую популярность, что может легко занять опустевший трон. Лионель Савиньяк действует в системе ценностей, которую разделяют все талигойцы.

Наконец, посмотрим, как себя проявляет Луиза Арамоны. Это небогатая дворянка из новой знати, некрасивая сварливая жена капитана Арамоны с пятью детьми. В начале цикла она должна была выполнять роль комической иллюстрации приземленного быта Арамоны, но быстро доросла до репортера и заняла важное место в сюжете. После исчезновения Арамоны Луиза оказывается под покровительством Алвы, попадает ко двору и занимает место рядом с бывшей королевой Катариной в период реставрации Раканов. Очень интересны выходы Луизы из границ социальной роли, хотя ее никто об этом не просит и поначалу даже не посвящает ни в какие планы. Луиза решает быть глазами и ушами Алвы при дворе и придумывает систему шифров, чтобы передавать ему сведения. Луиза сопровождает королеву в Багерлее, а также активно участвует в подготовке восстания в Олларии, помогая маршалу Савиньяку. До самого конца цикла Луиза постоянно вмешивается в ситуацию, поставив свои знания и возможности на службу Талигу на том месте, где она находится. Никаких формальных оснований для этого у Луизы нет. В кризисной ситуации она меняет модель поведения, выполняет гораздо больше, чем от нее ожидают, и получает социальное одобрение своим действиям.

Итак, в романе показана модель управления со следующими характеристиками: нормы поведения в стабильной и нестабильной ситуации противоположны, в кризисный момент используются все доступные возможности для решения проблемы. В нестабильной ситуации социально-поощряемы действия, строго наказуемые в мирное время. В момент кризиса можно действовать вне формальных и юридических оснований, однако это не разрушает общество, а помогает преодолеть кризис. В такой ситуации каждый талигоец на своем месте действует по собственной инициативе по единому образцу: найти неиспользованные ресурсы и направить их на нормализацию обстановки. Формальная законность этого действия не имеет значения, и это общественно-приемлемо.

Альдо и горожане: кто кому должен?

Еще одна жизненная стратегия в нестабильной фазе, в период потрясений: сохранить то, к чему ты имеешь доступ. Делать свое дело на своем месте. Ежедневное воссоздание какого-нибудь элемента общества требует затрат труда, сил и энергии, культурно заданного целеполагания, осмысленной деятельности и ежечасного выбора. Рассмотрим в этом аспекте город, столицу. Существование имперской столицы возможно не во всякой цивилизации, и в «Отблесках Этерны» это показано на примере Оллари.

В городе живет множество людей и все они участвуют в отношениях, которые формируют город. Город на самом деле – это не просто дома и дороги, город на самом деле в головах. Город – это тысячи людей, которые знают, как надо жить в этих домах и по каким правилам двигаться по этим дорогам. Горожане пекут хлеб, шьют одежду, привозят в город вино, метут улицы, обогревают жилища, водят детей в школу, собираются по вечерам в трактирах, ходят к друг другу в гости на чашку шадди, меняют деньги, продают духи, чистят шпаги, строят дома, учат танцам, пишут документы, охраняют порядок, издают книги, убирают комнаты, лечат больных и разыгрывают еще десятки жизненных ролей, каждая из которых важна для существования города и каждая из которых появилась на не на пустом месте и требует ежедневных усилий для своего функционирования.

Чтобы по достоинству оценить такое поведение простых горожан, надо правильно представить иерархическую структуру общества. Горожане не могут развлекать короля беседой, давать ему полезные советы по управлению государством, составлять его свиту на параде или закрывать его собой при покушении на его жизнь. Горожанам эти действия недоступны в силу самого их положения. Однако горожане могут делать десятки других вещей, которые столь же важны для страны и так же являются их долгом, как для рыцаря война, а для монаха молитва. Если при этом горожане еще кричат ура и в воздух чепчики бросают при появлении короля, это приятный бонус, но никак не обязательная часть их обязанностей. Если город существует и существует как столица, горожане уже сполна исполнили свой долг.

Итак, город не растет сам как трава после дождя, его существование – результат сознательных усилий тысяч людей.

Повседневные действия горожан воспроизводят город в качестве столицы. Их же действия как жителей страны обеспечивают целостность империи. Этот труд должен поощряться обществом и государством. Если правитель перестает по достоинству оценивать эти усилия, то либо он погубит город, либо город сменит правителя.

Таким образом, что в правление Альдо сделали горожане, очевидно – сохранили имперскую столицу. А что сделал для горожан Альдо? Отдал талигойские земли врагам и организовал праздничное гуляние. Дисбаланс не в пользу анакса. Если в композиционном отношении эпизод гибели Альдо является не самым удачным, то историческая неизбежность такого исхода уловлена совершенно верно, потому что с такими представлениями о взаимных обязанностях правителя и подданных в государстве анакс не мог удержать власти в Талиге – и не удержал.

Приоритеты и координаты талигойцев

Итак, система ценностей талигойцев в «Отблесках Этерны» выглядит следующим образом. Для военного и дворянина в Талиге ценности располагаются по возрастанию важности так: командир – король – Талиг. Именно этот порядок определяет законы и обычаи, а не определяется законами. Если какая-то ситуация не прописана в законе явно, люди разрешают ее именно в этих рамках. Конфликт двух ценностей решается в пользу высшей из них.

Если командир угрожает королю, подчиненный должен защищать короля, и это не является нарушением присяги, это является выполнением присяги. Чарльз Давенпорт не нарушал присяги, когда стрелял в маршала Рокслея, поднявшего мятеж против короля Фердинанда.

Если командир угрожает Талигу (предает армию врагам, проигрывает битву), подчиненный должен защищать Талиг. В этой системе ценностей действовал Алва, когда стрелял в Карлиона. Хотя юридически Алва нарушил присягу, ни он сам, ни окружающие не считают его преступником, потому что он выиграл битву и спас армию, которую чуть не погубил Карлион.

Если король угрожает Талигу, важнее оказывается Талиг, как показано на примере Марсея Валме. Эту систему ценностей соблюдают все персонажи, с которыми сталкивается и конфликтует Ричард Окделл.

Для талигойских дворян Талиг понимается как все талигойцы, а не только эории. Вред или опасность для обычных людей Талига является для этих персонажей мощным мотивом к действию. Они в таких случаях стремятся предотвратить, защитить, помочь, уберечь на будущее, если уж в настоящем ничего нельзя исправить. Все государственные и военные деятели Талига так действуют, у каждого из них в конце цепочки побудительных мотивов находятся талигойцы и Талиг:

бириссы напали на Варасту – Алва взрывает озеро и устраивает потоп, в котором гибнут бирисские деревни;

в Октавианскую ночь горожане гибнут при погромах – Алва убивает вдохновителей;

Альдо Ракан отдал Марагону Дриксен – от него уходит Валентин Придд, чьи земли граничат с Марагоной;

Альдо Ракан грабит жителей столицы – его бросает Робер Эпинэ;

В то же время этот мотив ни разу не срабатывает в случае Окделла. Грабят горожан – так им и надо, отдали Марагону – ничего страшного, Надору в союзе с Дриксен ударить на верные Олларам армии – отличный план.

Разное отношение к Родине представляет собой нерв видимого конфликта персонажей в эпопее. Для Ричарда Талиг как самостоятельная ценность не существует, в то время как для других талигойцев в цикле Талиг важен как земля людей и территория смыслов. Для них важна и слава, купленная кровью, и полный гордого доверия покой, и темной старины отрядные преданья – все это синтезируется в образе Талига.

Русская империя Талиг

Итак, по ряду параметров Талиг отличается от европейских государств XVII – XVIII вв. и сближается с Российской и Византийской империей. В Талиге имперские ценности важнее династических, армия позволяет военному изменить свой социальный статус, если не всегда место в сословной структуре общества человек получает на государственной службе, то тенденция такая определенно имеется. Это различие является принципиальным. Ричард Окделл противопоставит другим персонажам, которые мыслят как русские, а не как европейцы, живущие в европейском королевстве.

Государственная власть в Талиге устроена так, как в Византии, а не по европейскому образцу. Король Талига в идеале стоит над схваткой кланов, а не является первым среди феодалов. Король Талига – гарант нормальной государственной жизни для всех подданных, он в книге действует как император, а не европейский король-феодал.

Идея справедливого общества, которую реализует своей деятельностью талигойский король, не является внешней и навязанной для остальных талигойцев. Когда происходит кризис, столицу захватывает самозванец и связность страны нарушается, люди на местах воплощают эту идею своими силами. Талиг не распадается на части согласно интересам феодалов, а сохраняет в сфере должного единство империи. Все слои талигойского общества работают на восстановление единого пространства, где реализуется государственная жизнь, порядок и справедливость.

В кризисной ситуации, в период войны, нашествия, потери связности страны общество переходит в кризисный режим управления. В этом режиме отбрасываются условности, не соблюдаются нормы стабильной фазы. Каждый кластер отыскивает скрытые ресурсы и мобилизует их для решения стоящей задачи:

армия фок Варзов, которая должна вести рутинную пограничную службу, выигрывает генеральное сражение;

маршал Севера Лионель Савиньяк заключает дипломатические договоры, создавая пояс безопасности на севере страны;

адмирал Альмейда включает в состав своего флота прибрежную флотилию Хексберг, торговые корабли, суда иностранных подданных Фельпа, и разбивает великую армаду, посланную Дриксен.

Эта модель поведения работает для всех кластеров вплоть до уровня одного человека: Луиза Арамона и Марсель Валме действуют в одиночку, но делают гораздо больше, чем от них ожидалось и чем сами они готовы были сделать в стабильном режиме.

Итак, Талиг в романе – русская империя, построенная на ценности соборности и работающая согласно русской системе управления. Модели поведения талигойцев принадлежат к русской цивилизации.

Заключение

РИЧАРД ОКДЕЛЛ В КОНФЛИКТЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Итак, «Отблески Этерны» – это произведение, в котором формально описано европейское королевство, а фактически – русская империя. На фэнтезийном материале автор сталкивает носителей разных цивилизационных идентичностей и описывает взаимодействие между ними. Цикл «Отблески Этерны» показывает, как разные культурные идентичности независимо от их происхождения в нашей реальности интегрируются в имперское самосознание и становятся его частью. Все – кроме одной, носителем которой является Ричард Окделл.

Критики из фандома правы в том, что мировоззрение Окделла не свойственно дворянам сословных обществ XVII – XVIII века. Это мировоззрение избранного среди отверженных, возникшее в протестантской культуре на основе теологии Невидимой Церкви, и в земной истории реализованное как мировоззрение белого человека среди дикарей. Ричард Окделл постоянно и последовательно в любой ситуации выдает только самые типичные реакции – но типичны они для протестантской цивилизации.

Талигойцы, с которыми в романе конфликтует Окделл, имеют другое мировоззрение. В их иерархии ценностей на первом месте Талиг, сословное самосознание основано на служении государству и ответственности за подчиненных, армия является социальным лифтом. Талигйоицы умеют действовать в двух парадигмах, меняя в кризисной ситуации свои поведенческие модели, при том, что не меняется высшее положение Талига в иерархии. Это поведение типично для представителей русской цивилизации.

В цикле романов «Отблески Этерны» сталкиваются персонажи с разной цивилизационной принадлежностью. Цивилизационный конфликт в этом случае проявляется в несовпадении ожидаемых моделей поведения разных персонажей. Ричард Окделл занимает разные места в социальной иерар-

хии Талига, от оруженосца до гражданского коменданта столицы, он общается с разными людьми, от слуг и простых солдат до высших офицеров и королевы. В каждом случае он ведет себя в соответствии с такими социальными нормами, которые по мнению талигойцев не являются правильными и адекватными в данной ситуации. От талигойцев Ричард ожидает поведения в соответствии со своими ценностями, а не ценностями окружающих. В результате разрушается возможность солидарного действия, а любые попытки взаимодействовать с Окделлом приводят к срыву планов, неприятностям и катастрофам.

Эмоциональная глухота Окделла к чужим переживаниям объясняется тем, что моменты, которые для окружающих важны и ценны, Ричард даже не выделяет из смыслового фона. Эмоциональная реакция на эти темы у Ричарда тоже отсутствует, потому что в протестантской культуре они не имеют смысловой нагрузки или вызывают негативную реакцию. Кроме того, мировоззрение Окделла не позволяет ему относиться к другим как к равным, он внутренне постоянно чувствует свою избранность, на уровне базовой структуры личности ощущает границу, отделяющую его от не избранных, и эмоционально слеп ко всему, что находится за этой границей.

Итак, противостояние Ричарда и других персонажей эпопеи объясняется их разной культурной и цивилизационной принадлежностью. Ричард Окделл и талигойцы фактически действуют в зоне конфликта цивилизаций, представляя разные его стороны: Окделл действует в протестантской цивилизационной парадигме, а остальные талигойцы – в русской.

Таким образом, цикл романов «Отблески Этерны» Веры Камши содержит описание двух моделей поведения персонажей, каждая из которых культурно обусловлена и реализует нормы и ценности протестантской и русской цивилизации соответственно. Конфликт ценностей разных цивилизаций приводит к конфликту персонажей, и описание этого культурного конфликта вынуждает автора к усложнению структуры всего цикла и к смене жанра произведения.

В литературном произведении современной российской писательницы Веры Камши отразились реалии цивилизационного конфликта русской и западной цивилизации, которые мы можем наблюдать прямо сейчас. Проблемы цивилизационной идентичности стали особенно актуальны после распада

СССР, вызванного не военным поражением или экономическим коллапсом, а произошедшим вследствие кризиса идентичности под напором агрессивной экспансивной протестантской цивилизации, флагманом которой являются США. Последние десятилетия Россия активно трансформирует собственную цивилизационную идентичность в зоне культурного влияния протестантской цивилизации. Эти процессы особенно плодотворно идут на границе Русского мира, в Донбассе. Донбасс не только воюет за Русский мир, но и осмысляет его культуру.

Свою первую научную публикацию на обсуждаемые в книге темы я сделала в 2016 году, уже после начала войны с Украиной, в луганском философском онлайн журнале «Тетта культура». Журнал учрежден в 2015 году в Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Это первое философское издание в ЛНР, созданное как площадка для научного общения оставшихся в Луганской Народной Республике ученых, которые после 2014 года сознательно решили жить, работать и развивать науку в республиках Донбасса.

Как бы ни хотелось кому-то из философов парить над схваткой в гондоле воздушного шара, мы все вовлечены в конфликт цивилизаций, книгу о котором вы прочитали. И каждый из нас ищет стратегию жизнотворчества в цивилизационном вихре. Пусть эта книга поможет вам сориентироваться, увидеть общую картину событий, и, как писал русский поэт Николай Гумилев, отметить свой собственный путь иглой на разорванной карте.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заславская Е. Путешествие с Верой Камшой и Ниной Ищенко..... 3

КАК ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ, ИЛИ НЕМНОГО ОБ ИМПЕРАТОРАХ,
САМОЗВАНЦАХ, МАГИИ И КОНФЛИКТЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 6

МИР ЭТЕРНЫ 9

Что такое Этерна и почему она блестит? 10

Возвращение Короля 11

Воцарение Самозванца 12

Король или Самозванец? 13

Оруженосец хочет как лучше 13

Две части эпопеи: слом структуры 14

От приключенческого романа к реалистическому 15

Трансформация главного героя: 16

Ричард Окделл и поколение Излома 16

Ненадежные рассказчики детективных сюжетов 17

Читатель попадает в текст..... 19

Читатель формирует текст: фандомы в сетях..... 19

Фандомы в реале: балы и ролевые игры 21

Фандомная литература: короли и капуста 22

Демиурги чужих миров 23

Фандомные Битвы..... 25

Отцы фандома: Борхес, Конан Дойль и Толкин..... 27

«Сад расходящихся тропок»: прочтение 2.0..... 28

Фандом «Отблесков Этерны»: 29

зеленый форум, дайри и другие..... 29

Точка бифуркации: два пути по этой книге 31

НАУЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КУЛЬТУРОЛОГА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 34

О чем пишет автор на самом деле 34

Столкновения на границах миров 35

Реальность создает культуру или наоборот?..... 35

Роли, которые играют люди 36

Тайная жизнь цивилизаций 37

Почемумальчик Гете обожает гексаметры?..... 38

«Все эти томы я перечитал еще в детстве...» 39

Диалог между Сатаной и Адрамелехом 40

Абадонна и Жуковский..... 41

Мысленный эксперимент с вязаной салфеткой..... 42

Христианские цивилизации Земли..... 43

Внутри цивилизации и на ее границе	44
Диалог культур: рецепция, инверсия, трансляция	45
Что происходит в зоне контакта цивилизаций?	46
Протестантская цивилизация: буря,	47
натиск и голографическое воспроизведение	47
В зоне контакта: Балканы	48
Украина в цивилизационном разломе	48
Мусульманское пограничье	52
Большие города...	53
Два принципа интеграции:	54
русская империя и Чужой	54
Захват защитного слоя	54
Внутри цивилизации: слово и дело	55
На границе цивилизации: экранирование,	56
тотальная деструкция, адаптация	56
Донбасс как русский фронтир	58
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ-ЧУЖОЙ	59
Европа и протестантская цивилизация: два в одном	59
Министр Лувва против Жоржа Милославского	60
Суд Божий водой, огнем и мечом	61
Феодал с минимальным ресурсом	61
Младенцы-полковники	62
Феодал превращается в белокурую бестию	63
Западная мораль как истина власти	63
Теологема Невидимой Церкви	65
Двойное предопределение к Раю и к Аду	66
Как узнать избранных?	67
Кому и что должен бесконечный индивид?	67
Мысленный эксперимент с Мелом Судьбы	68
Метим псу хвост: почему люди верят	70
в переселение душ?	70
Протестантский рай: никому по заслугам	70
Иван Царевич и Змей Горыныч	72
Невидимая Церковь и супергерои	73
Тайные подвиги людей в черном	73
Магам можно все	73
Европейские политики: от хутора до геополитического гиганта	74
Город на холме	75
Как управляется Город на холме	76
Сквозь культурную границу: русский центр цивилизации	77
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РУССКИЙ МИР	78
Империя – каркас русской цивилизации	78
Что общего у империи и Города на холме?	79

Единство против раздробленности	79
Равнозначность людей и территорий	80
Трансформация Римской республики	81
Прокопий Кесарийский о любви к варварам.....	82
Очарование Римской империи	83
Где живут европейцы?	83
Мысленный эксперимент с удельной Русью.....	84
Как разбить имперское единство?	89
Как создать колониальное государство?.....	90
Русь накануне конца света	91
Где искать вечную Римскую империю?	92
Теологическая экспертиза старца Филофея	93
Апполинариева ересь в первом Риме –	93
учение о филиокве	93
Флорентийская уния – падение второго Рима	94
Москва – Третий Рим.....	95
Православная и атеистическая соборность в России	96
Глобус Украины: инвестированная соборность.....	97
Русская модель управления: два режима	97
Кризисный режим управления: мобилизация.....	98
Стабильный режим управления: уравниловка	99
Перевод общества в нестабильный режим	101
управления	101
Кризис – время возможностей.....	102
Кризисный режим управления в 2014 году	102
в Донбассе.....	102
Почему в России не появилась дуэль?	104
Дуэль в «Капитанской дочке»:.....	104
брань на восточном входе	104
Армия в России как социальный лифт	106
Русский мир русской цивилизации	107
Как культуролог читает «Отблески Этерны».....	107

ВНУТРИ «ОТБЛЕСКОВ ЭТЕРНЫ»

КАРТА ВТОРОЙ ЧАСТИ.....	110
ГЛАВА ПЕРВАЯ. МАГИЯ ЭТЕРНЫ	111
Скверна в Кэртиане.....	111
Магия и/или технология?	111
Абвении и Повелители	112
Четверка и Излом.....	112
Эсператизм: чем и ожидаем	113
Политическая карта Кэртианы	113
Узурпатор и новая религия.....	114
Абвении и терраформирование	114

Гальтара – база инопланетных технологий	115
Генетический код доступа.....	115
Проблема контроля: Зверь-Ракан.....	116
Утрата контроля и эсператизм	117
Номенклатура кэртианской магии	117
Повелители – щит против Скверны	118
Невидимая Церковь в Кэртиане	119

ГЛАВА ВТОРАЯ. РИЧАРД ОКДЕЛЛ, ГЕРЦОГ И КАТАСТРОФА .. 121

Неудача автора или портрет культуры?.....	121
Герцог Окделл, Повелитель Скал,	121
эорий и оруженосец	121
Ричард Окделл и его преступления.....	122
Фиаско оруженосца	123
Родина в «Аскольдовой могиле»	124
Надор и Талиг: родина малая и большая	126
Лирическое отступление о Лермонтове.....	127
Эорий между королем и самозванцем	128
Ричард Окделл и его присяги	129
Английские дворяне держат слово	129
В армии короля Фердинанда	130
Князь Андрей и герцог Алва	131
Еще один сын преступного отца	132
Пираты Карибского моря.....	133
Ричард Окделл на Ходынке	134
Идеалы Великой Талигойи	134
Бремя белого человека в Кэртиане.....	135
Ричард Окделл среди дикарей	136
Окделл в Невидимой Церкви	137

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАЛИГОЙЦЫ: ЕВРОПЕЙЦЫ ИЛИ РУССКИЕ? 139

Как устроено государство Талиг?.....	139
Династия или Родина?.....	140
Стратегия королевы Катарины	140
Игра МарсеяВалме	141
Талигойские аристократы сражаются и дуэлируют	142
Что делать, когда Самозванец захватывает трон?.....	144
Альдо и горожане: кто кому должен?.....	148
Приоритеты и координаты талигойцев	149
Русская империя Талиг.....	150

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

РИЧАРД ОКДЕЛЛ В КОНФЛИКТЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	152
---	-----

Литературно-художественное издание

Ищенко Нина Сергеевна

**БОРЬБА ЦИВИЛИЗАЦИЙ
В «ОТБЛЕСКАХ ЭТЕРНЫ»:
культурологический анализ
литературного сериала**

Компьютерная верстка – Котова Е. В.
Рисунок и дизайн обложки – Бурхан И. А.
Фото – Кондауров А. С.

Подписано в печать 10.09.2021.

Формат 60x84/16.
Типограф. гарнитура Georgia.
Печать. RISO. Усл.-печ. л. 9,24
Тираж 100 экз.